

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 3
ББК 6/8
С69

С69 «Социология, политология, философия и история: тенденции развития в современном мире»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (17 сентября 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 134 с.

ISBN 978-5-4379-0127-4

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Социология, политология, философия и история: тенденции развития в современном мире» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ISBN 978-5-4379-0127-4

ББК 6/8

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2012 г.

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. История и теория политики	6
РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛИТИЧЕСКОМ УЧАСТИИ Доброградных Глеб Олегович	6
1.2. Политика в России	12
ВЕКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ РФ Барсова Елена Сергеевна	12
1.3. Мировая политика	17
КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ Аймухамбетов Тимур Талгатович	17
К ВОПРОСУ О ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИТИКЕ: НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ Авксентьева Татьяна Геннадиевна Черная Наталия Владимировна	23
МИРОТВОРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ КАК ФАКТОР МИРА И СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ Вергузь Александр Сергеевич	27
1.4. Социология и психология политики	32
МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК АГЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ Бучкова Алла Ивановна	32
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ Липская Лариса Алексеевна	37

Секция 2. Социология	42
2.1. Социология организации	42
ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ Власкин Виктор Юрьевич	42
Секция 3. Философия	47
3.1. Философия и ее роль в современном обществе	47
РУССКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ФИЛОСОФЫ О ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ, ВОСКРЕШЕНИИ И СПАСЕНИИ ДУШИ Гутова Светлана Георгиевна	47
ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА Котов Жан Викторович	59
НАРОДНИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАЗАНИ Цымрина Татьяна Валерьевна	63
3.2. Социальная философия	71
МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В БРАКЕ И «ГРАЖДАНСКОМ БРАКЕ» Смирнова Наталья Николаевна	71
3.3. История философии	76
ЯЗЫКОВЫЕ СТРУКТУРЫ, СОЗНАНИЕ И ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ Барановская Оксана Борисовна Полянская Екатерина Борисовна	76
ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ Чернухина Марина Анатольевна	81
3.4. Онтология и теория познания	85
РЕСУРСНЫЙ СТАТУС ЗНАНИЯ В ЗНАНИЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: ЭКОНОМИКА И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ Ведмедев Михаил Михайлович	85

Секция 4. История	93
4.1. История России	93
МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА УЧИТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1902—1920 гг.) Кочурина Светлана Анатольевна Жанжора Надежда Викторовна	93
ОРГАНИЗАЦИЯ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ЗАБАЙКАЛЬЕ В XIX ВЕКЕ Капустин Роман Евгеньевич	104
СТАНОВЛЕНИЕ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА. Корзун Василий Иванович	109
ПЕРЕМЕНА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В МАТРИМОНИАЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ В СРЕДЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В 1-Й ПОЛ. XIX В. Филяревич Татьяна Сергеевна	114
4.2. Этнология	119
ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В МОЛДОВЕ И ПРИДНЕСТРОВЬЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Вергузь Александр Сергеевич	119
РОЛЬ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В МИФАХ НАРОДА МАНСИ Кумаева Мария Владимировна	123
4.3. История науки и техники	128
ВЫБОР МЕСТА СТРОИТЕЛЬСТВА ПРОМЫШЛЕННЫХ УСТАНОВОК ТЕРМИЧЕСКОГО КРЕКИНГА В СССР В 1920—1930-Е ГОДЫ Ахмадова Хава Хамидовна Сыркин Алик Михайлович Абдулмежидова Зулай Абдуловна	128

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛИТИЧЕСКОМ УЧАСТИИ

Доброградных Глеб Олегович

аспирант РГСУ, г. Москва

E-mail: glebdobrogradnykh@gmail.com

На протяжении последних пятидесяти лет происходило становление категории «политическое участие», развивались теории с разными подходами к анализу. До середины прошлого века в западной политологии изучение политического участия сводилось к выборным процессам и участия в государственном управлении. В это же время происходит развитие четырех политологических концепций: модернизации, демократии, массового общества и политической культуры, которые уже невозможно представить без феномена политического участия: модернизация политических систем освободившихся колоний невозможно представить без участия граждан; западные демократии проходят новый виток развития гражданского общества, политическое участие в них зашкаливает (антиправительственные, социалистические манифестации, многочисленные стачки профсоюзов рабочих по всей Европе и многое другое); новые информационные технологии (радио, телевидение, интернет) дают скачок к развитию массового общества, в котором отстаиваются интересы не конкретного индивида или группы, а массы, народа; развитие международного права, развитие демократии, как итог развитие политической культуры позволяет улучшать механизмы политического участия. Все это заставляет власть осознать «охранительный», стабилизирующий характер политического участия.

Происхождение и развитие феномена позволяет лучше понять его современное состояние. Исследователи имеют разные мнения касательно происхождения феномена политического участия. Ф. Теннисом был предложен подход, ставший в последствие классическим: социальность последовательно проходит стадии развития: «эпоху сообщества» и «эпоху общества». Первая эпоха, по сути, является традиционным обществом и характеризуется формулой: «Сельская жизнь = обычай», субъектом в данном случае выступает общность. Вторая эпоха характеризуется формулой: «Национальная жизнь = политика» субъектом является государство [1, с. 247]. Так как «обычай переходит в норму, в закон», то возможно, что опыту участия в политике предшествовал опыт участия в ритуалах. Хотя традиционным общества часто отказывают в чувстве причастности к нечто общему, некоторые ученые полагают, что именно традиционные общества закладывают основы гражданской активности для обществ современных. Исследователь традиционных обществ, социальный антрополог К. Гирц утверждал, что в «эпоху сообществ» придворные церемонии были основным двигателем политики, участие в церемониях было содержанием, а не формой политики и руководить означало не принимать политические решения, а выполнять определенного рода традицию, ритуал: «Это было государство-театр, в котором короли и князья выступали в роли импресарио, жрецы — режиссеров, а крестьяне были и актерами — исполнителями, и работниками сцены, и зрителями» [4, с. 393]. То есть в традиционном обществе возникла своеобразная тенденция участия, когда большинство людей являются не участниками событий, а зрителями [4, с. 262]. Через церемонии происходит вторжение религиозных символов в политику и наоборот.

В процессе рассмотрения проблемы возникновения участия в политической жизни, стоит учитывать феномен имитации, столь распространенный в традиционном обществе, процесс вытеснения деятельности имитацией. К. Леви-Стросс писал, что в «социальных системах это может выражаться в вытеснении некоторых социальных процессов их иррациональными антиподами («реинтеграция содержания в форму): сельское хозяйство вытесняется магией, воспроизводство политической жизни — воспроизводством власти посредством церемоний ритуалов» [5, с. 49].

Развитие собственно политического участия часто связывают с модернизацией традиционных обществ. В теориях модернизации С. Хантингтона политическое участие в традиционных обществах зависит от процессов политической модернизации: «вовлечение

в модернизационный процесс групп населения, стоявших ранее вне общественной жизни, через их усиленную политизацию». Как следствие, некогда аполитичные люди и даже целые социальные группы оказываются вовлечены в политику и становятся ее полноправными участниками.

Еще один исследователь политической науки М. Фуко говорил, что современные политические феномены образовывались в эпоху буржуазных революций, под влиянием просвещения и типа смены политической власти. То есть, власть из карательного органа, задачей которого было принуждение и подавление посредством коренного слома формации, превратилась в нечто похожее на современную власть: силой, которая управляет, «заведует жизнью», организует. То есть, по сути, у власти появились современные функции, которые применялись уже не к определенным социальным группам или общностям, а к массе людей, населению, которое увеличивается посредством демографического взрыва. И так, как массу нельзя казнить, ее пытаются сформировать, вовлечь в политическую жизнь, дабы «придать массе форму управляемого политического тела» [10, с. 237—246]. С этого момента политическое участие становится одним из новых средств организации массы, а как следствие «увеличение ее полезности». Отсюда и возникает желание власти к «дисциплинированной активности в политике» [5, с. 49].

Еще один теоретик политики К. Мангейм считал, что настоящее развитие политического участия начинается во второй четверти XX века, в индустриальном обществе. Начинается быстрая активизация участия в политике всех социальных слоев посредством всеобщего избирательного права, развитие митингов, стачек и профсоюзных движений, что привело к «фундаментальной демократизации общества» [6, с. 288]. До этого политическую значимость имели ограниченные социальные группы.

Разобравшись в прошлом политического участия можно заглянуть в будущее. Чтобы понять, как может развиваться феномен политического участия, рассмотрим ряд теорий. Прогнозы теоретиков на развитие политического участия сводятся к двум тенденциям: «оптимистический» прогноз представлен в теориях постиндустриального общества [5, с. 52], и «скептический» прогноз, представленный в постмодернистских концепциях. Теоретик постиндустриализма Д. Белл описывает умеренный оптимизм в развитии политического участия в социальной перспективе. Ученый отмечает увеличивающееся участие граждан в организациях, что, по его мнению, в будущем сформирует конфликтный потенциал.

Главным принципом политического измерения постиндустриального общества является «соучастие, иногда мобилизованное или направляемое сверху, иногда такое, которое востребовано снизу». В «повестке дня для будущего» стоит «расширение политической сферы и включение в происходящие процессы все большего числа людей...», а сам факт повышения активности ведет к умножению числа групп, «контролирующих» друг друга и порождающих чувство безысходности» [2, с. 635].

Э. Тоффлер с оптимизмом рассматривает «перспективы радикального расширения политического участия» [9, с. 686] в супериндустриальном обществе третьей волны. И так как скачок общества на другой, новый уровень сложности будет усложнять принятие решений, то их придется распределить через широкое демократическое участие, то есть «великий демократический скачок вперед» по Тоффлеру не что-то возможное, а эволюционная необходимость [9, с. 684]. «Строительным блоком политических систем завтрашнего дня» станет переход к «полупрямой демократии» — совмещение представительства и «партиципации» [9, с. 672]. Главным проводником полупрямой демократии естественно будут являться телекоммуникационные технологии будущего, которые, стоит отметить, уже развиваются полным ходом. И. Масуда считает, что будущее общество будет жить в «компьютопии», электронные коммуникации здесь получают статус парламентских систем, то есть станут технологической базой для создания прямой демократии участия. Развитие таких информационных сетей предполагает прорывную, революционную модель принятия решений. Главным отличием станет наличие обратной связи, что позволит изменять или корректировать решение, а скорость передачи не увеличит, а даже сократит время на его принятия. В такой модели можно будет учитывать мнение всех слоев населения, так как обратная связь будет осуществляться до тех пор, пока не будет сформировано подходящее решение. Это позволит удовлетворить интересы не только большинства, как в современных демократических странах, но и меньшинства [7, с. 347]. Информационные технологии выступают основой в прогнозах Масуда на будущее политического участия в политической системе «компьютопии» — по сути бесклассовом, свободном от централизованной, бюрократической власти обществе. Роль регуляторов займут добровольные ассоциации, коммуны и сообщества [5, с. 8].

В еще одном информационном обществе, предложенном Дж. Нейсбитом, был выражен «аргументированный оптимизм,

основанный на анализе большого массива данных». Он считает, что Северная Америка уже «в процессе массового перехода от представительной демократии к демократии участия», которая революционизирует местную политику в Америке и движется снизу вверх, меняя и курс национального правительства» [8, с. 228]. Эра участия в политике, по мнению Нейсбита, началась в семидесятых годах прошлого века, когда отмечался огромный рост референдумов и инициатив на местном, муниципальном уровне, элементов прямой демократии, которая, по Нейсбиту, «есть душа и сердце демократии участия» [8, с. 228—233]. Также, прогнозируется переход от вертикальной (иерархичной) к горизонтальной (сетевой) структуре социальных элементов. То есть отказ от центральной власти и переход к саморегулирующимся системам, коммунитаризму — «обществу сообществ и ассоциаций», что в свою очередь является расширением области демократического участия граждан. Нейсбит считает, что эти «мегатренды» — показатель «кончины представительной демократии».

Рассматривая оптимистические прогнозы расширения политического участия ученые обращают внимание на риски использования для этих целей технологических разработок будущего, что может привести к созданию не демократических, полицейских государств, которые могут совершить «спланированное отчуждение» населения от политических процессов.

Скептический взгляд на прогнозы расширения политического участия представлен в «социологии постмодернизма». Считается, что в современном обществе происходит «катастрофа модерности», так как современные политические системы утратили свой объект и существуют только для себя, в качестве симуляции. Такой подход к политическим феноменам «постсовременности» рассматривал М. Фуко, считавший их продуктами современных политических систем. Неудивительно, что в таком подходе политическое участие реально имеет всего две функции: функция дисциплины, которую использует власть для поддержания порядка путем вовлечения ее в своеобразные политические ритуалы, и «канализационная» функция, которая аккумулирует все недовольство народа, то есть очищает их недовольство властью через политическое участие и создает видимость участия в будущем страны.

Стоит отметить, что многие элементы описанных концепций в современном мире реализуются. Например, полупрямая демократия, описанная Э. Тоффлером, воплощается в идеях электронного правительства широко продвигаемого последние несколько лет,

а также через сайт democrator.ru где любой желающий может участвовать в решении насущных проблем своего района, города или даже страны путем голосования за открытые проблемы или же создания собственной проблемы, а оформление обращения берет на себя администрация сайта. Описанные в «компьютопии» И. Масуда электронные сообщества уже всю живут в современном информационном пространстве. Социальные сети, через Интернет объединяют в себя миллионы людей по всему миру, появляются целые информационные сообщества и даже коммуны, в которых можно решить множество профессиональных и личных проблем. То есть возникает бесклассовое общество, лишенное центральной власти, а действующее как ассоциации или свободные сообщества.

Список литературы:

1. Адорно Т.В. Исследование авторитарной личности / Пер. с нем. М.: Астрель, 2012. — 473 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., Изд-во: «Академия», 1999. — 578 с.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, Изд-во Уральского университета. 2000. — 34 с.
4. Гирц К. Антология исследований культуры. Интерпретации культур. СПб., Изд-во: «Санкт-Петербургского университета», 2006. — 720 с.
5. Клюенко Э. Политическое участие: теория, методология и измерение с применением метода шкалограммирования по Гуттману // Социология: теория, методы, маркетинг, 2005. № 4.
6. Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. — 316 с.
7. Масуда Ё. Компьютопия // Философская и социологическая, мысль, 1993. № 6.
8. Нейсбит Д. Мегатренды. М., Изд-во: «АСТ», 2003. — 384 с.
9. Тоффлер Э. Третья волна. М., Изд-во: «АСТ», 2004. — 783 с.
10. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., Изд-во: «Касталь», 1996. — 448 с.

1.2. ПОЛИТИКА В РОССИИ

ВЕКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ РФ

Барсова Елена Сергеевна

*соискатель кафедры политологии и политического управления
Кубанского государственного университета, г. Краснодар
E-mail: e.barsova@mail.ru*

Политическая институционализация является концентрированным выражением всех происходящих изменений в политической сфере, т. к. «институционализация — это процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» [6, с. 32], а политическая институционализация — некоторая совокупность событий, связанная с созданием политических институтов, их укреплением, стабилизацией и укоренением в обществе [6]. При этом понятие политический институт, обозначает способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп или обычаях народа; он также представляет собой организационную структуру деятельности политических акторов. В связи с этим выделение вектора политической институционализации важно для понимания сути и определения направления осуществляемых трансформаций социально-политической системы.

Современная Россия находится на пути демократических преобразований, которые зафиксированы в политическом курсе РФ. Кратко политический курс может быть обозначен как модернизация, всесторонняя демократизация и инновационное развитие. Как отмечают эксперты, существует потребность «не мобилизационного рывка, но укрепления и институционального обеспечения демократической модели политического развития» [3, с. 8].

Политическая институционализация современной России происходит при реализации демократической модели политического развития: в рамках последовательного осуществления перехода к современной демократии на основе укоренения демократических институтов, практик и ценностей. При этом институциональная определенность — базовый принцип российской демократии, отсутствие определенности может стать решающим фактором отечественной демократии и политической институционализации.

Почва институциональной неопределенности складывается из особенностей постсоветских трансформаций, а именно практикуемой институциональной импровизации и проблемного преодоления советского понимания политической системы.

Интересно мнение И.И. Кузнецова, который в своей диссертационной работе институционализацию разделения властей в РФ характеризует как процесс развития внутреннего либерального потенциала конституционного принципа в условиях «нелиберальной» политической среды. «Данный процесс связан с использованием зарубежного опыта институционального строительства, имеет склонность к постоянной институциональной импровизации, выражающейся в «достройке» конституционных институтов и дополнении их «внеконституционными» [2]. Устойчивость такой властной конструкции обеспечивается, прежде всего, постоянным поиском возможностей сохранения конституционной основы при минимальных коррекциях текста Конституции РФ и развитием непубличных элитных договоренностей и компромиссов в распределении власти и ответственности» [2]. В связи с этим необходимо отметить, что для политической институционализации современной России весьма актуальна проблема ментальных свойств социальных общностей и личностных качеств влиятельных политических субъектов. В частности, выделение особых полномочий политических субъектов неизбежно связано с перераспределением властно значимых ресурсов в обществе. Политический курс ориентирован на усиление нормативной регуляции в институциональном строительстве и деятельности государственных органов; с привнесением принципов рациональной бюрократии, где власть не монополизируется элитарными группами, а политические институты выступают механизмом плюрализации общества.

Вместе с тем угроза институциональной неопределенности связана с тем, что после тоталитарного прошлого люди не сразу могут адаптироваться к диаметрально противоположным условиям политической системы. Возникающие взаимосвязи исполнительного и законодательного сектора являются следствием разрушения тоталитарной системы партийно-государственной власти. Современная организация власти в РФ является переходной моделью от советской матрицы, где народ и партия были едины, к политической системе, в которой выделен институт государства в качестве самостоятельного политического актора, осуществляющего свою деятельность в плотной взаимосвязи с институтами гражданского общества. Однако данная взаимосвязь не всегда является полной, что

обусловлено слабостью демократических институтов. Кроме того после старой схемы: «лидер (вождь) — партия — народ» гражданам не совсем ясно, как и кем осуществляется власть в преобразованном обществе с его многообразием политических акторов, разветвленной системой горизонтальных и вертикальных связей, новой идеологией и системой ценностей. Не случайно, А. Пшеворский называет демократию системой упорядоченной неограниченности или организованной неопределенности [5, с. 31].

В связи с этим политическая институционализация связана с недостаточной институциональной определенностью, актуализацией неформальных институциональных практик и либеральной незрелостью российского общества.

Как отмечает Н.А. Баранов, российская демократизация носит в значительной степени имитационный характер, что явилось следствием отсутствия в стране достаточных внутренних предпосылок для возникновения новых политических институтов и наполнения их соответствующим нормативно-ценностным содержанием. Это приводило к возникновению формальных учреждений, имитирующих и копирующих западные образцы [1]. Преодоление имитационного характера демократизации и снятие угроз, связанных с неопределенностью, может быть осуществлено при неукоснительном соблюдении демократических процедур в политическом процессе.

Важно, что демократия в массовом представлении отличается от того смыслового наполнения, которое используется в официальном прочтении. «Российская демократия в народном представлении — это не участие населения в государственной власти, а, прежде всего, экономическое освобождение» [1]. В свою очередь, политический курс РФ приближен к принципам полиархии. В.В. Путин, определяя вектор развития нашего государства, сказал, что: «демократия, на мой взгляд, заключается как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия его решений» [4].

В связи с этим демократические преобразования предполагают повышение эффективности одного из важнейших институтов демократии — института политического участия, оказывающего решающее воздействие на все остальные институты власти с целью проведения ответственной политики в интересах общества. Необходимым условием эффективной деятельности данного института является политический плюрализм, правовой характер государства и наличие гражданского общества.

Подчеркнем, плюрализм означает не только многообразие общественных явлений, но и предполагает множественность партий, общественных объединений с различными программами и уставами, действующих в рамках конституции, — что расширяет круг политического выбора. Правовой характер государства обеспечивают юридические гарантии реализации свободы политического выбора. При этом каждый человек вправе рассчитывать на предсказуемость, последовательность и надежность принимаемых решений, знает свои права и обязанности, четко определенные законом. Гражданское общество, в свою очередь, является как источником, так и следствием политической и гражданской активности, и образует прочный фундамент демократии. Однако его становление связано не столько с развитием демократии, сколько с формированием устойчивых демократических традиций и культуры, основанной на уважении прав меньшинства и отдельной личности, толерантности, социальной ответственности.

Демократизация опосредована слабостью этих трех сегментов и сталкивается с угрозой неумения и нежелания гражданами пользоваться своей свободой.

Таким образом, вектор политической институционализации в политическом курсе современной России предполагает реализацию демократической модели развития — учреждение и укоренение институтов демократии, где первостепенной задачей является завершение гражданской трансформации. В приоритете создание такого общества, где граждане с их потребностями, интересами и ценностями определяют политическую жизнь, инициируют принятие решений через систему институтов и следят, чтобы не было нарушений. То есть вектор политической институционализации связан с формированием социально, экономически и политически активного общества.

Список литературы:

1. Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России: автореф. дисс...д-ра полит. наук. Спб., 2009.
2. Кузнецов И.И. Политическая институализация разделения властей в современной России: автореф. дисс...д-ра полит. наук. Саратов, 2010.
3. Межуев Б.В. Перспективы политической модернизации России // Полис. — 2010. — № 6.
4. Путин В.В. Демократия и качество государства // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.putin2012.ru/events/187>

5. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000.
6. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.

1.3. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Аймухамбетов Тимур Талгатович

магистр социальных знаний, председатель КДМ, АГБК, г. Алматы

E-mail: timchin05@mail.ru, timchin05@gmail.com

В Республике Казахстан выбор в пользу построения демократического, построенного на рыночных отношениях, общества был непростым и сопровождался структурной перестройкой системы государственного управления и экономики. Задача заключалась в том, чтобы поэтапно уйти от прежних административно-командных методов руководства, создать нормальную правовую базу для функционирования негосударственного сектора экономики, создать адекватную рыночным отношениям систему государственного управления и государственной службы, а также вовлечь население в процесс реформ. В этой связи глава государства постоянно уделяет внимание реформе органов государственного управления и государственной службы с целью оптимизации всей системы исполнительной власти, исключения дублирования функций государственных органов, приведения всей системы управления с уровнем реформированности экономики, внедрения современных методов в практику государственного управления.

Как показал наш опыт преобразований, только лишь разрушение старого административного госаппарата не приводит к автоматическому рождению новой системы управления и государственной службы, нужен целый комплекс мер, направленных на радикальное кадровое обновление. В первую очередь, необходимо было создание целостной нормативно-правовой базы функционирования государственной службы.

Законодательство, регулировавшее отношения на государственной службе, созданное в 1995 году, несмотря на многие положительные черты, все же страдало незавершенностью, во многом носило декларативный характер, уже не соответствовало стратегическим задачам и не обеспечивало равного доступа граждан к государственной службе.

Фактически в тот период сложилась патронажная система отбора и продвижения кадров, при этом госслужащие испытывали неопределенность своей карьеры, что негативно сказывалось на престиже государственной службы и порождало у них отсутствие мотивации к работе и профессиональному росту. Одной из основных проблем являлась социальная незащищенность государственных служащих. Отсутствие единого подхода, межведомственной координации в вопросах реформирования государственной службы также затрудняло работу.

Поэтому три года назад, 18 сентября 1998 года, впервые на всем постсоветском пространстве, в Казахстане Указом Президента страны был образован уполномоченный орган, непосредственно подчиненный и подотчетный Главе государства — Агентство Республики Казахстан по делам государственной службы, призванный осуществлять единую государственную политику в сфере государственной службы. Таким образом, исходя из задач, поставленных Президентом страны в Стратегии «Казахстан 2030», реформа государственной службы получила институциональное оформление.

Благодаря политической воле Главы государства и наличию уполномоченного органа в довольно сжатые сроки был принят новый Закон «О государственной службе» и 20 подзаконных актов, регламентирующих отношения на государственной службе.

Созданию нового Закона предшествовало тщательное изучение функционирования зарубежных систем государственной службы. Анализ международного опыта показал, что основой государственной службы демократических государств является меритократия — система, основанная на личных заслугах государственного служащего, включающая в себя такие элементы, как:

- обязательный конкурсный отбор при поступлении и продвижении по госслужбе;
- правовую и социальную защищенность государственных служащих;
- равную оплату труда за выполнение равнозначной работы;
- поощрение государственных служащих, достигających эффективных результатов в своей деятельности, коррекция деятельности тех, чьи результаты не в полной мере удовлетворительны и увольнение служащих, результаты деятельности которых не удовлетворительны;
- постоянное обучение государственных служащих в целях улучшения результатов их деятельности.

В целом система меритократии направлена на эффективное использование человеческих ресурсов на государственной службе.

Именно эти принципы легли в основу нового Закона «О государственной службе» и подзаконных актов. Но следует особо подчеркнуть, что новое законодательство создавалось как с учетом зарубежного опыта, так и национальных традиций, управленческой культуры. В этом, можно сказать, и заключается уникальность казахстанской модели государственной службы.

К первым положительным итогам можно отнести законодательное закрепление разделения государственных служащих на политических и административных. Это позволило снизить влияние политических процессов на госаппарат и обеспечить правовую защиту административных госслужащих при смене политических назначенцев. Несомненно, что одним из главных признаков казахстанской модели явился конкурсный отбор при приеме и продвижении по службе. В Казахстане, где раньше прием на госслужбу осуществлялся по анкетным данным или по знакомству, гласные, открытые конкурсы стали заметным явлением в общественной жизни. Наши граждане смогли узнать, какие вакансии, в каком государственном органе имеются, какова заработная плата госслужащих.

На сегодняшний день подавляющее большинство госслужащих — 72,6 % имеют высшее образование, среднее профессиональное — 23,6 %, среднее — 3,7 %, имеют ученые степени — 1,4 %. По национальному составу можно отметить, что представители свыше 45 национальностей трудятся на государственной службе Казахстана [4].

Создание системы дистанционного тестирования, когда из Астаны можно протестировать любого гражданина, поступающего на госслужбу, а также сами тесты можно смело отнести к достоинствам нашей модели.

Нашими подходами в вопросах реформы государственной службы интересуются как страны СНГ (Россия, Беларусь, Украина, Кыргызстан, Таджикистан, Азербайджан и другие), так и другие страны.

Высокая оценка законодательства о государственной службе и усилий, предпринятых Агентством, направленных на демократизацию отношений на государственной службе была дана участниками международного «Круглого стола» «Реформа государственной службы — опыт переходных стран», состоявшегося 16—17 ноября 2000 г. в г. Алматы. Участники форума, представлявшие страны Западной и Восточной Европы, Прибалтики и Центральной Азии

отметили, что нигде в СНГ нет структуры, подобной Агентству Республики Казахстан по делам государственной службы и такой целостной демократической законодательной базы [1].

Несмотря на столь высокую оценку казахстанской государственной службы, для нас наиболее важным является мнение самих государственных служащих, и я хотел бы в этой связи немного остановиться на наших подходах по дальнейшему реформированию государственной службы.

Многочисленные встречи с коллективами министерств и ведомств, региональных органов управления, их обращения, предложения по совершенствованию государственной службы поставили перед Агентством по делам государственной службы новые задачи, поэтому сейчас, когда наша модель государственной службы функционирует больше полутора лет, можно с уверенностью сказать, что совершенствование государственной службы — процесс длительный и требующий постоянного внимания.

Изучив предложения госслужащих, Агентство внесло ряд изменений в Закон «О государственной службе» и подзаконные акты. Характер поправок полностью отражает мнения госслужащих. Например, по Закону «О государственной службе» опубликование объявлений о проведении конкурса было предусмотрено только в официальных изданиях республиканских средств массовой информации, вследствие чего создается большая очередь на публикацию. Анализ показал, что на должности областного и нижестоящих уровней практически нет претендентов из других областей. В связи с этим, Агентство внесло предложение в Закон «О государственной службе», разрешающее публикацию объявлений и в местных изданиях. Это позволило оперативно проводить конкурсы на местах и существенно экономить бюджетные средства.

Указом Президента Республики Казахстан от 11 мая 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые указы Президента Республики Казахстан» были внесены поправки в Указы: «Об утверждении Положения о порядке прохождения государственной службы», «Об утверждении Положения о кадровом резерве для занятия должностей административных государственных служащих», «Об утверждении Правил проведения аттестации административных государственных служащих», направленные на четкую регламентацию процедур прохождения государственной службы чиновниками.

Как показал проведенный анализ, институт «временно исполняющих обязанности» не оправдал себя [3]. Ни для кого не являлось секретом, что лица, временно исполнявшие обязанности,

как правило, и рекомендовались конкурсными комиссиями на соответствующие вакантные должности. Таким образом, конкурсный процесс превращался в формальную процедуру с заведомо известным исходом, что вызывало законное возмущение у значительной части граждан, участвовавших в конкурсах. В соответствии с поправкой, теперь руководитель государственного органа, в случае служебной необходимости в период создания государственного органа, имеет право принять на работу лиц на срок не более трех месяцев для временного исполнения обязанностей, предусмотренных вакантной административной должностью, при условии обязательного опубликования объявления о проведении конкурса на ее занятие. Численность таких лиц не должна превышать 20 процентов штатной численности государственного органа.

Поправки в Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Положения о кадровом резерве для занятия должностей административных государственных служащих» существенно повысили роль и востребованность кадрового резерва.

- Так, уполномоченный орган имеет право по заявлению резервиста перевести его в кадровый резерв для занятия должностей нижестоящей категории в пределах одной группы категорий должностей при условии его соответствия квалификационным требованиям.

- Если в результате конкурса не был выявлен кандидат для занятия вакантной должности, никто из участников конкурса не может быть рекомендован для зачисления в кадровый резерв.

- Право быть зачисленным в кадровый резерв на соответствующие категории должностей для граждан возникает с момента завершения обучения по государственным программам подготовки и переподготовки государственных служащих на основании государственного заказа и сохраняется за ними в течение трех месяцев.

- Государственный орган при принятии решения о занятии вакантной административной должности резервистом в первую очередь рассматривает кандидатуры лиц, ранее зачисленных в кадровый резерв по рекомендации конкурсной комиссии данного государственного органа.

- В случае, если в кадровом резерве отсутствуют резервисты по данной категории должностей или соответствующие квалификационным требованиям для вакантной должности, установленным государственным органом, или же результаты собеседования с резервистом являются неудовлетворительными, государственный орган имеет право провести конкурс.

В соответствии с поправками, внесенными в Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Правил проведения аттестации административных государственных служащих»:

- Служащие проходят аттестацию по истечении каждых последующих трех лет пребывания на государственной службе, но не ранее шести месяцев со дня занятия данной должности. При этом аттестация должна быть проведена не позднее шести месяцев со дня наступления указанного срока.

- Пребывание на государственной службе считается непрерывным, когда со дня увольнения государственного служащего из одного государственного органа и до дня назначения его в другой государственный орган не прошло более трех месяцев, при условии отсутствия у него за указанный период трудовых отношений с иными юридическими (за исключением государственных органов) и физическими лицами.

Для обеспечения максимальной прозрачности и объективности конкурсных процедур в Министерстве юстиции зарегистрирован приказ Председателя Агентства, согласно которому на первом этапе конкурса принятие решения о допуске кандидата к тестированию оформляется протоколом, подписанным членами конкурсной комиссии, а на последнем этапе — результаты собеседования с кандидатом заносятся в протокол, который подписывает сам участник конкурса [2]. С целью пресечения возможности злоупотреблений срок прохождения повторного тестирования был увеличен до 3 месяцев (ранее этот срок составлял 1 месяц).

Таким образом, изучение, как отечественного опыта, так и опыта зарубежных систем государственной службы показывает, что ориентиры выбраны правильно, и мы движемся в верном направлении. Успешное реформирование казахстанской государственной службы — результат согласованной и эффективной работы Администрации Президента, депутатов Сената и Мажилиса Парламента Республики Казахстан, Правительства, Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы, а также руководителей госорганов и самих госслужащих.

Список литературы:

1. Байдельдинов Л.А. Республика Казахстан как политическая реальность: перспективы демократии. // Центральная и Кавказ. — № 4 (16), — 2001.
2. Закон «О Государственной службе» от 1999 года
3. Сейид Мухаммад Хатами Диалог цивилизаций: путь к взаимопониманию. Алматы: Дайк-Пресс, — 2002.
4. Степин В.С. Культура. Вопросы философии. — № 8, — 1999.

К ВОПРОСУ О ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИТИКЕ: НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Авксентьева Татьяна Геннадиевна

канд. полит. наук, доцент ХНУРЭ, г. Харьков

E-mail: tageav@mail.ru

Черная Наталия Владимировна

канд. ист. наук, профессор ХНУРЭ, г. Харьков

E-mail: nata_blak@mail.ru

Общеизвестно, что при условиях существования какой-либо политической системы люди возлагают надежду на такую государственную политику, которая предоставит им больше прав, экономическое процветание, обеспечит развитие личности. Именно эти составляющие являются общепризнанными критериями общественного прогресса. Однако, все политические системы (так называемые «производства политик») независимо от типа демонстрируют различие намерений и результатов. Исследуя универсальный вопрос политической науки о стабильности общества и власти, такие ученые, как Р. Даль, Г. Алмонд, Дж. Дьюи, А. Лейпхарт, С. Липсет, Т. Парсонс, А. Галкин, А. Салмин и др. обращаются к демократии как способу «производства политик».

Обратим внимание на диалектику взаимодействия демократии как формы управления и стабильности как важнейшего качества политического режима. С одной стороны, современное видение стабильности связано с демократическим режимом, с другой, именно демократия является чувствительной к проявлениям нестабильности системного характера. Как определенный способ управления демократия в сравнении с недемократическими режимами обеспечивает большую степень классических свобод, большее представительское политическое руководство и более высокую уверенность в том, что политика будет отвечать интересам широких слоев населения. Для внедрения ее в жизнь необходимо согласие общенационального характера, возможности достичь ситуативного согласия, компромисса по наиболее важным вопросам общественного взаимодействия; путем эффективного управления постоянно искать и приобретать новое равновесие между различными субъектами политики и их интересами. Еще со времен Аристотеля, Полибия, Цицерона в общеевропейской традиции политической мысли

оптимальным способом преодоления узурпации власти является именно поиск равновесия, достижение относительной устойчивости общественного организма за счет синтеза общего и специфического, привлечение к политической власти различных интересов. Это и есть своеобразное единство через многообразие и его направленность на достижение общественного блага.

Демократии необходима более-менее стабильная государственная структура, больше возможности для реализации реального суверенитета, приоритетность национальных интересов в государственной политике, объединение способов конституционной инженерии (конструирования) и политического инжиниринга как стратегии оптимальных политических действий. Внутренняя политическая нестабильность является одним из параметров угрозы для уже сформировавшейся демократии в трансформирующихся странах. Безусловно, сложность и динамичность процессов требует вариативности, степени свободы для своевременного реагирования и адаптации к происходящим изменениям. Согласимся с российским исследователем О.Ф. Шабровым, утверждавшим, что существует один эффективный способ решения этой проблемы: расширение самостоятельности подсистем в пределах жизнеспособности системы в целом. Для политических систем это означает послабление диктата сверху, развитие регионального и местного самоуправления, демократизация управления, усиление социальной обратной связи на всех уровнях [1, с. 122]. Путем к этому могут быть конституционное конструирование (инженерия), социальная демократия. Они позволяют эффективно интегрировать в общественное сообщество составляющие разнообразных интересов. Социальная демократия достигается, например, конституционным соглашением на уровне элит, созданием баланса интересов представителей различных групп на этом уровне. Для общества «множества множеств» (по Ф. Блоделю), коим является современное общество в странах развитой демократии, в большинстве стран, которые сделали демократический выбор, среди которых, безусловно, и Украина, такая модель общественного взаимодействия является наиболее оптимальной. От обеспечения прямых и обратных связей между государством и обществом зависит реализация возможностей политической системы (экстракционная, регулятивная, дистрибутивная, символическая, интегральная). Постоянное нарушение правил игры между элитами, неопределенность деятельности политических институтов отражается на легитимности политической власти, тем самым подрывается в целом стабильность политической системы. Для преодоления такого положения необходимо усиление

прозрачности правил игры между элитами, признание всеми политическими акторами результатов выборов, включение принципа политической ответственности в процедуры деятельности.

Таким образом, ключевые составляющие, которые способствовали бы становлению в Украине внутринеополитической стабильности в векторе демократического выбора это: состязательность интересов в политике, публичные обсуждения актуальных проблем развития общества, сохранение общего социокультурного поля между субъектами политики, обеспечение общественного равновесия, ответственность и подотчетность власти, и, наконец, становление в Украине социально ответственной власти.

Эволюционный процесс модернизации, характерный для развития западноевропейской цивилизации, сопровождался параллельным процессом социальных реформ, осуществлялся снизу всеми структурами гражданского общества, то есть включал в себя специфику социальной структуры и дух общества. Поддержка «снизу» структурами гражданского общества выбранного пути реформ является условием того, что они станут процессом неполитического саморазвития. К сожалению, модернизация в Украине осуществляется по перекрученной схеме. Потребность в реформировании не подкрепляется внутренними качествами готовности к изменениям. По нашему мнению, успех демократических трансформаций в Украине зависит не от желания и цели политической элиты, а от выбора такого пути, которой бы имел опору в гражданском обществе. Как не странно, но демократизация политической жизни все еще является актуальной для украинского общества.

Эффективность функционирования политической власти является одним из факторов стабильности. Однако значение волевых интенций политического режима нельзя абсолютизировать, так как это и приводит к попыткам привести гражданское общество в соответствие с распоряжениями государства. Следствием такого вектора модернизации может стать установление недемократического правления. Согласимся с украинским политологом О. Киндратец, которая еще в 2005 г. констатировала наличие многополюсного конфликта между группами интересов внутри самой украинской политической элиты, между политической элитой и народом. Она справедливо отмечала, что политическая система Украины в конце 2004 г. находилась в состоянии крайней нестабильности, бифуркации, когда осуществлялся выбор модели и направления дальнейшего социального развития [2, с. 61]. Борьба разных социально-политических сил и тенденций развития, к сожалению, не окончена

и сейчас. То, что было актуальным после бурных событий в конце 2004 г. в Украине — конструктивные действия власти по преодолению внутринеполюитической нестабильности, достижение социального согласия — не решены, и, как показывает современная практика, приобрели хронические, крайне деструктивные формы. Завершение «демонстративной» фазы конфликта, для которой было характерно открытое противостояние, не означает завершение конфликта. О. Киндратец прогнозировала, что конфликт может перейти в «агрессивную» и «батальную» фазы, которые небезопасны тем, что на этих этапах его развития формируется «образ врага». После того, как этот образ сформировался, достичь согласия между участниками конфликта практически невозможно. Что бы одержать победу стороны конфликта могут использовать любые средства.

Рассматривая факторы внутринеполюитической нестабильности, следует обратить внимание на соображения Г. Хелда по поводу Украины. Он отмечает, что Украина — единственная страна, где «цветная революция» нарушила институты патронального президентского правления, где был реально произведен демократический прорыв [3, с. 18]. Однако для необратимости демократического выбора необходимы институциональные изменения, искоренение принципа политического действия «победитель получает все». К сожалению, этот принцип и сейчас очень влиятельный в предпочтениях украинских политических акторов. Политические игроки перераспределяют политическое поле «под себя». Оппоненты же применяют всяческие средства борьбы, оправдываясь известным макиавеллистским тезисом «цель оправдывает средства». Особенно угрожающим может быть стремление элитных групп манипулировать общественным сознанием, сделать все, чтобы вывести народ на улицы лишь бы обеспечить себе поддержку, перебороть сопротивление и решительность групп-соперниц.

Таким образом, в условиях кризиса, когда отсутствует социальный порядок или же он находится под угрозой, а цена политических и социальных конфликтов увеличивается, можно ожидать любых непредсказуемых последствий. Потому в настоящее время изучение факторов предупреждения угроз демократического выбора Украины чрезвычайно актуально.

Список литературы:

1. Кіндратець О. Політичні зміни і політична стабільність // Політичний менеджмент. — 2005. — № 2. — С. 55 — 67.
2. Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Pro et Contra. — 2008. — Январь — февраль. — С. 6 — 21.
3. Шабров О.Ф. Политическая система: демократия и управление обществом // Государство и право. — 1994. — № 5. — С. 116 — 125.

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ КАК ФАКТОР МИРА И СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ

Вергузь Александр Сергеевич

помощник президента МГУУ Правительства Москвы, г. Москва

E-mail: verguz-as@mail.ru

20 лет назад Приднестровье было ввергнуто в кровавую бойню, результатом которой стали сотни погибших, тысячи раненых, незаживающие раны в душах людей и сохраняющееся до сих пор недоверие. Конфликт сопровождался огромным экономическим ущербом и социальными потрясениями, которые в полной мере не преодолены и сегодня. Остановить войну суждено было российским военнослужащим, которые взяли на себя миротворческую миссию.

В течение последних 20 лет в Приднестровье проводится уникальная по своей эффективности миротворческая операция, благодаря которой на берегах древнего Днестра не льётся кровь, не гремят взрывы, обеспечивается мирный труд граждан, а политики имеют возможность искать взаимоприемлемые пути для разрешения конфликта.

Сложившаяся ситуация, в настоящее время, характеризуется, прежде всего, тем, что гражданами как Левобережья Днестра, так и большинством граждан Республики Молдова, миротворческая операция, проводимая в Приднестровье, воспринимается только с положительной стороны.

За всё время проведения этой миротворческой операции не было зафиксировано практически ни одного случая протестного настроения населения на обоих берегах древней реки в отношении Совместных Миротворческих Сил и, в целом, к миротворческим процессам в Приднестровье. Уважительное и доброжелательное отношение со стороны военнослужащих Совместных Миротворческих Сил

к населению, проживающему в районе конфликта, является основой в достижении мира и стабильности во всем регионе.

В то же время, необходимо отметить, что в соответствии с базовыми документами, регламентирующими урегулирование приднестровского вооруженного конфликта, в компетенцию органов миротворческой операции не входят вопросы принуждения сторон к переговорам.

Следует также констатировать, что опыт существующего формата миротворческой операции неоспоримо свидетельствует о наличии непрекаемого авторитета Российской Федерации, являющейся основным гарантом сохранения мира и стабильности в регионе.

В этом контексте следует обратить внимание на ряд аспектов, характеризующих миротворческую операцию в Приднестровском регионе Республики Молдова.

Во-первых, совместная миротворческая операция в регионе базируется на международно-правовом акте — Соглашении «О принципах мирного урегулирования вооружённого конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» от 21 июля 1992 года с участием сторон конфликта. Она является единственной полноценно применённой гарантией мира и безопасности в регионе и, прежде всего, надёжной гарантией предотвращения появления условий для возобновления вооруженного конфликта.

Во-вторых, при отсутствии установленного и общепризнанного пространства безопасности между Республикой Молдова и Приднестровской Молдавской Республикой, за исключением Зоны Безопасности, именно миротворческая операция под гарантией Российской Федерации, является стречневой основой взаимоотношений сторон конфликта в данном вопросе, да и в системе региональной стабильности в целом.

В-третьих, успешность и эффективность миротворческой миссии, обеспечивается и позитивным восприятием и толерантным отношением населения на берегах Днестра к операции, а в Приднестровье рассматривается, как главная гарантия физической безопасности граждан.

В контексте реализации закрепленных в Соглашении от 21 июля 1992 года в Москве Соглашения «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» принципов и положений, с момента его подписания конфликтующими сторонами, были предприняты все необходимые меры к полному прекращению огня и недопущению любых вооруженных действий друг против друга. Эта

основополагающая норма Соглашения неукоснительно соблюдается по настоящее время.

Осуществленное в соответствии с Соглашением разъединение боевой составляющей конфликта преследовало цель создания Зоны Безопасности между противоборствующими сторонами, в которую и были введены созданные Совместные Миротворческие Силы.

Контроль над осуществлением этих мероприятий и обеспечением режима безопасности в этой зоне был возложен на Объединенную Контрольную Комиссию, сформированную 27 июля 1992 года из представителей конфликтующих сторон и Российской Федерации, как единственного на тот период времени гаранта и посредника между ними, признаваемого как Тирасполем, так и Кишинёвом. Именно этой комиссии были переданы созданные на добровольной основе воинские контингенты, представляющие стороны, участвующие в выполнении данного Соглашения.

Миротворческая операция по прекращению боевых действий, установлению и поддержанию мира учитывала специфику обстановки в регионе, особенности местных условий и менталитет населения. Исходя из этих особенностей, в Соглашении от 21 июля 1992 года был заложен трехсторонний формат Совместных Миротворческих Сил, предусматривающий, при доминирующей роли российского воинского контингента, подключение к участию в миротворческой операции воинских контингентов от Приднестровья и Молдовы.

Именно такое построение Совместных Миротворческих Сил объективно сыграло и продолжает играть положительную роль в мероприятиях по поддержанию мира в регионе, придаёт проводимой миротворческой операции действительно уникальный характер.

За прошедший период времени применённый формат проведения миротворческой операции и деятельность на этой основе сформированных Совместных Миротворческих Сил доказали свою высокую эффективность, так как позволили решить главнейшую задачу — остановить боевые действия, развести вооруженные формирования конфликтующих сторон и создать условия для переговорного процесса о мирном, политическом урегулировании молдо-приднестровского вооруженного конфликта.

В качестве положительного фактора в процессе мирного урегулирования молдо-приднестровского конфликта следует отметить подключение к участию в миротворческой операции группы военных наблюдателей Украины, осуществленное в соответствии с Одесским Соглашением «О мерах доверия и развития контактов между Республикой Молдова и Приднестровьем» от 2 марта 1998 года,

а также представителей миссии ОБСЕ, на основе принципов сотрудничества.

К сожалению, следует отметить, что молдавской стороной в миротворческом процессе периодически создаются искусственные трудности, инициируются надуманные тупиковые ситуации. Основная цель подобных демаршей — компрометация миротворческой операции в целом, и всяческое принижение роли России в мирном урегулировании и достижение международных решений, определяющих необходимость вывода из Приднестровья подразделений Оперативной группы российских войск в Приднестровье и замене миротворческих сил России в регионе международным полицейским контингентом из представителей стран Европейского Союза, НАТО.

Имеющая место позиция молдавской стороны не может не вызывать недоумения — подобная активность как раз проявляется в то время как совместным заявлением Президентов Российской Федерации, Республики Молдова, Приднестровья, подписанным в городе Москве 18 марта 2009 года, была дана самая высокая оценка проводимой Совместной Миротворческой Операции и в заявительном порядке была определена возможность её трансформации в другие отличные формы, только после окончательного урегулирования Приднестровского конфликта с учётом выработки системы мер и гарантий безопасности в данном регионе.

И действительно, уже давно стало вполне очевидным, что в силу исторических особенностей сохранять стабильность в этом регионе Европы позволяет только такая миротворческая операция, которая проводится при определяющей роли страны-гаранта — Российской Федерации и именно в существующем формате.

Таким образом, в существующих условиях, когда отношения между Молдовой и Приднестровьем достаточно сложны — именно существующий формат миротворческой операции способен обеспечить и обеспечивает мир на приднестровской земле. Любые же попытки трансформации миротворческой миссии вне политического консенсуса всех заинтересованных сторон являются опасными для процесса урегулирования и приведут к глубинным, комплексным изменениям, затрагивающим региональную стабильность, безопасность и климат доверия, с плохо предсказуемыми последствиями.

Эффективность миротворческой операции в Приднестровье, прежде всего, заключается в том, что происходящие в Зоне Безопасности процессы полностью управляются структурами

Объединённой Контрольной Комиссии, Совместными Миротворческими Силами, во главе с Объединённым Военным Командованием и Военными наблюдателями. За все прошедшие после вооружённой фазы конфликта годы благодаря именно этой операции в Приднестровье больше не пролилась кровь, не погиб в братоубийственных схватках ни один мирный житель, не пострадал ни один солдат-миротворец.

В процессе проведения миротворческой операции в Приднестровье удалось достичь максимально полного взаимопонимания между всеми составляющими Совместных Миротворческих Сил.

Особенно значительным достижением миротворческой операции, проводимой в рамках Соглашения 1992 года, с точки зрения практического сохранения мира в регионе, следует назвать установление эффективного взаимодействия структур Миротворческих Сил и правоохранительных органов сторон в Зоне Безопасности. Совместная последовательная работа в этом направлении позволяет надёжно контролировать наличие оружия и боеприпасов в Зоне Безопасности, не допускать их незаконного оборота, что, несомненно, доказывает главное — миротворческая операция в Приднестровье является решающим фактором мира и стабильности в регионе.

Список литературы:

1. Белая Книга ПМР/ авторский коллектив. — REGNUM, 2006.
2. Голубь на мече. Миротворцам в Приднестровье — 20 лет. // Российская газета (Федеральный выпуск) — , 31.07.2012, — № 5846.
3. Лебедь А.И. Как склеить битый горшок? (Беседа с командующим 14-й Российской Армии, дислоцирующейся в Приднестровье). // Российская газета, — 16.03.1994.
4. Литовин В.В. В Приднестровье сохраняется мир... (О действии миротворческих сил России в Приднестровье). // Известия, — 05.04.1994.
5. Материалы Экспертного круглого стола «20 лет российской миротворческой операции на Днестре и актуальные аспекты Приднестровского урегулирования». Тирасполь, 31.07.2012.
6. Соглашение «О принципах мирного урегулирования вооружённого конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова». М., 1992.
7. По обе стороны Днестра. Краткая история и причины конфликта. // Утро.ru, — 06.03.2006, — № 65 (2194).

1.4. СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК АГЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Бучкова Алла Ивановна

*аспирант Московского Государственного Университета
имени М.В. Ломоносова, г. Москва*

E-mail: life.pmr@gmail.com

На современном этапе в результате процессов глобализации, повышения уровня миграции и социальной мобильности увеличивается число социализирующих агентов, появляются новые агенты политической социализации. Так, сегодня на процесс политической социализации молодежи все большее влияние начинают оказывать молодежные общественно-политические организации. Они представляют собой ориентированные на молодежную аудиторию общественные объединения, но с политическими целями и задачами. Это определяет актуальность изучения особенностей организации и функционирования молодежных движений общественно-политической направленности как агентов политической социализации.

Современные молодежные общественно-политические организации России направлены на активное вовлечение молодого поколения в социальные и политические процессы, и, следовательно, в определенной степени оказывают влияние на политическую социализацию молодежи. Членами таких организаций являются молодые люди до 30 лет, кроме того, и руководящий состав подобных движений представлен молодежью.

Особенность молодежных общественно-политических организаций заключается в том, что они не только нацелены на отстаивание специфических интересов и потребностей молодежи как социальной группы, но также претендуют на активное участие в политической жизни страны, наряду с взрослыми гражданами. Молодежные общественно-политические движения не только содействуют первоначальному включению молодежи в политику в качестве полноправных субъектов, успешно конкурирующих со взрослыми, и формируют первоначальные навыки политического

участия, они также часто обеспечивают политические партии и общественно-политические организации будущими сторонниками, избирателями, а также полноценными кадрами.

Кратко остановимся на истории создания современных молодежных общественно-политических движений в Российской Федерации.

В конце XIX — начале XX века в России появились первые организации учащейся, студенческой, рабочей и других групп молодежи (например, Южно-российская группа учащихся средних школ (1902), скаутские организации (1909), московский Союз рабочей молодежи «3-й интернационал» (1917)). Создание в 1918 г. РКСМ открыло новый этап в развитии молодежных движений. Это была первая молодежная общественно-политическая организация в России.

Однако широко и открыто вопрос о формах молодежных движений в России стал обсуждаться только с середины 80-х годов XX века, в условиях начавшейся в стране перестройки, демократизации общества. После принятия в 1991 г. решения о самороспуске ВЛКСМ стартовал новый демократический этап развития молодежных общественно-политических организаций в России.

Начинается активное формирование множества новых молодежных объединений, по существу завершившееся к середине 90-х годов [6, с. 727—728]. Во второй половине 1990-х годов появляется ряд молодежных крыльев политических партий (например, Молодежный союз Демократической партии России), молодежные политические организации, не связанные с политическими партиями или общественно-политическими организациями (например, Российский союз молодежи), а также отстаивающие исключительно политические интересы молодежи (например, Молодежная партия России, Общественно-политическое движение молодежи).

В начале 2000-х годов увеличивается число молодежных организаций различной направленности. После событий, связанных с выборами Президента Украины в 2004 году, получивших название «оранжевой» революции, активное участие в которых приняла молодежь, российская политическая элита стала уделять больше внимания политической социализации молодого поколения граждан России, в том числе и через создание молодежных движений политического окраса. В том же направлении ведет свою деятельность и оппозиция [5, с. 304—305]. В результате в 2005—2006 гг. в связи с существовавшей «оранжевой» угрозой активно развиваются молодежные общественно-политические движения, часть из которых являются провластными объединениями (например, «НАШИ»),

«Россия Молодая»), а также молодежными крыльями оппозиционных партий (например, Всероссийский Молодежный Центр ЛДПР, «Молодежное Яблоко — молодые демократы»). Последние тенденции заключаются в возрастании роли независимых молодежных объединений общественно-политической направленности, началом формирования молодежных политических партий. Такие молодежные общественно-политические движения активно используют современные технологии менеджмента, кроме этого они ориентированы на выражение интересов молодежи как социальной группы в целом, что содействует увеличению числа их сторонников. Данные организации впервые становятся полноправным субъектом политической жизни, а, следовательно, новым агентом политической социализации молодого поколения в России. С другой стороны, на современном этапе уровень доверия к такого рода организациям довольно низкий, а значит, они пока не являются значимыми агентами политической социализации.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что наибольший интерес молодого россиянина сегодня вызывают многочисленные неформальные движения (хакеры, рокеры, скинхеды, панки, байкеры, блогеры, рэперы, фаны, члены неформальных групп пользователей социальных сетей), часто выходящие за рамки одной страны. Современные движения и организации политической направленности вызывают интерес у незначительного числа молодежи современной России [1, с. 193].

Подчас неформальные группы и молодежная субкультура могут играть альтернативную роль по отношению к прежним агентам политической социализации (семье, средствам массовой информации, ближайшему социальному окружению, школе), активно знакомя индивида с альтернативными политическими (или аполитичными) представлениями [4, с. 130—132].

В чем же заключается роль молодежных организации в политической социализации молодого поколения на современном этапе? В социологическом исследовании «Механизмы политической социализации современной молодежи России», проведенном при поддержке Научно-исследовательской лаборатории социальных проблем современного общества социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, отдельный блок вопросов был посвящен источникам политического просвещения и информирования молодых людей. В результате средства массовой коммуникации, прежде всего Интернет, были выделены как наиболее актуальные для молодежи агенты политической социализации. К тому же было установлено,

что на современном этапе политические партии и молодежные общественно-политические организации не участвуют в формировании актуальной политической повестки страны или же делают это опосредованно, через средства массовой информации [3, с. 84—87].

С другой стороны, наличие молодых людей, которые проявляют интерес к деятельности молодежных общественно-политических движений, говорит о высоком социализационном потенциале данных объединений в современной России. При этом использование Интернет-пространства, функционирование молодежных объединений на основе принципов существования неформальных групп с опорой на различные молодежные субкультуры способно повысить роль молодежных общественно-политических организаций как агентов политической социализации.

Для этого также необходимо учитывать потребности и опираться на ценности современной молодежи. Тем более, что молодежь России интересуют политические процессы, происходящие в обществе. В целом самореализация выступает в качестве основного идеала для российской молодежи. Кроме того в молодежной среде преобладает такой общественно-значимый мотив как желание изменить уровень жизни в лучшую сторону. Этот мотив выделен 65 % опрошенных молодых людей.

Данные социологического опроса также позволили выделить наиболее интересные молодежи формы политического участия. Это участие в дискуссиях, получение достоверной информации о политике и ее анализ, а также голосование на выборах всех уровней. Данные формы должны обязательно быть представлены в предлагаемых программах функционирования молодежных общественно-политических объединений.

Ключевой задачей молодежных организаций как агентов политической социализации должно стать формирование новых потенциальных лидеров, обладающих необходимыми способностями и набором профессиональных качеств [7].

Таким образом, мы установили, что в России на современном этапе молодежные объединения политической направленности не оказывают существенного влияния на процесс политической социализации молодежи. С другой стороны, именно они содержат в себе достаточный потенциал для формирования политической культуры молодого поколения. Для того, чтобы молодые люди вступали в молодежные движения, и не только вступали, но и становились их активными членами, следует создавать необходимые условия. Речь идет об интеграции элементов молодежной

субкультуры, использовании ресурсов Интернета, реализации потребности молодых людей в самореализации и их желания изменить жизнь к лучшему. Молодежные общественно-политические организации должны в первую очередь быть модными и интересными, что будет привлекать молодежь, а также создавать возможность для проявления молодым поколением активности и инициативы. Знание и использование данных механизмов функционирования молодежных объединений позволит повысить их роль и значение в процессе политической социализации молодежи в современной России [2, с. 29].

Список литературы:

1. Бучкова А.И. Политическая социализация молодежи в условиях модернизации политической системы России (факторы и агенты) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. — С. 182—199.
2. Бучкова А.И. Политическая социализация молодежи современной России в контексте деятельности молодежных общественно-политических организаций // Политика и общество. 2012. № 7. — С. 23—31.
3. Бучкова А.И. Процесс политической социализации молодежи в современной России (результаты социологических исследований) // Социология. 2012. № 1. — С. 81—90.
4. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — 496 с.
5. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Некоммерческое партнерство «Новый хронограф», 2008. — 552 с.
6. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1 / Нац. обществ. — науч. Фонд; Рук. Проекта Г.Ю. Семигин; Науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. — 750 с. [1].
7. Тихонов А.В., Устинкин С.В. Современные молодежные организации как агенты политической социализации [Электронный ресурс] // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. — Электрон. журн. — 2008. — Режим доступа: <http://www.jurnal.org/articles/2008/polit53.html>, свободный. — Загл. с экрана.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Липская Лариса Алексеевна

*д-р пед. наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук УралГУФК, г. Челябинск
E-mail: lipskayala@mail.ru*

Современная российская молодежь в условиях «догоняющей модернизации» испытывает влияние множество различных факторов, которые весьма неоднозначно сказываются на ее политических ориентациях, предпочтениях, моделях политического поведения. К числу внешних факторов можно отнести объективные социально-экономические условия, политическую обстановку в стране, господствующий тип политической культуры, особенности государственной молодежной политики, а также не зависящие от них внутренние факторы, связанные с особенностями молодежи как социально-демографической группы. Названные факторы способствуют формированию новых приоритетов, норм и ценностей, конструктивных или неконструктивных форм политической активности молодежи. На легитимацию политической деятельности молодежи направлены, прежде всего, усилия исполнительной власти, которые выразились в создании нескольких молодежных движений («Идущие вместе», «НАШИ», «Молодая гвардия Единой России» и т. д.), проведение крупных образовательных форумов («Селигер» и др.). Среди новых возможностей информационного общества, способных вызвать массовый всплеск недовольства в молодежной среде, протестные акции и массовые волнения, можно выделить создание с использованием технологий сетевого маркетинга, рекламного менеджмента, манипуляции общественным сознанием посредством мировых СМИ и Интернет-ресурсов безлидерских движений или экстремистских организаций.

О политических ориентациях молодых, граждан, их участии или неучастии в политике можно судить по данным разных социологических исследований, в том числе исследований Фонда «Общественное мнение», Аналитического центра Юрия Левады (Левада-центра), Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), опубликованным в аналитическом докладе «Положение молодежи в России» [3]. Характер политического поведения молодых людей в значительной степени определяется спецификой их отношения к политике, уровнем их политических

знаний, их осведомленностью о политических событиях и процессах, т. е. когнитивными политическими ориентациями, которые принято включать в политическую культуру. Когнитивная составляющая политической культуры молодого человека формируется как на пассивной основе (в процессе социализации), так и на активной (когда человек самостоятельно, сознательно и целенаправленно интересуется политической жизнью). Уровень политической осведомленности молодых граждан может рассматриваться как один из показателей эффективной деятельности государственных органов, а также как предпосылка гражданской активности. По данным опроса ФОМ [3], интересуются политикой 37 % молодежи, а почти две трети молодых сограждан (62 %) не проявляют интереса к этой сфере. Несмотря на отсутствие интереса к политике, большинство представителей молодого поколения уверены, что их жизнь от политики зависит: 51 % считает эту зависимость сильной, 23 % — слабой и только 15 % полагают, что их жизнь вообще не зависит от политики.

По данным различных социологических исследований, около 90 % молодых людей заявляют о том, что иногда слушают по радио или смотрят по ТВ политическую информацию. Однако интерес к политике у значительной части молодежи носит в основном пассивный характер, так как, имея общие представления о политических событиях в стране, молодые люди не стремятся к активному участию в политической жизни, проявляя гражданскую и политическую апатию. Вместо митингов и демонстраций значительная часть молодежи предпочитает виртуальные политические Интернет-дискуссии, политизированные ток-шоу, представляющие собой своеобразную развлекательную игру с поверхностным изложением участниками своих идейных позиций, привлекающую определенную часть молодежи экспрессией в выражении эмоций. Это говорит о том, что для многих молодых людей свойственны аффективные политические ориентации, которые конструируются на основе чувств и эмоций, вызванных различными политическими субъектами [5, с. 11]. Молодые люди, как правило, оценивают происходящие в политике события с субъективной точки зрения, на основе полярных оценок («хорошо — плохо», «черное — белое», «наши — не наши», «нравится — не нравится»), которые формируют отношение к политическим событиям.

Несмотря на возросший в последнее время интерес молодежи к различным политическим акциям и неформальным движениям, молодежь готова больше рассуждать о политике, нежели участвовать в ней. Среди причин и мотивов аполитичности в молодежной среде опрошенные студенты уральских вузов указали следующие:

неуверенность, что личное участие может иметь значение — 38 %, недоверие к политикам, низкий престиж их у молодежи — 26 %, слабая осведомленность о политическом процессе — 19 %, безразличие к политике как к делу, далекому от жизненных проблем — 18 %, наличие других интересов — 16 %, дефицит свободного времени — 12 % [1, с. 116]. Таким образом, на первый план в оценках респондентов выходит не негативное или безразличное отношение к политике, а недоверие к политикам (каждый четвертый) и главное — неуверенность, что личное участие может иметь значение (два из каждых пяти). Это одна из причин того, что молодежь не видит необходимости участвовать в политической жизни, вступать в ряды политических партий и движений, создавать собственные молодежные организации, которые бы смогли защитить их интересы. Выводы социологов убеждают в том, что в целом, нынешнюю российскую молодежь вряд ли можно назвать сверхполитизированной. В то же время, результаты опросов дают основание полагать, что определенная часть молодежи готова принять самое активное участие в политической жизни страны, в том числе в выборах.

Структура молодежного электората в основных своих элементах совпадает со структурой электората в целом: среди молодых избирателей есть те, кто видит смысл участия в выборах, считая их в той или иной мере эффективным способом защиты своих интересов. Другая часть, не хочет участвовать в выборах, так как не видит в этом смысла, полагая, что их голос все равно ничего не может изменить, или не находят среди партий ту, за которую хотели бы проголосовать. Абсентеистски настроенная молодежь слабо верит в то, что ее участие в выборах может способствовать решению ее проблем. Среди причин, по которым российские граждане, в том числе молодежь, не участвовали в декабрьских выборах 2011 года в Государственную Думу, каждый третий опрошенный указал на то, что не верит никому из нынешних политиков, почти столько же считает, что от его участия все равно ничего не будет зависеть. Каждый десятый опрошенный по данным Левада-центра (опрос проведен в декабре 2011 года) указал на то, что устал от политики и от борьбы в верхах, примерно такое же количество не верит в честность результатов выборов [4]. Приведенные выше результаты позволяют говорить о зависимости электоральной активности от фактора доверия к политическим партиям и кандидатам, участвующим в них, а также самим выборам.

Вместе с тем, социологические данные, анализ бесед и политических дискуссий показывает, что значительная часть молодежного электората мало представляет, какие из партий выражают

их интересы. Далеко не всегда, студенты могут четко сформулировать и соотнести свои политические пристрастия с той или иной политической идеологией и программой партии. Нередко, являясь сторонником левых взглядов, придерживаясь идей социальной защищенности и социальной справедливости, они предпочитают делать выбор среди партий правой ориентации. Часть исследователей склонна полагать, что основой для политического выбора служит только личность лидера партии. Личные симпатии партии оказывают решающее влияние на выбор более трети избирателей, в том числе молодых, при этом политические интересы, как правило, не осознаются, либо уходят на второй план. По данным уральских социологов, лишь треть студентов имеет сложившиеся политические убеждения (по самооценке), стабильно низким (около 6 %) остается число тех, кто имеет четкую политическую позицию [1]. В связи с этим возникает необходимость вузовской политической социализации, направленной на то, чтобы студенты могли разбираться в программах партий и лидеров, имели четкие политические убеждения, позволяющие осознанно делать свой выбор и противостоять политическим манипуляциям. Политологическая подготовка в вузе помогает молодым избирателям разобраться в программных заявлениях политических партий и соотнести их со своими взглядами на жизнь, найти в них ответы на волнующие молодежь вопросы. К сожалению, в новых федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования политология и социология исключены из числа базовых обязательных дисциплин, что не может отрицательным образом не сказаться на гражданском становлении молодого поколения.

Несмотря на то, что проведенные опросы пока не фиксируют увеличения протестных настроений в молодежной среде, в последнее время все чаще наблюдаются проявления нигилизма, национализма и экстремизма. Результаты выборов, хотя и вызвали разочарование и недоверие у определенной части россиян, в том числе молодых, однако большинство опрошенных (77 %), по результатам социологического исследования Левада-центра, не готовы принять в участие в акциях протеста [4]. Молодежь не хочет революционных потрясений и не поддерживает насильственные, нелегитимные методы политической деятельности. У значительной части молодых россиян, также как впрочем, и у взрослого населения, преобладают патерналистские настроения, поиски всевозможных связей и покровительства «сверху». Однако наблюдается и определенная раздвоенность политического

сознания молодых граждан. Практически в два раза за последние десять лет выросло число респондентов, уверенных в том, что одним из наиболее эффективных способов воздействия на власть в целях отстаивания своих интересов являются акции прямого действия: выход на улицу, участие в акциях и демонстрациях [2, с. 52]. Та часть молодых людей, которая активно участвовала в весенних акциях протеста, демонстрировала с одной стороны — требования гражданских свобод, а с другой — готовность к недемократическим, насильственным методам решения политических проблем, что свидетельствует о противоречивых тенденциях в политической культуре молодых граждан, об отсутствии умения вести цивилизованный диалог общества и власти.

В этих условиях неизмеримо возрастает социализирующая роль как государственных институтов, так и образовательных учреждений, призванных формировать гражданскую политическую культуру молодого поколения россиян.

Список литературы

1. Вишневский Ю.Р. Гражданская культура студентов. Тенденции и проблемы формирования / Ю.Р. Вишневский, Д.В. Трынов, В.Т. Шапко // Социологические исследования. — 2009. — № 4. — С. 108—117.
2. Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России / В.В. Петухов // Социологические исследования. — 2012. — № 1. — С. 48—61
3. Положение молодежи в России. Аналитический доклад. М., 2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://window.edu.ru/window/library?p_rid=28115.
4. Россияне об акциях протеста и о прошедших выборах. Результаты опроса, проведенного 16—20 декабря 2011 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/28-12-2011/rossiyane-ob-aktsiyakh-protesta-i-proshedshikh-vyborakh>
5. Рыбаков А.В. Политическая культура современного российского общества: состояние и перспективы ее демократизации / А.В. Рыбаков // Поиск. — 2012. — № 1. — С. 7—18.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Власкин Виктор Юрьевич

психолог войсковой части, п. Мулино Нижегородской обл.

E-mail: wvy-mulino@mail.ru

В общем комплексе морально-психологического обеспечения воинской деятельности, связанного непосредственно с проблемами подготовки и воспитания военнослужащих, приоритетным направлением является социально — психологическая работа с личным составом всех категорий. Отражение данного посыла законодательно закреплено в соответствующих нормативно — правовых актах. Определяющим из них является т. н. «Концепция воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации», которая была разработана в соответствии с Программой перехода Вооруженных Сил Российской Федерации к единой системе воинского воспитания; данный документ был утвержден Президентом Российской Федерации 22 августа 2002 г. Красной строкой в нем проходит тезис о том, что «...без соответствующего морального настроя всех категорий военнослужащих, без их готовности добросовестно исполнять обязанности военной службы нельзя ожидать весомых результатов в реформировании современной российской армии» [2]. Иными словами, успех подготовки квалифицированного военного специалиста напрямую зависит, прежде всего, от положения дел в той области социальных процессов, которую специалисты называют социализацией, рассматривая ее как «...процесс и результат усвоения индивидом социального опыта, прежде всего — системы социальных ролей. ... Происходит как в условиях стихийного воздействия различных обстоятельств жизни

в обществе, так и в условиях целенаправленного формирования личности... Воспитание — ведущее и определяющее начало социализации» [4, с. 771].

Несмотря на то, что в армейских нормативных актах воспитательной направленности служебная деятельность должностных лиц предельно детализирована и персонифицирована, практическая реализация ее не может считаться успешной. Наиболее весомым аргументом в защиту этого тезиса является, на взгляд автора, количественные характеристики противоправных действий в войсках, особенно в межличностном их аспекте. Если нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими в общей структуре преступности в 1969 году составляли 9 %, в 1985 году — 17 %, в 1996 — 18 % от общего числа воинских преступлений, то уже к концу 90-х годов рост составил: в 1997 году — 26 %, в 1998 году — 43 %, в 1999 году — 41 % [5].

Акцент внимания автора к данному периоду, особенно к временному отрезку 90-х годов, объясняется взаимосвязью между ростом противоправных действий в это время в армии и состоянием наступившей социальной аномии российского общества. Именно в это время показатель доверия общества к армии в России снизился с 65 % до 28 % при существующем нормативном критическом уровне доверия — 30—40 % [1]. Для сравнения: в США, где госдепартамент позиционирует свои вооруженные силы как абсолютную, непререкаемую силу — «опору мира и демократии» на всей планете — около 90 % граждан доверяют своей армии.

Таким образом, внешним фактором десоциализации в армейских структурах, является неоднозначное отношение современного общества к защите своей страны и к ее защитникам. «Пусковым механизмом» социальной дезадаптации можно назвать изменившиеся социальные общественные ценности и установки, а результатом — искажение социальной армейской реальности, различные межролевые и внутриролевые конфликты участников воинской деятельности, стратификация «ратного труда» по признаку его престижности (в классификации П.А. Сорокина).

На протяжении четырех последних лет автором был проведен ряд панельных социологических исследований, где предметом изучения послужили социальные установки солдат срочной службы на предмет идентификации их отношения к обозначенному как «неуставному» асоциальному поведению (далее — НУВ) в армейской среде; особое внимание было уделено мнению респондентов о позиции, занимаемой офицерским составом в этом вопросе. Исследования проводились

в подразделениях с различным служебно — боевым предназначением и штатной численностью: подразделение охраны дисциплинарной части (РО), два общеевойсковых (МСР, ТР) и одно учебное (УБ) подразделения. Респондентам в ходе анонимного анкетирования были предложены несколько вариантов ответов (абсолютные показатели в процентных показателях могут составлять более 100 %). Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Таблица распределения ответов респондентов

Вопросы анкеты	РО (n =100)	МСР (n = 60)	ТР (n = 40)	УБ (n = 60)
1. Отношение к службе в армии до призыва:				
• «мужская» обязанность	74,8	52	72	56
• законодательная «повинность»	17,15	16	40	25
• напрасная «трата времени»	11,3	28	6,2	19
2. Индивидуальное отношение военнослужащих к НУВ:				
• просоциальная направленность	22	12	16	34
• асоциальная направленность	78	88	84	66
3. Офицеры и НУВ:				
• обеспечивают порядок через силу	16,3	12	4	11,8
• противодействуют НУВ	58,5	24	68	57
• офицерам «безразлично»	8,4	12	8	8,5
• офицеры не могут справиться с НУВ	14,75	16	16	12
• это дело самих солдат	27,3	32	16	23
4. Обращения к представителям командного звена по проблемным вопросам различного генезиса	8,7	0	4	10
5. Решение проблем через «командирский почтовый ящик, «телефон доверия»				
• готовы воспользоваться	4,4	12	6	20
• не считают нужным, не определились	95,6	88	94	80

Заслуживают внимания, прежде всего, следующие результаты:

1. Устойчивый социально — архетипический стереотип восприятия мужчины как «защитника», значительное превалирование данной позиции над «обязательно — гражданской» дефиницией отношения к службе.

2. Искажение социальных установок военнослужащих, считающих НУВ неременным атрибутом армейских структур и механизм полоролевой «инициации» вновь прибывших служить солдат. К примерам некомпетентности или дезориентации установок

респондентов относятся формулировки: НУВ — «исконно армейская традиция», «школа жизни», «вздумки общественности».

3. Низкий «кредит доверия» к субъектам социализации — офицерам. Интересен для изучения и творческого осмысления тот фактор, что, несмотря на различия групп испытуемых, в том числе и по продолжительности военной службы (от 1 года в 2012 г. и до 2 лет в 2008 г.), ответы респондентов в вопросе вероятностного отношения офицеров к НУВ по принципу их распределения оказались близкими, не имеющими статистически значимых различий. Иллюстрацией этого вывода являются данные таблицы 2; критерием оценки различий был выбран H — критерий Крускала-Уоллиса.

Таблица 2.

Таблица рангов групповых различий распределения ответов в позиции «Офицеры и НУВ»

№ пп	РО	Ранг	МСП	Ранг	ТР	Ранг	УП	Ранг	Эмпирическое значение H — критерия Крускала — Уоллиса
3.1.	16,3	13	12	7	4	1	11,8	5	$H_{\text{эмп}} = 0,871;$ $H_{\text{эмп}} < \chi^2_{\text{кр}}$
3.2	58,5	19	24	15	68	20	57	18	
3.3	8,4	3	12	7	8	2	8,5	4	
3.4	14,75	9	16	11	16	11	12	7	
3.5	27,3	16	32	17	16	11	23	14	
Суммы рангов		60		57		45		48	

Где критическое значение χ^2 (количество степеней свободы $\nu = 3$): 7, 815 < $\chi^2_{\text{кр}} < 11,345$

По мнению автора, главными детерминантами десоциализации в условиях армейской службы являются ценностный дисбаланс в российском обществе и, что наиболее значимо, низкая эффективность деятельности офицера в качестве воспитателя — субъекта социализации подчиненных вследствие стратификации референтных групп участников совместной воинской деятельности.

В условиях сложившейся реальности перспективным вектором социализации в армейских организациях может быть включение в состав воспитательных структур специалистов, способных осуществлять квалифицированную узконаправленную деятельность со всеми категориями военнослужащих по овладению недостающими необходимыми навыками — социальных педагогов. Благоприятный

прогноз работы в этом направлении находит подкрепление во мнениях многих социологов, говорящих о том, что «...армия сегодня представляется не столько эффективным и дееспособным институтом, сколько воплощением наиболее важных национальных символов, опорным моментом массовой идентичности» [3]. Такое отражение социальной реальности — перспектива для деятельности.

Список литературы:

1. Булычев Д.А. Имидж армии: реальность и перспективы // Ориентир. — 2006. — № 12. С. 30—32.
2. Концепция воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.innovbusiness.ru.html> (дата обращения 8.8.2012 г).
3. Отечественные записки. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.liberal.ru>. (дата обращения: 18.01.2007).
4. Словарь психолога — практика / Сост. С.Ю. Головин. 2-е изд., перераб. и доп. Мн.: Харвест, 2003. 976 с.
5. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ: О нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. М.: ППО «Известия», 2000. 99 с.

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

РУССКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ФИЛОСОФЫ О ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ, ВОСКРЕШЕНИИ И СПАСЕНИИ ДУШИ

Гутова Светлана Георгиевна

канд. филос. наук, доцент НГГУ, г. Нижневартовск

E-mail: svetguts.07@mail.ru

Для отечественной религиозно-философской мысли память о прошлом не представляет собой простого накопления рациональных знаний. Это то, что человек рассматривает через призму живой современной действительности, интуитивно переживает, обращаясь к своей совести, и, наконец, то, что он хранит в своем сердце. Обращаясь к идее вечной жизни, русские мыслители описывали ее не только в строго религиозном ортодоксальном значении, но и как символическое философское понятие. В таком смысле идея бессмертия рассматривается и как противостояние смерти, возможность вечной жизни и спасения и как способность побеждать смерть каждым волевым усилием на протяжении всей жизни, преодолевая косность материального мира, поднимаясь над ним в глубоком мистическом прозрении. Подобное стремление человека неизменно вызывает восхищение, так как с одной стороны наделяет человеческую жизнь определенным смыслом, а с другой приобщает его к духовной эволюции человечества в целом.

Для верующего человека правильное отношение к смерти является частью его приготовления к переходу в Царство Божие и поэтому важной задачей духовного преображения можно считать преодоление страха смерти, а значит, возможность научиться жить с осознанием своей и чужой смертности. Таким образом, идея обожения в русской философии напрямую связана с историсофией

и космологией, а это предполагает, что развитие человека невозможно мыслить вне человечества и универсума в целом. Становление мира через единение части и целого на примере философии всеединства В.С. Соловьева (1853—1900) и его последователей поднимает множество метафизических и этических вопросов, затрагивающих все пласты человеческого бытия. Например, размышления о будущем человечества и рассмотрение духовной эволюции расширяют наши представления об идеалах и ценностях, задавая новые смысло-жизненные ориентации.

Тема спасения души и телесного воскрешения особым образом была представлена в восточно-христианской мистической традиции, которая в свою очередь непосредственно повлияла на творчество многих русской религиозных мыслителей. Григорий еп. Нисский (331—394) в работе «О душе и воскрешении. Диалог с сестрой Макриной» подробно рассмотрел вопрос о воскрешении, как в религиозном, так и философском смысле. Размышляя о человеческой природе, он замечает что: «Забота же о жизни, конечно, происходит от страха смертного» [4]. Желание преодолеть смерть у человека совпадает с его религиозным стремлением к бессмертию через спасение своей души, так как именно душа является неразложимой, цельной, вечной. Григорий Нисский приводит убедительные доводы в пользу того что не стоит скорбеть о смерти человеческой плоти, поскольку это естественный процесс, который не уничтожает уникальности бытия отдельного человека.

Идея воскрешения объединяет всех людей, позволяя им, надеется на вечную жизнь. Особенно пристальное внимание мыслитель уделяет вопросу о телесном воскрешении, которое описано в Св. Писании. Каждому верующему хотелось бы знать, рассуждает Григорий, в какой именно телесной форме произойдет возвращение. Действительно, зачем человеку уповать на светлое будущее в Царствии Божиим, если он возвратится больным, старым и немощным или будет вечным младенцем? В чем смысл такого ожидания, если нет радости бытия? По словам философа, воскрешение затрагивает только истинную сущность человека, ту его основную часть, которая является образом и подобием Бога. Эта основная часть, а именно душа изначально неизменна. Для того чтобы, приблизить идею воскрешения к реальности, сделать ее понятной каждому человеку, Григорий Нисский вполне логично разъясняет: «Богодухновенное Писание и в Новом и в Ветхозаветном учении говорит, что, когда естество наше в некоем порядке и в связи совершит полный оборот времени, непременно остановится наконец и это текущее движение,

совершаемое преемством рождаемых, и, как наполнение Вселенной не допустит уже возрастания в большее число, вся полнота душ из невидимого и рассеянного состояния опять возвратится в собранное и видимое, причем те же самые стихии сойдутся между собою опять в ту же связь. А такое состояние жизни, по Божественному учению Писания, называется воскресением, причем именем этим означает все движение стихий при восстановлении земного» [4]. Григорий Флоровский (1893—1979) далее детально излагая мысли Григория Нисского отмечает, что: «Смерть, умирание, смена форм и поколений, рождение и возрастание, — все это изначально и естественно в природном мире... Смерть противоестественна, и потому болезненна, только в человеке; впрочем, по мнению св. Григория и для человека она есть в то же время и некое благодетельное врачевание, путь к воскресению и очищению. Потому исцеление греховной порчи совершится в воскресении, которое есть вместе с тем восстановление первозаданной нетленности» [15, с. 230].

Одной только естественной силой природы невозможно восстановить и исцелить, необходимо пришествие Христа, через которое и произойдет возвращение к подлинной жизни и победа над смертью. Но это возможно, по словам Григория, только через единение божественной жизни с человеческой. В своем воскресении Христос преодолел узы смерти и проложил нам «путь к рождению через воскресение» Таким образом, «Христос есть Путь, Воскресение и Жизнь» [4]. Когда прекратится рождение людей, прекратится и время, история греха и порока завершится, и души будут пребывать в забвении, зло останется в прошлом. Новая жизнь должна раскрыться в свободном творчестве. Важно подчеркнуть, что, по словам Григория Нисского человек только добровольно может принять божественную милость и благо спасения. Даже божественная любовь, охватывающая все сущее, не во всяком человеческом сердце находит свой отклик. Такова расплата человека за свободу воли. Подобные идеи нашли широкое распространение, и понимание в русской религиозно-философской мысли.

Представитель православной философии В.Н. Лосский (1903—1958) в работе «Догматическое богословие. Боговидение» так описал православную версию воскресения: «человеческая природа торжествует над состоянием противоприродным, ибо природа эта вся целиком сосредоточена во Христе.... Каждая человеческая жизнь всегда может возобновиться во Христе как бы ни была она отягчена грехами; человек всегда может отдать свою жизнь Христу, чтобы он вернул ее ему свободной и чистой, и это дело Христа простирается

на все человечество за видимыми пределами церкви». Лосский считает, что, спокойная уверенность мучеников, которые не ощущали не только страха, но даже физической боли, свидетельствует о том, что отныне христианству доступно действительное сознание воскресения [11, с. 548—549]. Он убежден что всякая вера в торжество жизни над смертью, всякое предчувствие воскресения уже является, хотя и косвенно, верой в Христа, ибо только сила Христова воскрешает и воскресит из мертвых [11, с. 550]. Пример воскресения и победы над смертью для всего живого мира состоит в воскресении Христа и теперь очевидно для всякого верующего человека, что воскресение и есть общий закон, объединяющий не только все человечество, но и все существующее. «Жертва — Она — то деяние, завершить которое должно будет новое человечество в безмерном священнодействии, первоначально возложенном на Адама: принесение в дар Богу всего космоса, как вместилища благодати» и далее: «Воскресение изменяет падшую природу, оно открывает дивную возможность — возможность освящения самой смерти; отныне смерть уже не тупик, в дверь в царство». Нам возвращена благодать; и хотя мы и носим ее в себе как в «скудельных сосудах», как во вместилищах еще смертных, однако в самой хрупкости нашей таится теперь сила побеждающая смерть» [11, с. 548].

В отечественной философии огромная заслуга в рассмотрении понятия воскресения и проблемы бессмертия принадлежит Н.Ф. Федорову (1829—1903). Своеобразная социальная утопия оригинального русского мыслителя при всей своей сложности и неоднозначности полна оптимизма и искренней веры в реальность чуда. Особого внимания заслуживает его стремление создать некий синтез науки и религии, объединив усилия таким образом, чтобы цель оставалась высоконравственной, выходя за пределы самой природы. И действительно, как еще можно победить смерть, если не возвыситься над каждым ее частным проявлением?

Создавая проект общества, в котором люди имели бы одну важную цель, а именно объединение вокруг общего дела воскресения, Н.Ф. Федоров обращает наше внимание на то, что в завершении этого большого дела нравственные ценности преодолеют необходимость материального мира, а это уже рывок на онтологическом уровне. Хотя Федоров и не ставил перед собой задачи построения сложной философской системы, а его метафизику преодоления смерти только в зачатке можно назвать теоретической, тем не менее, многие идеи, рожденные в его синтетических исканиях, впоследствии были развиты в фундаментальных трудах русских классиков космизма.

Известный религиозный мыслитель, обладая обширными знаниями в различных областях, как всякий русский ученый смотрел чуть дальше своего времени, чувствовал в себе пророка. Описывая физические законы вполне применимые к материальному миру, он понимал, что в объяснении человеческой природы они бессильны. Размышляя о будущем человечества, Федоров задается вопросом, почему жизнь и сегодня даже после воскрешения Христа остается взаимным истреблением и что необходимо, чтобы началось всеобщее воскрешение [14, с. 208]?

Во-первых, сам религиозный феномен воскрешения как обязательный элемент христианской веры уже говорит о возможности достичь бессмертия; во-вторых, самые сильные чувства которые испытывает человек в своей жизни — это любовь к своим родным и близким, и потому он не может быть счастливым, пока смерть торжествует. Таким образом, русский философ ставит перед собой три основных задачи: воскрешение предков, достижение бессмертия, регуляцию природы на космическом уровне. По его мнению, проблема неотвратимости зла проистекает из несовершенства мироздания и человека, которые в свою очередь подвержены закону смерти. Отсюда стремление победить и подчинить силы природы. «Небратство», «неродственность» — это результат не только социальных противоречий, проблема лежит гораздо глубже, а именно во всеобщем разъединении, разобщенности мира. Люди должны перестать бороться друг с другом и наконец, найти себе настоящую благую цель, способную объединить человечество и это единственный путь достичь бессмертия. Смерть не должна никого оставлять равнодушным, по убеждению Федорова, необходимо противостоять злу в самом его корне, то есть саму жизнь рассматривать через призму смерти всех, когда-либо живших на земле людей. С его точки зрения это поддается социальному планированию, а значит, человечество способно выйти на новый уровень существования [14, с. 550].

Все проблемы современного общества, а главное недостатки даже самой развитой культуры являются результатом неверного отношения к смерти, а точнее к ее забвению. «Если объединение живущих для всеобщего воскрешения не совершается сознательно, то объединение сынов превращается в цивилизацию, в чуждость, враждебность, разрушение, а в место воскрешения является культура, т. е. перерождение, вырождение и, наконец, вымирание» [14, с. 204].

Таким образом, главное место в философском учении Федорова занимает идея «воскрешения отцов» (патрофикация). По его мнению, данный проект представляет собой прямое обращение или даже

призыв ко всем истинно верующим людям. Для него есть только буквальное значение библейских высказываний на этот счет и поэтому задача человечества проста и понятна каждому смертному. Такая материализация и конкретизация идей имеет в своей основе вполне прагматический смысл, требующий отчасти даже религиозного фанатизма, фетишизма, и также сплава науки и магии. Федоров в своей социальной утопии также как и Платон стремится довести свои идеи до крайности, абсолютизируя их и одновременно конкретизируя каждую деталь. Например, он утверждает, что дети не должны рождаться, это противоестественно, но все мертвые поколения должны воскреснуть, причем буквально и это необходимо подготовить как в социальном, так и в физическом плане. Перед религией ставится конкретная задача стать синтезом искусства и науки. Местами поклонения должны стать кладбище, храмы, музеи (локусы), которые нужны людям для того чтобы подготовить все необходимое для воскрешения [14, с. 550].

Сам Федоров искренне считал, что заимствовал ряд идей из евангельских текстов и церковных обрядов, периодически ссылаясь на них. Но и представители философии, и религиозные деятели одинаково настороженно относились к призывам ученого. Очевидно, что для ортодоксального православия подлинная цель бытия христианина не может быть достигнута в земной жизни. Воскрешение произойдет в день Страшного суда, и только благодаря чудесной воле Божией. Не смотря на то, что ортодоксальное богословие придает учению о страшном суде и загробной жизни решающее значение, оно скорее носит сотериологический характер и больше обращено к символике духовного преображения, где телесное воскрешение лишь часть процесса.

Таким образом, всеобщее спасение и воскрешение зависит не только от Бога, но и от человека, от его собственной активности. Подобные мысли были высказаны и другим видным отечественным мыслителем И.А. Ильиным (1883—1954): «Основное качество тварного совершенства есть бессмертие и неразрывно с ним связанная вечная слава» [8]. Федоров считает, что основная миссия Бога, должна быть возложена на самих людей. Он заменяет Страшный суд воскрешением мертвых с помощью науки и техники. Спасение возможно только в процессе, когда человек сам осуществит свое преображение, прекратит пожирание себе подобных и победит смерть через самосозидание. Всеобщий процесс воскресения завершается возвратом всех жертв к вечной жизни и воссоединением в единое бытие [11].

Н.А. Бердяев (1874—1948) по этому поводу пишет, что возможность преодоления необходимости и обращения времени: «В религиозном сознании это есть проблема Воскресения. Это есть проблема «философии общего дела» Н. Федорова. Это есть победа над смертоносностью времени. "Le temps retrouve" может быть лишь победой над болезнью времени, не движением к прошлому или будущему. Выздоровевшее время есть вечность. И вся творческая активность, творящая новое, должна быть направлена не на будущее, которое предполагает заботу и страх и не преодолевает окончательно детерминизма, а к вечности» [3, с. 287]. Что есть победа духа? Бердяев ставит этот вопрос изнутри человеческого существования, так как все остальные попытки преодоления времени и смерти приводят к объективации. Он утверждает что: «Конец времени и есть конец объективации, переход к внутреннему существованию, к жизни духа. Для христианской эсхатологии создается непреодолимое затруднение, которое лишь затухает в догматической рационализации и объективации. Поэтому «остается непонятной судьба человека после смерти до конца мира» [3, с. 295]. По словам Бердяева, прошлое со всеми умершими поколениями представляется нам не существующим, только когда оно и мы вместе с ним воспринимаем как часть материального, объективированного мира, т. е. вне жизни духа, а значит за пределами вечной жизни [3, с. 288].

Сам Бердяев, рассуждая об основном парадоксе времени спрашивает: «Как согласовать конец и воскресение индивидуально-личное и конец и воскресение всего мира?» [3, с. 295]. И действительно то, что мы называем вечной жизнью, совсем не есть будущая жизнь, говорит он. Поэтому «Каждый человек переживает свой личный Апокалипсис, к которому также относится основной парадокс времени и вечности, конечности и бесконечности. Апокалипсис этот есть откровение о реализации личности». [3, 296]. Единение возможно только в цельной личности, которая в творческом акте сама преодолевает разложение времени и погружается в вечность. Но изолированная личность не может достичь, ни вечности, ни единения с богом. Таков итог рассуждений большинства представителей русской религиозной философии. Действительно тема воскрешения через всеобщее единение в русской культуре тесно связана с идеей соборности, которая для многих стала своего рода фундаментом, объединяющим проблемы личности и общества, светского и церковного.

Николай Федоров также затрагивает это важное для русской культуры понятие, но и здесь он проявляет оригинальность, критикуя

других мыслителей за чистую метафизику, стремясь обосновать свое собственное видение соборности. Необходимо, считал он, хорошо себе представлять, для чего возникает стремление соборного единения людей? В чем его цель? «Искание смысла есть искание цели, дела — единого общего дела» и далее: «Только цель дает смысл жизни; человеку же нет надобности искать цель жизни, если он сознает себя сыном и смертным, т. е. сыном умерших отцов;... *воскрешение же есть полное торжество нравственного закона над физической необходимостью*. Отказываясь от воскрешения, от управления слепую силою природы, человек отдает себя во власть последней» [14, С. 201—202].

Соборность оказывается совместным деянием, собиране русским народом вокруг себя других народов и христианских и не христианских на основе поминовения предков, выполнение морального долга воскрешения. Но и это еще не конечная цель, истинное завершение пути преобразования мира состоится только через объединение рода человеческого в единое, родственное по крови братство и отечество. Федоров отмечает, что такая форма соединения и братства «...есть общество не по типу организма, а по образу и подобию Пресвятой Троицы» [14, с. 201]. Нравственный закон, настаивает русский мыслитель, будет распространяться только через воскрешение всех живших на земле поколений на все миры вселенной.

Н.А. Бердяев считает, что Федоров противопоставляет принцип соборности индивидуалистической, эгоистической теории познания. Размышляя об особенностях отечественной религиозной мысли, философ замечает, что у русских в познании всегда преобладали моральные мотивы над мотивами метафизическими, и жажда религиозного преобразования мира вытесняла мистическое созерцание. А значит, по его мнению, исчезала сама возможность глубокого проникновения в сущность преобразования. Обобщая мысль и одновременно дискутируя с Федоровым, он говорит, что для русской души, характерно не столько само действие, сколько мысль о действии. «Его философия общего дела — не соборная, не коллективная, не братская, а одинокая и практически бездейственная» [1, с. 254]. Федоров видит воскрешение как некое коллективное дело человечества, которое противостоит цели «естественного прогресса». А настоящий прогресс, по его мнению, состоит в воскрешении. Человечество увеличивается не за счет рождений, а за счет воскрешения умерших. Религия в его учении приобретает вполне конкретный смысл: «Христианство есть объединение живущих для воскрешения умерших» [14, с. 205].

Н. Федоров в своем учении описывает познание, как коренное преобразование мира и человека. Истинное знание, не может быть отделено от дела, оно с необходимостью включает в себя нравственное чувство долга. Истинное просвещение, таким образом, — это стремление человека к изменению и преображению в первую очередь себя самого, своих способностей ума, души и тела. Только покорив природу, человечество сможет победить смерть, воскресить людей и добиться всеобщего братства и тогда люди действительно станут свободными. Он пишет: «Не из личной свободы вытекает долг воскрешения, а из сего последнего должна произойти свобода, без исполнения же того долга свобода даже невозможна» [14, с. 151]. По Н.Ф. Фёдорову, человек, победив смерть, становится Творцом, то есть по существу — всеильным Богом. Если человечество соединится для всеобщего воскрешения и вселенской победы над смертью, то оно может избежать конца мира и Страшного суда, так как само воскрешение есть полнота жизни умственной, нравственной и художественной [14].

Идеи Федорова волновали многих отечественных религиозных мыслителей, особенно в среде, где мистика и пророчество были частью мировоззрения. В этом ключе интересно рассмотреть неоднозначное отношение В.С. Соловьева к проекту Федорова. В целом идея воскрешения вызывала у него одобрение и понимание, так как сам он не раз возвращается к этому вопросу в своих трудах. Так в работе «На пути к истинной философии» Соловьев замечает, что истинное спасение есть перерождение, или, новое рождение, а новое рождение предполагает смерть прежней ложной жизни, а умирать, говорит он, никому не хочется. Далее он в духе Федорова заявляет, что прежде чем решиться принять настоящее спасение как свою личную задачу и подвиг языческий мир пытался это сделать через спасение мертвою верою *«делами, а не делом. И притом делами внешними; но настоящее христианство есть прежде всего дело — дело жизни для человечества а потом уже дела»* [12, с. 344]. Таким образом, В. Соловьев рассматривает дело спасения и воскрешения как нравственно-историческую задачу, как общее дело христианства. Для него, как и для Федорова, очевидно, что сущность религии *«...как норма действительности, как закон жизни»* [12, с. 345].

Но в тоже время отдельные моменты учения о воскрешении отцов настораживают Соловьева своею натуралистичностью. Особенно это касается отдаления Федорова от религиозного понимания идеи духовного преображения человека. Вл. Соловьев скептически рассматривает идею о том, что человечество может

заменить Бога даже в таком его благородном порыве как дело всеобщего единения. Он утверждает, что своею смертью и воскресением Христос спас мир в принципе, в корне, но осуществить начало спасения в нашей действительности, это он может сделать лишь вместе с самим человечеством, так как насильно никто спасен быть не может [12, с. 345]. В работе о смысле любви Соловьев высказывает мысли во многом противоположные взглядам Федорова. В частности, рассуждая о семье, деторождении и половой любви, при своей склонности к аскетическому образу жизни, он не видит в них причину и корень злого греха, напротив, по его мысли любовь облагораживает и наделяет жизнь человека смыслом [13].

Владимир Соловьев так объясняет важность этого чувства: «тем большее значение должны мы признать за любовью как за началом видимого восстановления образа Божия в материальном мире, началом воплощения истинной идеальной человечности. Сила любви, переходя в свет, преобразуя и одухотворяя форму внешних явлений, открывает нам свою объективную мощь, но затем уже дело за нами: мы сами должны понять это откровение и воспользоваться им, чтобы оно не осталось мимолетным и загадочным проблеском какой-то тайны» [13, с. 516]. Для Соловьева «Смысл любви и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признать за другим то безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма, мы ощущаем только в самих себе [13, с. 511]. Смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма [13, с. 505]. Любовь таким образом, представляет собой самый мощный оплот человеческой веры в бессмертие, она задает смысл и цель бытия, раздвигает границы индивидуального и поднимает человека до божественного уровня.

По убеждению Владимира Соловьева воскресение представляет собой заключительное звено мировой эволюции, внутренне необходимое ее завершение, Он мыслил его как творческий акт Божьей воли, где человеку уделяется огромное значение, в его стремлении воссоединиться с Богом. Соловьев пишет: «Духовно-физический процесс восстановления образа Божия в материальном человечестве никак не может совершиться сам собой, помимо нас [13, с. 516]. «Кто поддерживает корень смерти, тот неизбежно вкусит и плода ее. Бессмертным может быть только цельный человек...» [13, с. 522].

Размышляя о важности темы бессмертия и воскресения в творчестве многих представителей отечественной религиозной

и философской мысли, необходимо отметить, что большинство идей связанных со спасением души и тела безусловно имеют утопический характер. Так Зеньковский замечает что: «Дух утопизма веет вообще над русской мыслью... Утопизм Федорова есть свидетельство не слабости его философского дарования, а непреодолимой пока трудности сочетать идеал и историю, «всеобщее спасение» с живой реальностью нашего бытия. [7, с. 150]. Интересно, что Николай Федоров, в частности, говорил о возможности всеобщего и полного спасения для всех живущих, а не только для отдельных избранных людей, хотя для этого ему пришлось долго объясняться по поводу грешников и праведных. Философ был убежден, в том, что основное призвание человечества быть орудием Божиим в спасении мира, благодаря чему у каждого из нас есть свободный выбор и как следствие возможность личного спасения, через активное духовное совершенствование.

Для русских мыслителей спасение души и телесное воскрешение — это не просто бегство от смерти и не только страх перед неизбежностью, а напротив, активное стремление к преображению внутреннего и внешнего мира. Таким образом, главная задача человечества совпадает с индивидуальной жаждой спасения и направлена на борьбу со смертью. Деятельность человека может иметь не только вид борьбы за существование, разрушения как самозащиты или постоянной жажды удовлетворения потребностей, но и выступать в новой совершенной форме, через единение с миром, стремление к целостности и нравственному совершенству, где есть место и человеческому и божественному.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Религия воскрешения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова) Воспроизводится по изданию 1989 г. (Типы религиозной мысли в России. [Собрание сочинений. Т. III] Париж: YMCA-Press, 1989. 714 с.) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1915_186.html
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. — 528 с.
3. Бердяев Н.А. Я и мир объектов./ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. — 480 с.
4. Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. — 532 с.
5. Григорий Нисский. О душе и воскресении. Диалог с сестрой Макриной. Библиотека RIN.RU. [Электронный ресурс] — Режим доступа — <http://lib.rin.ru/doc/i/39551p14.html>

6. Григорий Нисский. Об устройении человека. Библиотека «Вехи» [Электронный ресурс] — Режим доступа — <http://www.vehi.net/nissky/nissky.html>
7. Зеньковский В.В. История русской философии. ТОМ II. Часть 1. Ленинград. «его». 1991. — 255 с.
8. Ильин В.Н. Николай Федоров и преп. Серафим Саровский. Россия, Церковь, Апокалипсис. Раздел 9. Религия, наука, Мистика [Электронный ресурс] — Режим доступа — <http://www.apocalyptism.ru/Ilin-Fedorov.htm>
9. Ильин В.Н. О религиозном и философском мировоззрении Н.Ф. Федорова //Евразийский сборник. Кн. VI. Прага, 1929. Россия, Церковь, Апокалипсис. Раздел 9. Религия, наука, мистика [Электронный ресурс] — Режим доступа — <http://www.apocalyptism.ru/Ilin-Fedorov.htm>
10. Л.П. Карсавин. Святые отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях). М.: Изд-во МГУ, 1994. — 110 с.
11. Лосский В.Н. Догматическое богословие / Лосский В.Н. Боговидение — М.: АСТ, 2006. — 759 с.
12. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. — 822 с.
13. Соловьев В.С. оправдание Добра / Соловьева В.С., Сочинение в 2 т. — М., 1990 г. Т 1. — 892 с.
14. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства: записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 539 с.
15. Флоровский Г. Восточные отцы церкви. /Протоирей Георгий Флоровский. Восточные отцы церкви. М.: АСТ, 2005. — 633 с.

ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА

Котов Жан Викторович

*канд. филос. наук, доцент ПГАСА, г. Днепронетровск
E-mail: jnkotov@yandex.ru*

Глубину кризисной ситуации как в России, так и в мире в целом, к сожалению, не осознают подавляющее большинство интеллектуалов. Директор фонда национальной энергетической безопасности России Константин Симонов отмечает, что «кризис касается не просто экономики, политической системы, он касается, в том числе и интеллектуального класса. Мы видим полную неспособность интеллектуалов объяснить, что происходит, и показать, что будет, а главное, создать какую-то более привлекательную политическую модель» [4].

В чем опасность данной ситуации? Что касается России, то она может исчезнуть как самостоятельное государство (также как Украина и Белоруссия). Если же рассматривать проблематику общецивилизационного развития человечества, то может быть заблокирован сам исторический шанс перехода от цивилизации рабов и господ к цивилизации свободных людей. Человечество на развилке: либо переход на очередной, более высокий виток развития (и такая тенденция была начата Социалистической революцией в России), либо движение по витках нисходящего развития (такая тенденция была опробована фашистскими режимами в Западной Европе). Важно трезво оценивать сложившуюся ситуацию и пытаться теоретически грамотно осмысливать даже слабо выраженные тенденции прогрессивного общественного развития, что невозможно без преодоления господства религиозно-мифологического мировоззрения и утверждения на позициях философско-теоретического мировоззрения.

Одно из значимых противоречий современности состоит в том, что, с одной стороны, без выхода на уровень теоретического мышления, представленного научным материализмом Маркса и Ленина, человечество не сможет достаточно грамотно решать встающие перед ним задачи, но, с другой стороны, нет достаточно развитых социальных и гносеологических предпосылок для решения данной задачи. Не оформились еще те социальные силы, которые готовы, принуждены самой жизнью бороться не только против порождаемой современным капитализмом «материальной нищеты и бедности трудящихся масс», но, главным образом, против

порождаемой современным общественным устройством «духовной нищеты и бедности» подавляющего большинства современного человечества. Общество не готово к самокритике, не сформировались еще в достаточно оформленном и структурированном виде те социальные силы, представителей которых молодой Маркс обозначил термином «свободная интеллигентность».

Философия впервые появляется в Древней Греции в качестве символического капитала, обосновывающая «правду нового мира» — цивилизации рабов и господ (рабовладение, феодализм, капитализм) против «правды старого мира», находящей свое символическое обоснование и защиту в религиозно-мифологическом мировоззрении. Свое зрелое, развитое состояние философия обретает у Маркса и Энгельса, предложивших символический капитал для обоснования очередной «правды нового мира» — цивилизации свободных людей против «правды старого мира» — цивилизации рабов и господ, опирающихся в своей защите на религиозно-мифологическое мировоззрение в его осовремененных формах, представленное, в частности, и философией постмодерна.

Рассмотрим динамику взаимоотношения философско-теоретического (сознания, мышления) и религиозно-мифологического мировоззрения, опираясь на работу Э.В. Ильенкова «Античная диалектика как форма мысли».

1. Исходное взаимоотношение — это взаимоотношение господствующего религиозно-мифологического мировоззрения и впервые выделившееся из него в качестве его последовательной антитезы стихийно-материалистического и стихийно-диалектического мировоззрения — натурфилософия. Действительный материализм древнегреческих философов состоит, по мысли Э. Ильенкова, в том, что они «предложили миру *определенное понимание отношения мышления к внешнему миру*, определенное (и именно материалистическое) решение основного вопроса философии, поняли мышление как способность человека сознательно строить свои действия в согласии с законами и формами внешнего мира, а не сообразно заветам пророков, изречениям оракула и его толкователей» [1; 67].

2. На промежуточной стадии философия развивается, с одной стороны, по пути преодоления элементов религиозно-мифологического мировоззрения в себе самой, с другой стороны, по пути разработки системы понятийного мышления, на одних этапах ослабевая по отношению к религиозно-мифологическому мировоззрению, а на других усиливаясь. В качестве философии

в собственном смысле этого слова выступают именно те направления, в которых представлена тенденция к последовательному решению встающих перед философией задач и к преодолению влияния внутри самой философии религиозно-мифологического мировоззрения. В качестве «плохой» выступают те направления в философии, которые допускают отступления от уже достигнутого самой философией в направлении последовательного материализма, в направлении диалектики. Применительно к общественной жизни в целом религиозно-мифологическое мировоззрение продолжает сохранять господствующие позиции. В то же время направление развития религиозно-мифологического мировоззрения, обусловленное, безусловно, в первую очередь социальными причинами, идет «от иллюзий большего порядка к иллюзиям меньшего порядка» в значительной мере под влиянием именно философии.

3. На третьем этапе само философско-теоретическое мировоззрение, утвердившись окончательно и бесповоротно на позициях сознательного материализма и сознательной диалектики, приобретает статус последовательно научного мировоззрения, и начинает играть ведущую и определяющую роль.

Научно-теоретическое мировоззрение впервые оказывается представлено системой развитых наук о природе и обществе, с одной стороны, и диалектикой как наукой о мышлении, с другой. При этом не только философия будет представлена сознательным материализмом и сознательной диалектикой, но сам диалектический метод будет грамотно освоен и представлен как в научно-теоретической, так и в общественно-политической деятельности. Религиозно-мифологическое мировоззрение (и обслуживающая его философия) продолжат еще некоторое время влечь жалкое существование, будучи представлено во вторичных, преходящих, подчиненных по отношению к научно-теоретическому мировоззрению формах. На этом уровне развития не нужно будет выдумывать связи из головы и, следовательно, исчезнет общественная потребность в различных вариантах спекулятивной философии, которая в наше время представлена многообразными концепциями буржуазной философии. Именно эту ситуацию имел в виду Ф. Энгельс, когда отмечал в работе «Развитие социализма от утопии к науке»: «...тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и о его законах — формальная логика и диалектика». Все остальное входит в положительную науку о природе и истории» [5, с. 207].

В свое время Мераб Мамардашвили говорил как об одной из главных бед общественной жизни Советского Союза — о «мыслительной неграмотности целой страны». При этом особую ответственность он возлагал на представителей интеллигенции. **«Если из уст профессионала, то есть человека, освобожденного от тяжелого физического труда, ни на что на другое не оставляющих сил, человека, представленного к инструментам культуры, мы слышим; «я этого не хотел...», то я могу сказать: Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно»** [2]. К сожалению приходится констатировать, что за прошедшие 20—30 лет ситуация в сфере культуры мышления как в России, так и на Украине не изменилась в лучшую сторону, В то же время диалектика Маркса как учение о мышлении и как метод познания является и в наше время сердцевинной современной философии как единственно заслуживающей этого названия, а наиболее глубоко, полно и одновременно доступно она представлена именно в работах Эвальда Васильевича Ильенкова.

Одной из определяющих причин невнимания и неуважения к проблемам научно-теоретического мировоззрения является факт господства в наше время религиозно-мифологического мировоззрения в осовремененных его проявлениях, обусловленный кризисным состоянием наличного этапа общецивилизационного развития.

И эта проблема нуждается в обстоятельном осмыслении и изучении в условиях обстоятельного и всестороннего дискурса.

Список литературы:

1. Ильенков Э.В. Античная философия как форма мысли. / Философия и культура. М.: 1991, с. 56—100.
2. Мамардашвили М.К. Дьявол и грает нами, когда мы не мыслим точно. <http://www.philosophy.ru/library/mmk/tochno.html>
3. Панарин А.С. «Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств». (Вопросы философии № 6, 2003).
4. Симонов Константин. Вступая в Год Дракона. Комментарии директора Фонда национальной энергетической безопасности. <http://actualcomment.ru/theme/2155/>
5. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 19

НАРОДНИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАЗАНИ.

Цырина Татьяна Валерьевна

*канд. ист. наук, доцент, Таганрогский филиал Московского социально-гуманитарного института
E-mail: tvс71@mail.ru*

Казанский народнический кружок возник позже других народнических организаций, принимавших участие в «хождении в народ», но во многом повторил их путь. Он действовал одновременно с «Землёй и волей», разделял её программу и применял те же методы революционной деятельности, но организационно не был связан с ней, хотя лидеры «Земли и воли» знали о его существовании. Следовательно, в 70-х гг. XIX в. различные народнические организации независимо друг от друга приходили к одним и тем же выводам и избирали одинаковую тактику. Это свидетельствует о существовании общих закономерностей развития народнического движения. Изучение казанской народнической организации помогает понять эти закономерности. После раскола «Земли и воли» большинство членов казанского народнического кружка присоединились к «Чёрному переделу», однако в Казани действовала и народовольческая организация. Их изучение помогает правильно понять отношения «Народной воли» и «Чёрного передела». Казанские народники принадлежали к пропагандистскому течению, были последователями П.Л. Лаврова. Это противоречит распространённому мнению, что в «Чёрный передел» входили исключительно бунтари, последователи М.А. Бакунина. Данное мнение опровергал Н.Л. Сергиевский [3, с. 7—50]. Казанская организация «Чёрного передела» была одной из немногих, сохранившихся после 1881 г. В 1882—1885 гг. лидерами казанской народнической организации были М.Д. Фокин и Д.Д. Бекарюков, организаторы тайного общества «заговорщиков» — одной из народовольческих организаций второй половины 80—90-х гг. XIX в. Это была не столько действующая организация, сколько своеобразная революционная школа, созданная с целью подготовки руководителей будущей всероссийской народной революционной организации. Возможно, идея создания такой организации возникла у М.Д. Фокина и Д.Д. Бекарюкова именно в Казани. С казанским народническим кружком был связан В.С. Осипанов — член «Террористической фракции партии Народной воли», активный участник подготовки покушения на Александра III. В конце 1887 — начале 1888 г. в Казани был издан сборник

«Социальный вопрос», сыгравший заметную роль в идейной эволюции народничества. Таким образом, казанская народническая организация оказала определённое влияние на развитие всероссийского революционного движения. Её изучение помогает понять его внутренние закономерности и динамику его развития. Деятельность казанской организации «Чёрного передела» освещается в обобщающих трудах Н.Л. Сергиевского и В.А. Твардовской по истории революционного народничества [3, с. 34—41; 5]. Однако специального исследования, посвящённого казанским народникам, в отечественной историографии пока нет. Основными источниками по истории казанской народнической организации являются воспоминания её лидеров: Е.Ф. Печоркина, Ю.О. Бородина, М.Е. Березина, Л.П. Лойко (Квашниной) [1; 2].

Казанский народнический кружок возник в 1875 г. В него входили студенты Казанского университета: Е.Ф. Печоркин, В.Х. Тюшев, братья Тимофеевы, П.А. Голубев, С.П. Мышкин, Иванов, Н.А. Бухалов, Ф.Г. Багаев, С. Акципетров, Орлов, Теселкин, Началов, К.И. Шидловский, А.Ф. Тодорский, С.А. Урениус [2, с. 113—114]. В конце 1876 г. к ним присоединились курсистки высших женских курсов при Казанском университете: Л.П. Квашнина, С.П. Вершинина, сёстры М.С. и Е.С. Соколовы, М.Г. Лучинина, учительницы Л.В. Лукина и Ардышева, телеграфистка Л.Я. Криваксина [1, с. 114; 3, с. 26]. Первоначально это был кружок самообразования. Его участники читали произведения А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, Н.К. Михайловского, «Политическую экономию» Дж.-С. Милля с примечаниями Н.Г. Чернышевского, «Сущность социализма» Шефле с примечаниями П.Л. Лаврова, «Капитал» К. Маркса, журналы «Колокол» и «Вперёд». Библиотека кружка хранилась у акушерки П.Ф. Веселовой [1, с. 114; 3, с. 27—31]. Целью организации была подготовка народной революции путём социалистической пропаганды среди учащейся молодёжи, интеллигенции, крестьян и рабочих [1, с. 114]. Следовательно, казанские народники принадлежали к пропагандистскому направлению. По словам Л.П. Квашниной, наиболее заметное влияние на их мировоззрение оказали «Исторические письма» П.Л. Лаврова и его программные статьи в журнале «Вперёд»: «Преимущественно на статьях Лаврова, особенно на программных, выковывались наши социально-политические идеалы и взгляды, и методы проведения их в жизнь» [3, с. 27]. Своей ближайшей задачей члены кружка считали подготовку к пропаганде среди крестьян. Они изучали не только социалистическую литературу, но и различные ремёсла и сельские

работы, так как считали, что это поможет им заслужить уважение и доверие крестьян. Большое значение придавалось нравственному самосовершенствованию: «Для самоусовершенствования как в умственном, так и в нравственном отношении в кружках была развита взаимопомощь. Члены кружков специально собирались для совместного чтения и обсуждения прочитанного. А для нравственного усовершенствования они на своих собраниях откровенно обсуждали и расценивали поведение товарищей» [1, с. 115]. Казанские народники организовывали студенческие и ученические кружки самообразования и распространяли революционную литературу: журналы «Колокол», «Вперёд», «Набат», «Начало», «Земля и воля», книгу М.А. Бакунина «Государственность и анархия», брошюры «На другой день после революции», «Кому принадлежит будущее», «Хитрая механика», «Сказка о копейке», «Что-то, братцы» [1, с. 115]. Л.П. Квашнина преподавала историю в женской гимназии и организовала революционный кружок, в который входили ученицы старших классов [3, с. 32]. Целью пропаганды среди учащейся молодёжи была подготовка будущих руководителей народной революции. Своей основной задачей казанские народники считали революционную пропаганду среди рабочих и крестьян. Они установили связь с рабочими кожевенного завода Алафузова. По их совету рабочие объявили забастовку и добились от хозяина уступок [1, с. 117; 3, с. 32]. Е.Ф. Печоркин составил анкету для изучения социально-политических взглядов крестьян [1, с. 115]. Казанский кружок действовал самостоятельно, но землевольцы знали о нём. Летом 1879 г. казанские народники предприняли попытку пропаганды среди крестьян и изучения их быта, экономических интересов и политических взглядов. Л.П. Квашнина (Лойко) объясняла это стремлением получить достоверные сведения о жизни крестьян, чтобы обеспечить успех пропаганды, а значит, и революции: «Как истые «землевольцы» и «лавросты», мы считали необходимым, в первую очередь, уяснить себе «стремления и идеалы народных масс», чтоб, базируясь на них, вести, пропаганду, уяснить не из книжек (не только из книжек), а путём непосредственного наблюдения над жизнью крестьянства» [3, с. 34]. Л.П. Квашнина и М.С. Рубцова поселились в селе Лабышки в Свияжском уезде, на правом берегу Волги. Л.П. Квашнина учила крестьянских детей грамоте, оказывала крестьянам первую медицинскую помощь, помогала им в сельских работах, а в свободное время рассказывала об истории крепостного права, о С.Т. Разине и Е.И. Пугачёве, читала поэму Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», «Сказку о четырёх братьях»

Л.А. Тихомирова, сочинения Н.И. Костомарова и Д.Л. Мордовцева, рассказывала о государственном бюджете и разъясняла циркуляр министра внутренних дел Л.С. Макова, опровергавший распространённые среди крестьян слухи о скором переделе земли и подтверждавший неприкосновенность помещичьей собственности на землю. Крестьяне ждали «чёрного передела» земли, поэтому циркуляр Л.С. Макова особенно возмутил их. Л.П. Квашнина и М.С. Рубцова вели пропаганду не только в Лабышках, но и в соседних сёлах. В сентябре 1879 г. они были арестованы по доносу местного урядника. С.П. Вершинина и М.С. Рубцова были в административном порядке сосланы в Вятскую губернию, Л.П. Квашнина — в Тобольскую [1, с. 117; 3, с. 34—46]. Попытка Е.Ф. Печоркина и В.Х. Тюшева вести пропаганду среди крестьян окончилась неудачей. Крестьяне хотели арестовать их и выдать полиции [1, с. 116]. Это был редкий, если не единственный случай. Распространённое мнение, что большинство крестьян относились к революционерам враждебно и сами выдавали их полиции, не подтверждается источниками.

После раскола «Земли и воли» большинство членов казанской народнической организации присоединились к «Чёрному переделу». В 1880 г. в Казань приехал агент Исполнительного комитета В.А. Жебунев. Он создал казанскую организацию «Народной воли». В неё вошли М.П. Четвергова, А.Ф. Печоркин, С.П. Мышкин, Н.М. Афанасьев, Семёнов и Яковлев. Народовольцы и чернопередельцы работали совместно. Так, чернопеределец А.А. Тимофеев заведовал городской публичной библиотекой. Затем его сменил народоволец Н.М. Афанасьев. Библиотека служила явкой для обеих организаций. Через неё распространялась нелегальная литература. Народовольцы и чернопередельцы участвовали в студенческих собраниях, вели пропаганду среди учащихся учительских семинарий и земледельческого училища [1, с. 115—116]. Они понимали необходимость борьбы против самодержавия, за политическую свободу и в тоже время сознавали невозможность победы революции без участия народа. По словам Л.П. Лойко-Квашниной, «всех объединяло сознание необходимости борьбы с самодержавием, притом опираясь на массы. Отсюда — их революционная деятельность среди рабочих казанских фабрик, их укрепившаяся связь с деревней» [3, с. 57]. Е.Ф. Печоркин и С.П. Вершинина вели пропаганду в селе Ключищи Свяжского уезда. Крестьянин этого села И.Т. Кучеев распространял нелегальную литературу среди своих односельчан. Крестьяне избрали его гласным в уездное земское собрание [1, с. 118].

В 1882 г. во всех университетских городах России происходили студенческие волнения. Они были вызваны нарушением прав студентов. Наиболее активные участники этих выступлений были отчислены из высших учебных заведений. Осенью 1882 г. в Казань приехали И.П. Чарушников, Чеботарёв, М.Д. Фокин, Д.Д. Бекарюков [1, с. 120]. В ноябре 1882 г. в Казань вернулась Л.П. Квашнина (Лойко) [3, с. 57]. С их приездом революционное движение в Казани заметно усилилось. И.П. Чарушников сблизился со студентами Казанского университета Ю.О. Бородиным и В.С. Осипановым. В Казани образовался союз объединённых землячеств. Каждое землячество имело кассу и библиотеку. В 1883—1892 гг. в университете, в учительском и ветеринарном институтах, в духовной академии возникли кружки самообразования. Такие же кружки были организованы в средних учебных заведениях. В них входили не только ученики старших классов, но и учителя. М.Д. Фокин организовал кружок, в который вошли четыре студента университета, два студента духовной академии и один гимназист. П.А. Голубев составил список литературы для студенческих и ученических кружков. В 1883—1884 гг. по инициативе М.Д. Фокина руководители кружков объединились в одну организацию. М.Д. Фокин поставил перед ними задачу создания кружков учащейся молодёжи и интеллигенции с целью подготовки пропагандистов в крестьянской среде. В центральный кружок вошли студенты М.Д. Фокин, Д.Д. Бекарюков, М.Е. Березин, П.Ф. Кудрявцев, С.Н. Миловский, Н.И. Дрягин, А.В. Нечаев, Е.В. Барамзин, Н.П. Василевский, С.Н. Сперанский, П.А. Заворохин, надзиратель духовного училища Карадульский, офицеры М.П. Федотов и М.П. Копытовский. Лидером организации был М.Д. Фокин, после его отъезда в Киев его сменил Д.Д. Бекарюков. Участники кружков изучали историю европейского революционного движения, политическую экономию, программы революционных организаций. Некоторые члены центрального кружка вели пропаганду среди рабочих. Центральный кружок установил связь с офицерами. Лидерами офицерского кружка были М.П. Федотов, Александров и М.П. Копытовский. М.П. Федотов и М.П. Копытовский были его представителями в центральном кружке [1, с. 120—123]. Казанские революционные кружки послужили прообразом тайного общества «заговорщиков», созданного М.Д. Фокиным и Д.Д. Бекарюковым. В этот период казанская народническая организация не имела определённой программы. В неё входили и народовольцы, и чернопередельцы. Так, М.Д. Фокин был народовольцем, Д.Д. Бекарюков — чернопередельцем. Е.Ф. Печоркин,

С.П. Вершинина (Печоркина), И.П. Чарушников, Н.А. Бухалов и М.В. Смоленская печатали на гектографе брошюры Я.В. Стефановича «Наши задачи», А.Н. Баха «Царь-голод», биографии А.И. Желябова и С.Л. Перовской. Они сосредоточили внимание не на том, что разделяло «Народную волю» и «Чёрный передел», а на том, что объединяло их. Об этом свидетельствует прокламация «Слово к русскому народу», написанная Е.Ф. Печоркиным и изданная осенью 1883 г. [5, с. 52—53]. Л.П. Квашнина (Лойко) объясняла это разочарованием революционеров в терроре и нерешённостью вопроса о перспективах развития капитализма в России: «... мы не имели определённой программы, но единодушно били в царизм, в безземелье и малоземелье, в эксплуатацию рабочих и крестьян. Отсутствие программы — признак распутия, на каком оказались все революционные группировки после крушения надежд, возлагавшихся на террор. Но всё живое, более последовательное, не впадало в уныние, не поддавалось наступившей общественной и политической реакции, а искало новых путей, прислушиваясь к жизни, производя переоценку старых методов борьбы. Сама жизнь ставила основной вопрос — быть ли у нас господству капитализма, вопрос, без разрешения которого не могло быть и речи об определённости революционного пути» [3, с. 58—59]. Её мнение о разочаровании революционеров в терроре противоречит фактам. 18 марта 1882 г. С.Н. Халтурин и Н.А. Желваков убили прокурора В.С. Стрельникова. 16 декабря 1883 г. В.П. Конашевич и Н.П. Стародворский убили жандармского полковника Г.П. Судейкина. В 1884 г. народовольцы готовили покушение на министра внутренних дел Д.А. Толстого. В 1887 г. «Террористическая фракция партии Народной воли» готовила покушение на Александра III. Активным членом этой организации и участником покушения на царя был В.С. Осипанов. Е.Ф. Печоркин одобрил убийство Александра II [5, с. 52]. Мнение Л.П. Квашниной (Лойко) о нерешённости вопроса об исторической перспективе капитализма в России можно признать справедливым. Это объяснялось объективными причинами. В 80-х гг. промышленный переворот в России только завершался, после крестьянской реформы сохранялись феодальные пережитки. Этим проблемам был посвящён сборник «Социальный вопрос», изданный казанской организацией «Чёрного передела» в конце 1887 — начале 1888 г. Целью его издания было согласование теоретических положений марксизма с русской действительностью и, прежде всего, с экономическими интересами крестьянства. «Они так и ставили вопрос — какое положение занимает научный социализм по отношению к насущным интересам

крестьянства» [1, с. 125]. Редактором сборника был И.П. Чарушников. В 1887 г. он предложил организовать подпольную типографию. В состав типографской группы вошли И.П. Чарушников, Е.Ф. Печоркин, С.П. Вершинина (Печоркина), М.В. Смоленская, Е.В. Филадельфова, В.Н. Перцов, А.Л. Леонов, Ю.О. Бородин, Л.Н. Алексеева, В.Н. Левицкий, Э.И. Гауэнштейн. К.И. Шидловский дал деньги на типографию. Помощник присяжного поверенного Дьячков приобрёл в Нижнем Новгороде шрифт. Е.Ф. Печоркин и М.А. Ромась привезли его в Казань. Сначала типография находилась в квартире студента ветеринарного института В.Н. Левицкого, затем для неё купили дом. Хозяйкой была А.Н. Иванова. Работали в типографии Е.В. Филадельфова, В.Н. Перцов, В.Н. Левицкий, А.Л. Леонов, Ю.О. Бородин, Э.И. Гауэнштейн. Связь с типографией поддерживал И.П. Чарушников. В сборник «Социальный вопрос» вошли статьи Н.Ф. Анненского «Социализм и народничество», В.Г. Короленко «Очерк развития социально-революционного движения в России — 40 и 60-е годы», П.Б. Аксельрода «Переходный момент». К весне 1888 г. было напечатано не менее 200 экземпляров сборника. В мае 1888 г. М.В. Смоленская привезла 50 экземпляров в Харьков Д.Д. Бекарюкову. Зимой 1888 г. Э.И. Гауэнштейн привёз 50 экземпляров в Москву А.П. Чарушникову, брату И.П. Чарушникова. Тогда же И.П. Чарушников побывал в Нижнем Новгороде, Москве и Петербурге, чтобы узнать, какое впечатление произвёл сборник в революционной среде, и собрать материал для следующего выпуска. В начале 1889 г. И.П. Чарушников вернулся в Казань. Члены кружка так и не пришли к единому мнению по проблемам, которым был посвящён сборник «Социальный вопрос». Собрать материал для следующего выпуска не удалось. Поэтому осенью 1889 г. они приняли решение о самороспуске и о ликвидации типографии [1, с. 124—130]. Однако студенческие и ученические кружки, организованные М.Д. Фокиным и Д.Д. Бекарюковым, действовали до 1892 г. Продолжала свою деятельность казанская народовольческая организация. В сентябре 1889 г. по инициативе М.В. Сабунаева в Казани состоялся съезд народовольцев, положивший начало попытке восстановления «Народной воли» как единой всероссийской организации [2, л. 19—20]. Это попытка не увенчалась успехом только в силу случайных обстоятельств: доноса провокатора А.М. Геккельмана и предательства Б. Гроссмана и Н.К. Истоминой.

Таким образом, в деятельности казанской народнической организации и возникших на её основе местных организаций «Народной воли» и «Чёрного передела» проявились общие

закономерности развития революционного народничества, и отразилась вся его история. До 1880 г. казанская народническая организация не была связана с петербургскими, но в своём развитии прошла те же этапы. Казанские народники, так же, как и петербургские, начали свою деятельность с пропаганды и организационной работы среди интеллигенции и учащейся молодёжи, затем перешли к пропаганде среди рабочих и крестьян. Казанская народническая организация не входила в состав «Земли и воли», но разделяла её программу. После раскола «Земли и воли» на основе казанского народнического кружка возникли местные организации «Народной воли» и «Чёрного передела». Большинство казанских народников присоединились к «Чёрному переделу». В этом заключалось единственное отличие Казани от других революционных центров. В других городах влияние «Народной воли» было преобладающим. Отношения между народовольцами и чернопередельцами были дружескими. Основным направлением деятельности казанских народников была пропаганда в форме кружков самообразования и распространения революционной литературы. Это также было характерно для местных организаций «Народной воли» и «Чёрного передела». Казанские народовольцы приняли участие в попытке М.В. Сабунаева восстановить «Народную волю». Сборник «Социальный вопрос» свидетельствует о том, что казанские чернопередельцы, так же, как и петербургские, постепенно переходили на марксистские позиции. Следовательно, народническое движение изначально было общероссийским и в разных частях страны развивалось по одним и тем же законам.

Список литературы:

1. Березин М.Е., Бородин Ю.О., Печоркин Е.Ф., Гауэнштейн Э.И., Гауэнштейн М.В. Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани. // Каторга и ссылка. 1930. № 10. С. 113—130.
2. ГАРО, ф. 829 «Донское жандармское управление», оп. 2, д. 5
3. Лойко Л.П. От «Земли и воли» к ВКП (б). М. — Л.: ГИЗ, 1929. 248 с.
4. Сергиевский Н.Л. «Чёрный передел» и народники 80-х годов. // Каторга и ссылка. 1931. № 1. С. 7—50.
5. Слово к русскому народу. // Каторга и ссылка. 1931. № 1. С. 52—53.
6. Твардовская В.А. Революционное подполье. // Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов. М.: Издательство АН СССР, 1983. С. 246—310.

3.2. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В БРАКЕ И «ГРАЖДАНСКОМ БРАКЕ»

Смирнова Наталья Николаевна

*аспирантка ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный
радиотехнический университет», г. Рязань
E-mail: natasha-mir@mail.ru*

Становление новых форм семейного бытия человека, обострение демографического кризиса, расширение масштабов социально негативного поведения людей настоятельно требуют исследования семьи как особой формы бытия человека, в особенности «молодой семьи» — как одного из индикаторов состояния вышеназванного института в целом.

В обществе любого типа практически каждый его член воспитывается в семье, и в любом обществе подавляющее большинство взрослых состоит, или состояло, в браке. Брак относится к числу социальных институтов, получивших очень широкое распространение, хотя в разных культурах формы брака и семьи (равно как и другие стороны общественной жизни) различаются весьма существенно.

Итак, брак — это исторически изменяющаяся социальная форма отношений между мужчиной и женщиной, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и устанавливает их супружеские и родительские права и обязанности. Существовавшие с давних времен моральные нормы брачных отношений дополняются религиозными и юридическими установлениями, при помощи которых государство и общество защищают брак и карают нарушителей установлений.

Состояние в фактических брачных отношениях, так называемый «гражданский брак», не имеет правового значения в современной России, так как он не содержит прав и обязанностей, которые предполагает официальный брак, хотя с точки зрения отношений друг к другу, своим детям, в глазах знакомых и родственников соответствует понятиям «семья», «супружество». Также стоит учесть, что в нашей стране не узаконены и альтернативные формы брака;

по этой причине и существуют гражданские браки как свободное сожителство мужчины и женщины.

Однако в России, по словам замдиректора Института демографии Высшей школы экономики Сергея Захарова, в гражданском браке проживают около половины всех пар. Более того, доля таких союзов особенно возросла в последние годы. К этому стоит также добавить, что за последние 20 лет понизилось и общее количество совершеннолетних людей, состоявших когда-либо в браке, с 65,3 до 57,2 % [1].

В Европе количество гражданских браков уже превышает количество официальных. Например, в Эстонии, Швеции и Франции в гражданском браке живут не менее 60 % пар. В России схожая ситуация наблюдается только среди молодежи, где почти половина пар в возрасте 18—24 лет проживают совместно без регистрации.

Демократия, свобода в выборе спутника жизни позволили увеличить степень общественного принятия интимных отношений между людьми, не состоящими в зарегистрированном браке, чем и обуславливается увеличение численности подобных союзов. Возросла требовательность к мужчине со стороны женщины, и к женщине со стороны мужчины. Однако зачастую и те, и другие оказываются к этому не готовы. Путь поиска компромисса, тщательное и долгое налаживание связей, выстраивание отношений слишком обременительны для современного человека, принадлежащего обществу потребления. Этот путь заменился на другой. Путь постоянного и тотального поиска уже готового, устраивающего всех, варианта. В результате большую часть жизни люди проводят в переборе партнеров, иногда это заканчивается ничем и к старости они остаются одиноки.

В контексте современных крайне противоречивых трансформационных процессов социального бытия очевидным становится влияние на семью таких характерных тенденций современности, как индивидуалистические ориентации в обществе, многовариантность свободного субъективного выбора, социокультурный плюрализм и другие, которые определяют характер нынешних тенденций развития института семьи и отношений семьи и общества. Семья как в зеркале отражает все проблемы и векторы развития общества.

По мнению В.П. Шахматова, брак и семья существуют лишь тогда, когда оба супруга признают себя состоящими в браке и осознают себя членами одной семьи [3, с. 34].

С целью изучения состояния молодой семьи в современном обществе в 2011—2012 гг. было проведено исследование методом

анкетирования. В ходе работы было опрошено 255 человек в возрасте до 30 лет, проживающих на территории Рязанской и Московской областей (г. Рязань и г. Коломна) и состоящих в браке или «гражданском браке», среди которых 151 респондент (59 %) женского пола, 104 (41 %) — мужского.

В исследовании в целях создания целостной картины действительности учитывалось мнение респондентов, состоящих в «гражданском браке» (22 % от числа всех опрошенных). Несмотря на то, что к молодой семье относятся пары в зарегистрированном браке, число незарегистрированных союзов постоянно растет не только в России, но и во всем мире. В настоящее время около 22,4 % совместно проживающих пар в возрасте 18—30 лет не состоят в браке, и это только данные официальной статистики.

Результаты анкетирования показали, что увеличивается доля браков, регистрация которых откладывается на какое-то время после фактического начала совместной жизни, и удлиняется интервал между созданием семьи и регистрацией брака. Если у тех, кто вступил в первый брак до 1990 года, он в среднем составлял меньше года, то у современной молодежи он составляет в большей части более двух лет: более половины опрошенных имеют опыт совместной жизни до брака, у 21,6 % он составляет менее года, у 16,5 % — 1—2 года, у 11,4 % 2—3 года, у 10 % — 3 и более лет [2].

В данной статье на примере данных проведенного исследования будут рассмотрены в основном причины, по которым люди сожительствуют друг с другом, так как в отношении официально зарегистрированного союза права и обязанности супругов закреплены и все достаточно прозрачно.

Вообще всех тех людей, кто подходит к определению «молодой семьи», за исключением отсутствия штампов в паспорте, то есть считающих себя в «гражданском браке», можно, на мой взгляд, условно разделить на две категории: те, кто в будущем все-таки собираются зарегистрировать свои отношения, и те, у кого это в планы вовсе не входит.

Данный вывод подтверждается сведениями, полученными в ходе исследования: половина респондентов, состоящих в «гражданском браке», собираются зарегистрировать свои отношения в течение 1—2 лет, другая половина либо вовсе не собирается этого делать, либо ответила «да, правда, не скоро».

Среди причин, по которым молодежь не вступает в брак, в первую очередь можно выделить материальные. Современный человек эпохи постмодерна — человек общества потребления,

и достижение как можно большего количества благ — если не цель, то одно из условий, которое диктует окружающая действительность. Приобретение дома, квартиры, машины, получение высокооплачиваемой работы, способность содержать семью и т. д. — необходимые критерии образа успешного человека, тот идеал, к которому стремится молодежь, прежде чем создать собственную семью. Вопрос времени для достижения этих благ — самый главный с этой точки зрения, так как это может занять годы, и человек вовсе не сможет создать семью, так и меняя сожителей, либо вовсе без партнера. Впоследствии многие люди прибегают к помощи с каждым годом возрастающего количества сайтов знакомств, клубов, агентств.

Следующая причина — «узнать друг друга поближе», «проверка отношений». Такие пары образовались как раз вследствие либерализации общественных отношений, они действительно в дальнейшем либо регистрируют свой брак, либо разойдутся.

В третью очередь респонденты, ответившие «неготовность оформить отношения», «отсутствие уверенности». Здесь важно отметить, что большинство людей, решивших жить вместе, делают это осознанно, как и при вступлении в брак, однако никто не возьмется предсказать, надолго ли заключается этот союз, всем хочется думать, что да, однако данные статистики разводов говорят обратное. В этом контексте раскрывается другая новая составляющая современного человека — непостоянность. Как мир, который непрерывно меняется с огромной скоростью, так и современный человек, особенно в крупных городах, стремится жить в том же темпе. С другой стороны этот темп жизни влечет за собой неуверенность в завтрашнем дне, своих решениях, партнере, человеку становится очень сложно сделать выбор, учитывая и то, что окружающий мир таит в себе не только непостоянность, но и много возможностей, в том числе при выборе партнера.

Еще одной причиной является «отсутствие необходимости в оформлении отношений», «отсутствие необходимости штампа в паспорте, и так все устраивает». Данные ответы, на мой взгляд, как раз и свидетельствуют о том, что происходит трансформация брака как такового. Он уже не является главной основой совместной жизни. Те законодательно закрепленные права и обязанности супругов уже не играют существенную роль в регулировании отношений мужчины и женщины как ранее. Приоритет получают личные чувства партнеров, гармония отношений, доверие друг к другу. С другой стороны люди потеряли уверенность в том, что государство в состоянии поддерживать семью. На вопрос «Перечислите, в чем, на Ваш взгляд,

заключается роль государства в создании семьи?» значительное число респондентов ответили, что «ни в чем».

Изменяются формы семейного уклада, происходит трансформация гендерных ролей, разграничение сфер родительства и супружества.

Последствием сложившейся ситуации стало изменение положения детей, ценность которых возросла из-за снижения рождаемости и стала определяться психологическими и эмоциональными потребностями партеров.

Все вышеназванные в статье обстоятельства подтверждают тот факт, что современная семья претерпевает значительные изменения, диктуемые внешними и внутренними причинами. Значительную роль в выяснении причин последствий происходящих событий играет молодая семья как один из важнейших показателей стабильности института семьи в целом.

Список литературы:

1. Гражданский брак — современные тенденции// Секреты жизни, научно-популярный журнал о жизни [Электронный ресурс] — Режим доступа. URL: <http://lifesecrets.in.ua/ru/family/civil-marriage/83-civil-marriage-modern-trends.html>
2. Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость». [Электронный ресурс] — Режим доступа. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm
3. Шахматов В.П. Молодая семья: жизнеспособность, демография, право / В.П. Шахматов. Красноярск: Кн. изд-во, 2006.

3.3. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ЯЗЫКОВЫЕ СТРУКТУРЫ, СОЗНАНИЕ И ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Барановская Оксана Борисовна

*старший преподаватель кафедры английского языка
для гуманитарных факультетов философского факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, г. Москва*

Полянская Екатерина Борисовна

*аспирантка второго года обучения кафедры истории зарубежной
философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
г. Москва*

E-mail: strikebrand@yandex.ru

Основным вопросом исследования является следующий: почему одно и то же мысленное содержание получает различную реализацию в языковых структурах английского и русского языков, в частности, почему в грамматической структуре английского предложения используются многочисленные конструкции, не имеющие аналогов в русском языке (например, при образовании английских времен и построении вопросительного предложения).

В основе поставленного вопроса находится более глубокая философская проблема, о соотношении частных и публичных данностей сознания. Частные ментальные данности представляют собой содержание индивидуального сознания каждого человека, известное только ему самому, к примеру, воспоминания или мысли в целом. Под публичными данностями будем понимать два типа объектов: во-первых, то, что в широком смысле принято называть «объективной реальностью», во-вторых, частные ментальные данности, которые получили языковое выражение и стали известны кому-либо еще, кроме носителя сознания. Публичные данности, понимаемые именно в последнем смысле, будут интересовать нас в рамках данного исследования.

Итак, соотношение языка и мышления невозможно рассматривать только в рамках их замкнутого дуалистического соотношения, поскольку мышление протекает в преимуществе своем в виде образов и символов, получая языковое выражение только

в момент освещения частных ментальных данностей в свете их становления публичной реальностью. В качестве доказательства данной мысли можно упомянуть труд профессора Гарвардского Университета С. Пинкера «Язык как инстинкт», автор которого в результате многолетних исследований пришел к выводу о существовании единого мыслекода, на котором думают представители абсолютно всех национальных общностей, независимо от грамматических и семантических различий в используемых ими языках. В качестве эмпирического базиса данной гипотезы также может служить уверенность многих крупнейших ученых-естественников в том, что их мышление является пространственным, а не языковым. М. Фарадей, И. Ньютон, Н. Тесла, А. Эйнштейн и многие другие неоднократно заявляли, что содержание их сознания протекает в виде образов, которые впоследствии получают логически строгое языковое и математически точное выражение.

Таким образом, язык мы будем рассматривать как некий грамматически выраженный код нашего сознания, занимающий пограничное положение между частными и публичными данностями. Очевидно, что наше мышление во много раз обширнее того языкового содержания, в которое мы его облакаем. К примеру, когда человек рассказывает о каком-то воспоминании, в его частной данности пронесется огромное число различных ментальных картин: от воспоминаний о незначительных деталях окружающей обстановки в прошлом, связанных с предметом рассказа, до различных ассоциативных связей. В результате весь этот ментальный «хаос» может быть выражен лишь одним предложением, которое в прошедшем времени русского языка будет выглядеть, к примеру, как предложение: «Я прочитал книгу вчера до того, как он пришел», а в нескольких формах предпрошедшего времени английского языка данное предложение будет иметь следующий вид: «I had read a book before he came». Аналогичную структуру можно увидеть также в настоящем и будущем временах.

Из данных примеров можно сделать следующие выводы.

Во-первых, английский язык более сильно «привязан» к реальности, в отличие от русского, поскольку грамматическая структура английского предложения более конкретизирует частные данности и тем самым более четко и в то же время более жестко соотносит их с реальностью, то есть с публичными данностями сознания. С одной стороны, в русском языке в предложении «Я играю в шахматы» без наречия времени или контекста невозможно определить, когда происходит действие: я играю в шахматы сейчас,

каждый день или на протяжении 20 лет. Так как в русский глагол не меняет свою форму в отличие от английского, где три разных временных структуры даже без обстоятельства времени ясно показывает, когда происходит действие. Сравним: “I play chess every day” (Present Indefinite), “I’m playing chess now” (Present Continues), “I have been playing chess for 20 years” (Present Perfect Continues). С другой стороны, английский язык во многом ограничивает «перевод» приватных данностей сознания в публичные, поскольку необходимость обозначать ментальные образы в четко регламентированной временной структурой языка порядке определяет то, что Л. Витгенштейн называл «ограничением индивидуального мира».

Во-вторых, наличие в английском языке вспомогательных слов при образовании времени как грамматической категории, а также большинства вопросов свидетельствует о том, что в данном языке правила «языковых игр» (термин впервые использован Л. Витгенштейном) требуют гораздо более четкого соблюдения, чем в русском. Под «языковыми играми» в общем смысле будем понимать использование языка, «правила» в данном случае есть употребление слов в определенном контексте, а также грамматическая структура языка. Правила «языковых игр», по мнению авторов, важны не столько при переводе приватных данностей в публичные, сколько наоборот. Ведь носитель языка не задумывается над подбором слов при переводе ментальных образов в языковое содержание, а делает это по привычке. Гораздо важнее в данном случае обратный процесс, поскольку структура предложения при поступлении информации извне, то есть из публичных данностей в ментальные (например, при чтении книги, диалоге и любых других источников информации отличающихся от собственных мыслей) определяет возникновение тех образов, которые появляются в сознании человека, получающего какую-либо информацию. К примеру, если в английском языке в предпрошедшем времени нужно сказать “He had packed before he went to the railway station”, употребляя Past Perfect, то в сознании человека возникнут образы действий в определенном порядке, четко определенные временной структурой предложения. То же самое предложение в русском языке может звучать как «Он собрал вещи прежде, чем поехал на станцию» или «Перед тем, как поехать на станцию, он собрал вещи». Оба глагола в данном случае окажутся в одном времени. Таким образом, если контекст предложения не совсем понятен, то в сознании носителя русского языка будут вызваны различные образы, существующие в равноправном альтернативном порядке. Последнее обстоятельство накладывает отпечаток

на менталитет представителей разных языковых сообществ, что выражается в мировосприятии, образе жизни, культурных стереотипах и во многом другом.

Идею, что люди мыслят так, как они говорят, можно неоднократно встретить в научной литературе. Однако научная новизна данного исследования заключается в том, что люди мыслят не столько так, как говорят, сколько именно так, как слышат. Поскольку содержания сознания — приватные данности — не имеют языкового выражения и потому не ограничиваются им. Именно язык как «код публичных данностей» заставляет нас соотносить мышление с реальностью, руководствуясь определенным алгоритмом грамматической языковой структуры.

Рассмотрим это несколько подробнее. Получая какую-либо информацию из публичной реальности, «закодированную» на каком-либо языке, в индивидуальном сознании начинается происходить обратный процесс ее «раскодирования», то есть перевода в образную структуру. Данный процесс у представителей разных языков будет протекать совершенно по-разному в связи с грамматическими особенностями того языка, на котором информация была получена. Стоит также отметить, что данный процесс будет всегда иметь отличительные особенности, поскольку у каждого из нас имеются собственные ассоциативные связи и различное восприятие. Итак, когда в сознании носителя английского языка происходит перевод языковых структур в образы, процесс создания таких ментальных данностей при этом оказывается в огромной зависимости от жестко закрепленных правил языковых структур английского языка. Русскоязычный индивид в этом плане имеет гораздо большие возможности, поскольку отсутствие правил «языковых игр» как таковых позволяет осуществлять процесс «раскодирования» информации в любой последовательности и при различной интерпретации. Несмотря на то, что в русском языке имеется большое число склонений, родов и падежей, требующих обязательного согласования при употреблении языка, это обстоятельство ничем не связывает создание образов в приватных ментальных данностях сознания и потому ничего к ним не добавляет. К примеру, если просклонять какое-либо слово или словосочетание в различных падежах, вызываемые при этом образы, отсылающие к значению данного слова или словосочетания, никак не изменятся. В этом заключается существенное различие между английским и русским языками, поскольку, несмотря на относительную свободу словообразования первого из них и наличие четких правил в последнем,

структура английского предложения гораздо более жестко определяет порядок возникновения тех образов, которые появляются в нашем сознании, делая его тем самым абсолютно зависимым от норм языка.

После процесса «раскодирования» публичных данностей происходит возникновение образов в частных ментальных данностях. Именно на этом этапе структура языка, на котором была получена информация, становится особенно важной. Как было сказано выше, грамматическая структура задает порядок и интерпретацию языковой информации в образную, что в дальнейшем вызывает «цепную реакцию» создания образов в сознании человека по аналогии со структурой языка. Таким образом, неязыковые частные данности начинают функционировать по правилам «языковых игр» публичной реальности. В данных условиях фактического ограничения сознания языковыми нормами возникновение собственных оригинальных мыслей индивида становится фактически невозможным. По этой причине выдающиеся ученые смогли совершить свои научные открытия только при полном разрыве связи между языковыми структурами и образным мышлением, что позволило сознанию обрести свободу. Обычный человек не способен разорвать эту связь и поставить частные данности выше социальной реальности, скованной языком. В некоторой степени можно утверждать, что на это способны лишь «ненормальные» с точки зрения социума люди. В клинической психиатрии их называют «аутистами», которые воспринимают реальный мир не в языковых понятиях, а в образных грезах, фантазиях и мечтах. При этом аутисты характеризуются также отсутствием потребности в общении с окружающими людьми и слабой оценкой необходимости соблюдения социальных норм. Вместе с тем, среди аутистов гении встречаются в тысячу раз чаще, чем среди «нормальных» людей, что свидетельствует о конкретности и ясности их мышления. В качестве примера выдающихся аутистов можно упомянуть Агату Кристи (научилась писать только в 30 лет), Ван Гога (скончался в сумасшедшем доме), Эйнштейна (до семи лет повторял одни и те же предложения, а затем с большим трудом учился в школе и институте), Ньютона (всегда был либо абсолютно равнодушен ко всему, либо крайне резок, страдал паранойей), Архимеда (ходил по улице совершенно без одежды, не считая ее необходимой), Витгенштейна (у него было низкое желание общаться на равных и слабая оценка социальных норм), Гегеля (обычно читал лекции перед пустым залом, не замечая этого) и многих других. На примере данных ученых мы видим возможность существования образного мышления в отрыве от языковых структур. Учитывая те результаты,

которые были достигнуты вышеперечисленными деятелями, мы можем с высокой степенью уверенности утверждать, что индивидуальное сознание функционирует гораздо более успешно в том случае, если не испытывает на себе ограничений, налагаемых языком.

Таким образом, подводя итог данного исследования, можно заключить, что наличие жесткой взаимной коррелятивной связи между сознанием, языком и реальностью является обязательным при функционировании человека в социуме. Но, вместе с тем, данная связь не является необходимой для существования и успешного функционирования индивидуального сознания каждого из нас.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

Чернухина Марина Анатольевна

аспирант, НГГУ, г. Нижневартовск

E-mail: 691932@mail.ru

Проблемы пространства и времени волновали философов еще в античности. На протяжении многих веков философы находились в плену чувственного восприятия и повседневного использования времени для измерений прошлого, настоящего и будущего, а научное описание проблемы времени и пространства связывалось с понятиями о «Бытии», форме и движении, о которых еще говорил Аристотель.

Античное пространство остается активным, движущимся, неоднородным, однако не имеет еще жесткой сетки доминирующих координат, одинаково во многих направлениях, несмотря на неоднородность его во многих участках и промежутках, на динамично меняющиеся напряжения отдельных участков. Время и пространство не разделены, движущийся космос остается слитным пространственно-временным единством.

Отсутствие доминирующего направления в пространстве определяется из античной концепции гармонического и совершенного шаровидного космоса, замкнутого внутри себя.

Движущееся пространство античности неразрывно связано с проблемой времени в культуре. Временные восприятия также не могут еще определяться связанными с индивидуализированным человеком наборами временных ритмов: их глушит и подчиняет себе

ритм природного процесса, налагающийся на рационалистические построения образа космоса, — ритм, положенный в основу космоса с его круговращением и вечным возвращением к самому себе, то есть циклическое время астрономических и природных процессов, время не утратившего еще до конца своего значения рода.

Эволюция понятия времени в культурном развитии античности получила своим основанием идею вечного становления: уже у Гераклита будущее, приближаясь, становится настоящим, становление настоящего есть его удаление в прошлое [1, с. 211.]. Точечное время «раскручивается» и становится развернутым кругом. От мифов, религиозных представлений и легенд осуществляется переход к рациональному, теоретическому исследованию событий, причем в этом переходе огромную роль сыграло реалистическое мироощущение греков: своеобразии греческой мифологии в ее относительно меньшей степени пронизанности духом мистицизма и спиритуализма по сравнению с китайской или исламской мифологией.

Устойчивый характер отношений между людьми в эпоху античности отражается в общественном сознании той эпохи как представления о роке, судьбе, предопределяющей все события и предписания которой выполняет человек. Понятно, что в такой структуре сознания становится возможным предсказание будущих событий, причем последние представляются жестко детерминированными и фатально неизбежными в силу идеологических предписаний и стереотипов.

Однако, взятые глобально, мировые события невозможно заранее предсказать, ибо они сливаются в вечном круговороте. Такое противоречие показывает сложный характер прогностического сознания и темпоральной культуры античности. В литературе прослеживается, к примеру, формирование античного темпорализма сложнейшей внутренней структуры: трактовка времени как субстанции, развитие статической и динамической, возникновение реляционной концепции времени.

Античное описание времени даже в философии не сводилось к циклическому времени Гераклита и пифагорейцев, ибо свою систематическую разработку получает у Аристотеля. Именно у последнего время вырывается из круга и «векторизируется». Если у Платона время связано с образом вечности, представлением об инверсии в глобальных циклах, то у Аристотеля — с вечностью движения, перводвигателя. Сама цикличность времени в античности беспокойна, она чревата становлением в точке настоящего. Вместе

с тем время как мгновение (также и в буддизме) не отрицает его стратегических циклов [2, с. 26].

Важнейшим достижением философского контекста времени явилось понимание связи времени человека и его памяти, у Платона определенно выражена связь времени с жизнью души. «Психологизация» времени по сравнению с космологической греческой традицией была подготовкой интерпретации времени Августина, у которого затем время целиком интериоризируется, персонализируется в понятии человеческой души как меры времени.

Представления Демокрита о пространстве и времени приближают нас к механистической картине. У Демокрита время не связано с непосредственным существованием атомов, так как они вечны и неизменны. Оно связано лишь с внешним движением атомов и их соединением в пространстве. Начало Вселенной — атомы и пустота. Миров бесчисленное множество, и они имеют начало и конец во времени.

Если у Гераклита время слитно с движением, то у Демокрита оно становится более независимым, как связанным с перемещением, а не движением-становлением, то есть внешним бытием, а не внутренним существованием. По Демокриту, время есть видимость, имеющая форму дней и ночей.

В греческой философии получает развитие идея вневременного существования и вневременной предикации, в связи с распространенной среди греков точкой зрения, что подлинное знание возможно только о вечном или, по крайней мере, о неизменном. Сильное стремление греков к вечному связано с их необыкновенным чувством бренности всего живого.

Вместе с философско-онтологическим, обобщенным пониманием времени в период античности функционирует идея исторического времени: на историческую арену выступил индивидуум, свободный от общинно-родовых авторитетов, но связанный необходимостью, судьбой и роком, абстрактной всеобщностью нечеловеческих закономерностей вроде перехода одной стихии в другую или вроде тех или других движений небесного свода.

Пространство античности становится все более соизмеримо с человеком, все больше связывается с масштабом, определяемым человеческой фигурой. Античное пространство остается движущимся еще и потому, что в нем преобладает интуиция не неподвижной сущности, а становящейся вещи, движущиеся границы которой постепенно переходят в движение самого пространства. Неподвижная сущность еще только пребывает в глубине становящейся вещи, скрыта за становлением — этим и объясняется выделение в философии

платоновской идеи и становящейся вещи, которой эта идея оборачивается в материальном мире.

Все эти новые аспекты в восприятии мира и пространства находят свое выражение и в более раннюю эпоху архаики и ранней классики. Однако они выражены здесь еще в своей односторонности, не сложенными в гармоническую структуру. Многие системы философии строятся на гипертрофировании одного из качеств, одной из сторон мира, выделение которых тесно связано с начавшимся процессом индивидуализации, и противоречивыми реакциями на него. Гипертрофия целостности (единства) мира происходит у элейцев и Парменида; разделенности его на конкретные вещи — у ранних атомистов; момента движения мира и пространства — у Гераклита с его «панта рей».

Пространство и время — категории, имеющие важнейшее теоретическое, мировоззренческое значение буквально во всех сферах действительности человека, поскольку нет такой области окружающего нас мира, доступной практическому воздействию, визуальному наблюдению или теоретическому осмыслению, которое не вписывалось бы в пространственно-временные параметры. Пространство и время — фундаментальные характеристики бытия. В теории это находит своё выражение в том, что, с одной стороны категории пространства и времени обладают высочайшей степенью абстрактности, с другой — современное научное знание редуцирует их до таких содержательных конкретизированных понятий, как, например, «личное пространство», «личное время».

Пространство непосредственно связано со временем. Время, подобно пространству, в сознании человека было наделено нравственно — этической ценностью. Если мы присмотримся к тому, как понимался мир в античности или средневековье, то заметим, что современники много не замечали в этом мире, и это происходило потому, что представления об изменяемости мира во времени были сужены. С пониманием того, что не все в жизни постоянно, что время влияет на человека и общество, к людям пришло осознание ценности этой категории.

Список литературы:

1. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972. — 301 с.
2. Ярская В.Н. Время в эволюции культуры. Саратов: СГУ, 1989. — 152 с.

3.4. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

РЕСУРСНЫЙ СТАТУС ЗНАНИЯ В ЗНАНИЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: ЭКОНОМИКА И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Ведмедев Михаил Михайлович

канд. филос. наук, доцент СумГПУ, г. Сумы

E-mail: yedmedev2009@yandex.ru

Формы современной философской рефлексии в процессе постижения такого феномена как общество знания существенно отличаются от попыток его осмысления, которые имели место в 70—90 годах прошлого века. Многие теоретические положения, которые в то время выглядели самоочевидными и несомненными, сегодня оказались проблематичными. Почти сорокалетний опыт наблюдения за становлением знаниевых обществ заставил исследователей по-новому сформулировать пакет критических вопросов. Является ли наука доминирующим звеном жизнедеятельности в социальных системах названного типа? Какой тип знания нужен и создается в обществе знаний? Действительно ли общество знаний способствует расцвету знания, в частности научного? Как возникает дефицит знания в обществе знания? Заметим, что ответы на ни один из этих вопросов не являются тривиальными.

В англоязычной литературе для описания соответствующих феноменов используется, с одной стороны, выражение *information society* (Ф. Махлуп, Т. Умсао, В. Дайзард, Г. Кац, Й. Масуда и др.), что указывает на информационную и технологическую природу современного общества, а с другой — высказывания, которые ссылаются на факт возрастающей роли знания в социуме — «*knowledge society*» (Д. Белл, Д. Диксон, Н. Стер), «*knowledge-based society*», «*knowledgeable society*» (Г. Лейн), «*knowledge-value society*» (Т. Сакайя). До недавнего времени, как правило, между ними не видели различия (за редким исключением) и при переводе употребляли выражение «информационное общество». Однако, насколько корректно отождествлять информационное общество с обществом знания? (Для обозначения последнего наиболее удачным выражением, по нашему мнению, следует считать «*knowledge-based society*» — KBS).

В исследованиях А.И. Ракитова, В.Л. Иноземцева, Н.П. Ващекина, А.Д. Урсула, И.С. Мелюхина, М.А. Мунтяна, В.М. Брижка, О.М. Гальченко и др. можно найти целую коллекцию разнообразных характеристик как общества информационного, так и общества, цивилизации и культуры, основанных на знаниях. Однако, невзирая на детальность описаний и убедительность целого ряда выводов, многие основополагающие вопросы остаются невыясненными. Касательно выражения «*knowledge-based society*», заметим, что определения типа «общество, в котором знания (в частности научные) получают значительное распространение» или «общество, в развитии какого знания играют решающую роль», являются малоинформативными.

Для нашего исследования целесообразно воспользоваться характеристикой А.И. Ракитова, который выделил четыре типа общества, среди каких KBS являются те, «которые производят все необходимы для жизнедеятельности и развития научные знания, высокие технологии, наукоемкие артефакты и услуги и которые живут в основном за их счет» [7, с. 91]. Другие же типы социумов в разной степени импортируют знание и технологии, эксплуатируют собственные природные ресурсы. Существенными является два обстоятельства. С одной стороны, само наличие знаний еще не является основанием для отнесения общества к первой категории: необходима способность его *генерировать*. А с другой стороны, в KBS должны доминировать научные знания. Этот очень жесткий, по мнению самого же А.И. Ракитова, критерий, не позволяющий ни одно из существующих обществ отнести к категории KBS. Хотя с определенными предостережениями образцу соответствуют США, Великобритания, Германия, Франция, Япония. Эти государства сравниваются с Финляндией, которая является лидером за насыщенностью информационно компьютерными технологиями на душу населения (информационное общество). Этот взгляд не лишен наукоцентричных установок. Но является ли наука действительно ведущей структурой KBS?

Оценивать роль науки в KBS уместно в связи с исследованием вопроса о так называемой *knowledge-based economy (КВЕ)*. Ведь существует не просто соединение «наука — хай-тек-технология». Все это погружено в среду имущественных, стоимостных, субъективно-ценностных, инвестиционных, мотивационных, юридических процессов, которые являются настолько значимыми, что специалисты иногда фактически не различают KBS и КВЕ [2]. Именно КВЕ,

а не технологии сами по себе являются локомотивом когнитивно-информационных трансформаций общества.

Наукоцентричный подход в данном случае связан с акцентуацией определяющей роли такого явления, как наукоемкость производимых продуктов. Эта категория является преимущественно экономическим феноменом. Однако, прежде чем рассматривать ее именно в этом аспекте, заметим, что в последнее время ей нередко придается общефилософское значение. Специалистами употребляются такие выражения, как «наукоемкое будущее» [6], «наукоемкость человеческого бытия» и тому подобное, то есть имеется в виду, что дано свойство все больше появляется как основополагающая характеристика современного этапа развития цивилизации.

Относительно аспекта собственно экономического заметим, что в этой категории отображается то обстоятельство, что объективное в продуктах и услугах знания формирует большую частицу созданной стоимости. Роль расходов на научные и проектно-конструкторские разработки является определяющей сегодня не только для оборонной и ракетно-космической отраслей. Все более наукоемкими становятся такие традиционные сферы, как сельское хозяйство (научные разработки составляют 75 % стоимости зерна) и добыча полезных ископаемых (около 50 % в добыче нефти). Не является исключением и производство потребительских товаров — автомобилей («чип с колесами», по выражению редактора журнала «World» Кевина Келли), бытовой техники, электроники. Иногда используется единица измерения удельной информационной вместимости продукта — величина добавленной стоимости в расчете на единицу веса изделия. Можно навести такой сравнительный ряд (доллар США / фунт веса): спутник (20 тыс. дол.), реактивный истребитель (2500), суперкомпьютер (1700), подводная лодка (45), станок — автомат (11), стандартный автомобиль (5), грузовое судно (1) [8, с. 14—15].

С подобными расчетами связанные определены представления, которые на первый взгляд выглядят беспрекословными. Их суть заключается в том, что теоретические знания, научные достижения являются первым и во многом определяющим звеном процесса. Следующее звено — проектно-конструкторские разработки и высокие технологии. И в конце концов появляется особенный продукт — наукоемкое изделие. В какой-то мере это, безусловно, имеет место. Но следует ли считать, что именно такой контур движения знания является определяющим для современной *knowledge-based economy*?

Правы те специалисты, которые, осмысливая проблему производства и циркуляции знания в KBS, приходят к выводу,

что не *генерация* знания является тем, что превращает социум в базирующуюся на знаниях систему. Таким фактором является массовая установка на его *утилизацию*. В.А. Колпаков данное обстоятельство считает решающей предпосылкой возникновения общества знаний [3]. Это установка и обуславливает содержание философской рефлексии, связанной с осмыслением того, *какую форму бытия имеют утилизируемые интеллектуальные продукты*.

Интерпретация научного знания как *ресурса* социально-экономического развития становится его доминирующей трактовкой сравнительно с другими точками зрения (знание как *товар, производительная сила, сырье, индивидуальная способность к действию, собственность*). И это является характерным для представителей разных исследовательских направлений. Таких установок придерживаются теоретики постиндустриального общества и общества знаний Д. Белл, Е. Тоффлер, Г. Бехманн, П. Вайнгарт, В.В. Кочетков, Д.В. Ефременко, исследователи концепции технауки Б.Г. Юдин, В.И. Оноприенко, М.В. Оноприенко, сторонники постмодернистской идеи перформативного характера науки Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Уэбстер, специалисты в сфере науковедческих проблем соотношения фундаментальных и прикладных исследований Ю.В. Сачков, участники Штарнбергской группы.

При этом отметим, что разработка проблем ресурсного статуса знаний являет собой широкое поле для исследовательской работы. И разные его участки освоены неравномерно. Наибольший прогресс достигнут в сфере экономики знаний. Весь огромный массив публикаций преимущественно ограничен сегодня рамками этой категории. Последняя представлена разнообразной тематикой разработок: «когнитивный капитализм», «естественная и неестественная (интеллектуальная, информационная) рента», «экономическая природа научных знаний», «индикаторы индустрии знаний», «оценка рисков производства знаний», «интеллектуальные ресурсы общества», «эффективность использования интеллектуального потенциала общества», «интеллектуальные ресурсы организации», «фирма как производитель знаний», «знания как экономическое благо», «конкурентоспособность знаниевой экономики», «стоимость, создаваемая знанием» и др. Знакомясь с содержанием разработок, которые осуществляются в этом и смежных направлениях, можно заметить, что почти не учитывается (или учитывается в незначительной степени) когнитивная суть процессов создания, распространения, накопления, хранения и использования знаний.

Неотложной потребностью является разработка такого подхода, в пределах которого анализировался бы собственно эпистемологический аспект бытия и циркуляции знания в знаниевых обществах. Относительно реализации этого намерения целесообразно сосредоточиться на рассмотрении тех сдвигов в контуре движения теоретического знания в социуме, которые обуславливают его ресурсный статус. И параллельно проанализировать вопрос о критериях оценки знания в этой его ипостаси. Другими словами, идет речь об исследовании специфических характеристик данного типа знания.

Важным моментом для понимания ресурсного характера знания являются рассуждения Б.Г. Юдина об оборачивании отношения между наукой и технологией. Он замечает: «Взаимоотношения науки и техники в таком симбиозе внутренне противоречивы. С одной стороны, наука выступает как генератор новых технологий и именно в силу устойчивого спроса на них пользуется поддержкой, подчас весьма щедрой. С другой стороны, производство новых технологий определяет спрос на науку ограниченного типа, так что многие её потенции остаются нереализованными. От науки не требуется ни объяснения, ни понимания вещей — достаточно того, что она позволяет эффективно их изменять. Это предполагает понимание познавательной деятельности (включая научную) как деятельности в некотором смысле вторичной, *подчинённой* по отношению к практическому преобразованию, изменению и окружающего мира, и самого человека. Тем самым открывается возможность для переосмысления, точнее даже — *оборачивания* — сложившегося ранее соотношения науки и технологии. Если традиционно оно понималось как технологическое приложение, применение кем-то и когда-то выработанного научного знания, то теперь оказывается, что сама деятельность по *получению такого знания «встраивается» в процессы создания и совершенствования тех или иных технологий* [9, с. 590].

Иными словами, в вышеприведенных размышлениях акцент ставится на том, что классическая схема, характерная для индустриальных обществ, уступает место новой модели. Ранее исходной точкой движения знания считались фундаментальные исследования. Далее, через поиск их практических приложений происходила разработка технологий и технических продуктов. Завершающей точкой было нахождение рынков сбыта для соответствующей продукции. Такую модель специалисты иногда именуют «внедренческой». Иная схема реализовалась в идее *технонауки*, т. е. в своеобразном гибриде онаученной технологии

и технологизированной науки. Ее нередко стали оценивать как главенствующую в системе «наука-общество».

Ресурсность есть определенная функциональная характеристика знания. Она присуща последнему только при определенных условиях, т. е. в тех случаях, когда знание включено в определенные деятельностные схемы. Если не задана проблема, для решения которой оно используется, то и называть знание ресурсом не следует.

Мотивация деятельности производителей знания может существенно отличаться. В одном случае это — удовлетворение познавательного интереса, стремление что-либо понять, постичь суть вещей. При этом может вовсе не подразумеваться какое-либо прикладное предназначение исследовательского результата. В другом случае — знание изначально производится в расчете на его дальнейшее использование для практических нужд. И это именно то, с чем мы сталкиваемся в рамках исследовательской работы в области технауки.

Особым предметом дискуссии является то, какими характеристиками обладает знание в его ресурсной ипостаси. В 80-х годах прошлого столетия профессор Гарвардского университета А. Оеттингер замечал, что пришло время применить к информации как к ресурсу критерии оценки, которые применяют к материалам и энергии, т. е. сформулировать «те же критические вопросы: кто им владеет, кто в нем заинтересован, насколько он доступен, возможно ли его коммерческое использование?» [10, с. 191]. Сегодня пришло осознание, что знание и информация обладают своеобразием. В.В. Кочетков приводит целый ряд особенностей, отличающих знание от других ресурсов. Первая заключается в том, что знание — не конкурентный ресурс, т. е. оно является общедоступным. Вторая особенность — знание как таковое суть нематериально. Третья — знание накапливается не линейно, а благодаря открытиям скачкообразно растет. Четвертая особенность — знание относительно, т. е. его отдельные фрагменты приобретают значение только в связи с другими фрагментами. Пятая — знание кумулятивно, оно имеет возможность соединяться с другим знанием. Множество знаний обеспечивает возможность разнообразных и полезных комбинаций. Шестая — знание является самым мобильным ресурсом. Седьмая особенность — знание может быть сжато до абстракций и символов, т. е. приобрести компактную форму. Восьмая — знание неисчерпаемо и накапливается с возрастающей скоростью. К перечисленным выше добавляются еще две характеристики, которые, по мнению упомянутого автора, являются главными. Речь идет об уникальности знания в отличие от товаров, на которые существует рыночная цена,

и об избирательности знания. Последняя подразумевает, что оно доступно только тем, кто способен его усвоить, а значит им обладать и использовать. Знание и элитарно, и общедоступно [4, с. 25].

Мы не ставим задачу подвергнуть вышеупомянутые черты детальному анализу. Заметим только, что они выделены путем сопоставления знания как ресурса с другими видами ресурсов, используемых в технике, экономике, сфере управления — финансовыми, кадровыми, материально-техническими, организационными. Обратим особо внимание, что со всей остротой проблема характеристик знания встает в иной плоскости. Речь идет о том, что если принять во внимание различные аспекты бытия знания, то оно предстанет многомерным феноменом. При этом эмпирически можно констатировать факт: повышение значения («ужесточение» критериев) одной группы параметров (параметров ресурсных) с неизбежностью приводит к ухудшению значения параметров другой группы (параметров репрезентативных). Иными словами, когда во главу угла ставятся интересы технологического контекста, то вопросы истинности, полноты, проверяемости, системности знаний отходят на задний план. От науки более не требуется ни объяснения, ни понимания вещей, а достаточно того, что она позволяет их эффективно изменять. Не нужны оригинальные фундаментальные теории, необходимы лишь эффективные технологии с соответствующими рыночными перспективами.

Со всей резкостью такая установка прозвучала у Ж.-Ф. Лиотара: «Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте... Оно перестает быть самоцелью и теряет свою «потребительскую стоимость» [5, с. 18]. И студента, проходящего профессиональную подготовку, более не должен интересовать вопрос: «Верно ли это?», а лишь вопрос: «Чему это служит и можно ли это продать?» [5, с. 124].

Таким образом, можно констатировать, что воздействие на знание в процессе его производства внутренних и внешних критериев крайне противоречиво. Все это приводит к кардинальным изменениям норм и идеалов исследовательской работы, самого научного этноса. И здесь речь идет прежде всего не о вопросах экономики знаний, а о вопросах эпистемологических. Изучение данных изменений в их конкретных проявлениях является важной методологической задачей. Задачей актуальной еще и потому, что в традиционной эпистемологии феномен знания в его ресурсной, «сырьевой» ипостаси почти не исследован [1, с. 6—10].

Список литературы:

1. Ведмедев М.М. Культурні ресурси продуктивного мислення. — Суми: Університетська книга, 2011. — 216 с.
2. Климов С.М. Значение интеллектуальных ресурсов в постиндустриальной экономике [Электронный ресурс] — Режим доступа. URL: <http://www.elitarium.ru>
3. Колпаков В.А. Общество знания. Опыт философско-методологического анализа // Вопросы философии. — 2008. — № 4 — С. 26—38.
4. Кочетков В.В. Кочеткова Л.Н К вопросу о генезисе постиндустриального общества // Вопросы философии. — 2010 — № 2. — С. 23—33.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна М.: Ин-т эксперимент социологии, Спб.: Алетейя, 1988. — 160 с.
6. Лукьянец В.С. Наукоемкое будущее. Философия нанотехнологии // Практична філософія. — 2003. — № 3. — С. 10—27.
7. Ракитов А.И. Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях // Вопросы философии. — 2005. — № 5. — С. 82—94.
8. Цвылев Р.И. Метаморфозы индустриальной экономики: проблема экономических измерений // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 2. — С. 11—19.
9. Юдин Б.Г. Знание как социальный ресурс // Вестник Российской академии наук. — 2006. — Т. 76. — № 7. — С. 587—595.
10. Oettinger A. Information resources: Knowledge and power in the 21st century // Science. — 1980. — Vol. 209. — P. 191—198.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА УЧИТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1902—1920 ГГ.)

Кочурина Светлана Анатольевна

канд. ист. наук, доцент, доцент ТГПУ, г. Томск

E-mail: svpart@gmail.com

Жанжора Надежда Викторовна

аспирант ТГПУ, г. Томск

E-mail: janjoranadya@sibmail.com

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских ученых. Свидетельство МК-3486.2011.6.

Главной задачей материального обеспечения дореволюционных педагогических учебных заведений Западной Сибири являлось строительство собственного корпуса, отвечавшего всем необходимым требованиям для деятельности по подготовке будущих учителей. Удобное и благоустроенное помещение являлось важным условием для успешного решения поставленных задач подготовки педагога. Как показывают архивные материалы, от решения этой задачи во многом зависела успешное функционирование учебных заведений.

За период с 1902 по 1917 гг. в Западно-Сибирском учебном округе было открыто четыре учительских института: Томский (1902), Омский (1912), Тобольский (1916) и Новониколаевский (1917). Однако для региональных учительских институтов строительство собственного корпуса стало возможным только для Томского учительского института (ТУИ), чему способствовало благоприятное стечение обстоятельств, своевременное и относительно быстрое

решение ряда финансовых вопросов, настойчивость и рачительность лиц, ответственных за строительство корпуса.

К открытию ТУИ директор института В.П. Щепетев арендовал на средства института частный двухэтажный дом с подвальными помещениями и флигелем по улице Никитинской 15. Арендный договор был заключен на два года. Дом был не вполне приспособлен для размещения учебного заведения и рассчитан не более чем на 40 человек, т. е. два класса института [12, с. 65]. Предполагалось, что к началу 1904/05 учебного года, когда в институте появится третий класс, должно было завершиться строительство собственного корпуса ТУИ.

Организация строительных работ началась сразу после открытия института. Еще в 1900 г. решением Томской Городской думы под строительство корпуса был предоставлен в собственность участок в размере 3600 кв. саж., ограниченный улицами Александровской, Киевской и Новгородской. Постановлением от 4 февраля 1902 г. об учреждении ТУИ, МНП выделило на постройку корпуса кредит в размере 216 000 р. [21]

Традиционно архитектурный проект корпуса и вспомогательных построек учебных заведений составлялся окружным архитектором, с учетом всех пожеланий директора, потребностей для нормальной постановки учебного процесса и возможного финансирования, и конечно, являлся оригинальным архитектурным решением, украшавшим город.

Следующим этапом работ по строительству являлось создание специальной строительной комиссии, которая была призвана обеспечить согласованное руководство работами между строительными организациями, поставщиками материалов и администрацией института, а также контроль над расходом средств. В ноябре 1902 г. директором ТУИ В.П. Щепетевым такая комиссия была создана. Поскольку отпущенная МНП сумма на строительство не могла представлять выгод для городских предпринимателей и подрядчиков, способных полностью взять на себя работы по возведению корпуса, то создание комиссии позволяло еще и организовать строительство здания «хозяйственным образом». Это была единственная возможность обеспечить постройку здания института в короткий срок.

Проектные работы корпуса ТУИ были начаты еще в 1900 году. Архитектором Западно-Сибирского учебного округа гражданским инженером Ф.Ф. Гуттом был составлен предварительный эскиз здания и смета на его строительство в размере 216 000 р. Однако детальная разработка проектных планов началась только после учреждения

учительского института, когда были учтены конкретные пожелания и требований к организации учебного процесса со стороны директора и служащих. В результате выяснилось, что реальные расходы на строительство корпуса должны возрасти: только на возведение главного корпуса потребовалась сумма более 236 958 р. Вместе с усадебными постройками — баней, прачечной, каретником и прочими хозяйственными постройкам смета увеличивалась до 254 136 р. 76 к. Окончательный проект и был представлен Ф.Ф. Гутом в январе 1903 г. [23].

Следующим этапом стало утверждение в Министерстве народного просвещения (МНП) документов, регламентирующих работу строительной комиссии: «Инструкции строительной комиссии по возведению Томского учительского института» и «Правил о контрольной поверке операции по постройке здания для Томского учительского института», которые были подписаны министром в феврале 1903 г. Членам комиссии были предоставлены особые права. В частности, рекомендовалось вести работы с учетом рыночной конкуренции, при этом, в первую очередь, обращать внимание на наиболее «благонадежных подрядчиков», а уже после этого делать среди них выбор, руководствуясь соображениями выгоды для казны. Финансовый надзор за работой комиссии должен был осуществлять представитель от Томской казенной палаты.

«Инструкцией строительной комиссии» [8] обозначала основные принципы работы этого органа. Предполагалось, что ее состав должны войти два преподавателя института, архитектор, представитель от министерства финансов (т. е. от Томской казенной палаты) и от Томской городской управы. Главной обязанностью комиссии являлись правильная организация и обеспечение безостановочных строительных работ и их контроль, распоряжение средствами, закупка материалов, наем специальных рабочих и подрядчиков. Кроме того, «Правила о контрольной поверки операции по постройке здания для Томского учительского института» оговаривали основные принципы работы, обязанности и права Томской казенной палаты по финансовому надзору за строительством [19].

Между тем, с первого года работы комиссии начались трудности со своевременным финансированием строительства. Проект и строительная смета в размере 254 137 р. 76 к. были утверждены Министерством 18 марта 1903 г. Но только в сентябре 1903 г. на счет учительского института было перечислено всего в 98 200 р., на которые удалось возвести лишь каменное здание без сводов. Для выполнения плановых работ в 1904 г. институту требовались сумма

в размере 155 936 р., но из них было перечислено всего 78 000 р. [7]. Чтобы не приостанавливать работы и завершить возведение корпуса, администрация института решила заключать контракты в кредит, пытаясь закончить большую часть инженерных и отделочных работ к началу учебного года. Но все планы финансирования были окончательно нарушены начавшейся русско-японской войной.

С завершением срока аренды дома по ул. Никитинской администрация института планировала продлить контракт еще на год и подыскать дополнительное помещение для того, чтобы разместить третий класс института, канцелярию, образцовое училище, необходимое для проведения практических занятий слушателей, и квартиры для служащих. Подходящего по средствам и местоположению здания в городе не нашлось, а ходатайство попечителя округа о выделении дополнительных средств для института на аренду не нашло поддержки в Министерстве. По инициативе администрации округа и дирекции института было принято решение приостановить занятия в учебном заведении на один год. Средства, которые предполагалось израсходовать на работу ТУИ в 1904/05 учебном году, были направлены на завершение строительства корпуса [12, с. 63.].

В начале 1905 г. на счет строительной комиссии ТУИ Министерство перечислило часть средств, которые позволили рассчитаться с долгами и начать внутренние отделочные работы [28]. В связи с военными действиями на Дальнем Востоке, строительные материалы и рабочие руки повсеместно подорожали, и институту не удалось, как планировалось, сэкономить на строительстве. Все же к началу 1905/06 учебного года здание было готово принять слушателей. Однако совершенно новый корпус учительского института был затребован военным ведомством под лазарет. Начало работы института вновь было отложено — до мая 1906 г. Официальное «свидетельствование вполне законченного постройкой здания Томского учительского института» состоялось лишь 7 августа 1906 г. [22].

Успешная деятельность института в последующие годы, вплоть до 1920, во многом была определена своевременным решением вопроса о строительстве собственного корпуса. Вопреки многочисленным препятствиям постройка здания была завершена, и Томский учительский институт избавился от необходимости в дальнейшем решать многочисленные финансовые проблемы, связанные с поиском средств на аренду помещений для размещения учебных классов, квартир преподавателей института и образцового училища при нем, общежития воспитанников. В жизни других

учительских институтов Западной Сибири эти проблемы стали неразрешимыми и существенно осложняли как материальное положение преподавателей и воспитанников, так и нормальный ход учебного процесса. Наиболее неблагоприятная ситуация с обеспечением помещением в округе сложилась для Омского учительского института (ОмУИ).

С развитием сети городских училищ в Сибири начала XX в. открытие института в Омске стало делом неотложной важности. Ко времени учреждения института в 1912 г. Омск являлся быстро растущим и плотно населенным городом, где наблюдался высокий спрос на съем свободных зданий. Помещение учительского института должно было отвечать хотя бы минимальным требованиям для размещения учебного заведения. Среди нескольких возможных вариантов, с учетом всех обстоятельств, самым подходящим оказался дом Таде (Кирьянова), на углу улиц Банной и Ржевской (Завьяловской). Арендный договор с домовладельцами Таде, на сумму 2300 р. в год, с правом продления срока аренды, был заключен 31 июля 1912 г. В распоряжение института был предоставлен второй этаж каменного здания, сарай, ледник, каретник, конюшня, «комната в подвале для зелени», две комнаты в подвале для прислуги и прачечная «в общем пользовании» [1]. Ветхое помещение не располагало достаточным количеством кабинетов и могло разместить только небольшое количество учащихся института первого года работы.

Сразу с назначением на должность директор ОмУИ Ф.Г. Шубин приступил к разрешению вопроса о строительстве собственного корпуса. На заседании Омской городской думы 12 февраля 1913 г. было принято решение выделить учительскому институту под строительство здания на выбор один из свободных участков городской земли размером 1200 саж.: «по Скобяной улице рядом с Инфекционным отделением» или «около Учительской семинарии» [6]. Услуги по составлению эскизного проекта и сметы на строительство корпуса ОмУИ предложил преподаватель Томского учительского института, инженер-строитель Н.И. Молотилев. Однако в МНП архитектурное решение Н.И. Молотилова, несмотря на поддержку попечителя округа, отклонили, а разработку планов рекомендовали направить штатному архитектору Западно-Сибирского учебного округа.

Проект окружного архитектора, как и проект Н.И. Молотилова, был составлен в соответствии с рекомендациями и пожеланиями директора института Ф.Г. Шубина, и отвечал всем нормативным и техническим требованиям. В трехэтажном здании института с водяным отоплением и электрическим освещением предполагалось

разместить все необходимые классы, службы и помещения, просторные комнаты общежития, а также институтскую церковь и гимнастический зал. Однако решение о строительстве корпуса было отложено, а с началом Первой мировой войны институт и вовсе лишился надежды обзавестись своим помещением: МНП было не в состоянии финансировать такие работы.

Положение института с каждым годом, по мере роста числа слушателей и развития специализации учебного процесса, заметно ухудшалось. Еще с лета 1913 г. существенно выросла стоимость аренды ветхого и тесного помещения. С 1914 г. кроме «убогого» состояния здания к материальным трудностям добавилась «страшная дороговизна, вызванная происходящей Великой войной». В 1915 г., «благодаря стараниями директора» института, удалось найти замену сырому и холодному дому Таде [11, с. 4—5.]. На август 1915 г. было намечено завершение строительства нового корпуса Омского Первого высшего начального училища, старое помещение которого было решено передать в собственность институту. Здание не было идеальным для размещения такого солидного учебного заведения как ОмУИ, но все же, это был шанс значительно улучшить свое материальное положение.

Еще до того как корпус освободили прежние хозяева, учительский институт начал перевозить имущество, были начаты ремонтные работы и перепланировка учебных классов. Но условия военного времени внесли свои коррективы: сроки сдачи нового корпуса училища были сорваны, хотя работа уже подходила к завершению. Два учебных заведения были вынуждены начать учебный год в одном помещении в две смены. Немного позднее, в октябре 1915 г. практически готовый к заселению новый корпус училища был передан в ведение военного ведомства для размещения лазарета.

Дальнейшее существование института и высшего начального училища в одном помещении требовало решения ряда вопросов. Необходимо было определиться, кто являлся теперь фактическим собственником здания, а, следовательно, должен был нести хозяйственные расходы на содержание корпуса. Не хватало помещений для размещения квартир преподавателей, а средств на наем квартир, предоставляемых МНП, по существовавшим в Омске ценам было недостаточно. Фактически без квартиры остался директор учительского института Ф.Г. Шубин. Возникли трудности с согласованием планов учебных занятий, которые необходимо было построить таким образом, чтобы полноценно вести все уроки. Кроме

того, после ремонта корпуса институт остался без средств. Тем не менее, несмотря на сложности, новое помещение больше отвечало потребностям учительского института, чем прежнее. Здесь были необходимые классные комнаты, учительская, физический кабинет, канцелярия, своя церковь.

На протяжении последующих лет положение с помещением ОмУИ сохранялось неизменным. Корпус быстро ветшал и требовал капитального ремонта. В нем, как и в старом помещении, было холодно и сыро. Сосуществование двух учебных заведений, не лучшим образом отражалось на правильной постановке и успешности учебного процесса. В мае 1917 г. из слушателей и преподавателей института была создана специальная комиссия, которая должна была подыскать подходящее помещение. Неоднократные обращения комиссии в многочисленные инстанции — учреждения городского самоуправления, Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Комиссию по расквартированию войск, к командующему войсками и председателю Гарнизонного комитета, городскому голове и областному комиссару не получили содействия властей [18]. На общественной сходке 1 октября 1917 г. слушатели объявили о забастовке. Как возможный вариант, институт предлагали разместить в пустующем бывшем доме губернатора. С ходатайством перед Городской управой по данному вопросу дважды обращался лично попечитель Западно-Сибирского округа, но последствий эти обращения не возымели [10; 27].

С началом Гражданской войны, после установления власти Временного Сибирского правительства отношение военных к материальным нуждам институтов не изменилось. Специальный указ адмирала Колчака предписывал возлагать все работы по приему раненых на общественные организации. Помещения большинства учебных заведений передавались в ведение военного ведомства. Между тем, с началом реформы 1917 г. учительским институтам требовалось больше учебных площадей, чем ранее. Для занятий по новой программе каждому отделению на трех курсах необходимы были специальные аудитории и помещения под многочисленные лаборатории, увеличилось и общее количество часов учебных занятий. Однако условия существования Омского учительского института оставались неизменными.

В отличие от г. Омска, для которого «квартирный вопрос» являлся очень острой проблемой, в Тобольске проблему с размещением нового учебного заведения удалось решить относительно благополучно. Еще в 1913 г., при обсуждении вопроса

о желательности открытия в г. Тобольске учительского института, Городская дума приняла решение о предоставлении ему в бесплатное пользование до постройки собственного корпуса, обширного деревянного здания в нагорной части города. Одновременно город предоставил «в бесплатное пользование», на все время существования учительского института один из свободных земельных участков под строительство корпуса.

Открытие Тобольского учительского института (ТобУИ) состоялось только спустя три года — в 1916 г. За время, пока решался вопрос об открытии института, ситуация с квартирами в городе изменилась. Предоставленное в пользование в 1913 г. здание было занято. Город предложил несколько новых адресов для размещения института. После обсуждения их на заседаниях Городской думы, самым удачным представлялся дом Нартовой, по Большой-Пиляцкой улице. Но арендовать его было возможно только с апреля 1917 г. Институт временно разместили в здании высшего начального училища с занятиями в первую смену. Важную роль в решении этого вопроса сыграли местные органы городского самоуправления, содействие которых стало решающим для судьбы учебного заведения. Кроме того, на заседании 12 ноября 1916 г. Городская дума взяла на себя «обязательства предоставить за свой счет помещения для учительского института до постройки собственного здания». город и городской голова позаботились о предоставлении квартиры директору и общежития для воспитанников института, которые были арендовали также на средства города.

12 января 1917 г. Тобольское городское общественное управление заключило договор на аренду дома Нартовой по Большой-Пиляцкой улице. Это было двухэтажное каменное здание, часть надворных построек, двора и половиной погреба которого отходили во владение ТобУИ сроком на пять лет, с месячной оплатой 2600 р. в год [2]. С переходом на новый учебный план по реформе 1917 г. помещение дома Нартовой уже мало отвечало новым потребностям института. Директор В.К. Соболев был вынужден ходатайствовать об улучшении условий размещения учебного заведения [16]. Вопрос обсуждался на заседании педагогического совета 10 сентября 1918 г. при участии представителя городского самоуправления М.М. Шалабанова, но так и не получил решения [20]. Все же институт был обеспечен необходимыми помещениями, которые позволяли ТобУИ, не останавливая учебный процесс, работать на протяжении нескольких лет. Забота городских властей стала основой относительно благополучного существования

учебного заведения и временно избавила директора от решения вопроса о строительстве собственного корпуса института, которое было невозможно в период военного времени.

Открытый в 1917 г. Новониколаевский учительский институт размещался в помещении реального училища, в самом центре города — на углу Николаевского проспекта и Воронцовской улицы. Министерство народного просвещения предоставило институту средства на аренду и оборудование помещений в размере 19 470 р. [9]. Поскольку нормальное финансирование учебных заведений в конце 1917 г. было нарушено, первое время институт фактически оставался без средств к существованию. Директор института А.К. Волнин возлагал особые надежды на помощь местных органов самоуправления. Особое внимание уделялось вопросу о начале строительства собственного корпуса на отведенном институту еще в 1911 г. участке городской земли [5; 14; 15]. Но в обстоятельствах военного времени город отказался взять на себя содержание института, «ввиду переживаемого финансового кризиса» [17].

В предоставленном корпусе институт проработал до марта 1919 г., когда помещение учительского института, подлежащее реквизиции «в первую очередь», было передано военным [4]. Новониколаевскому учительскому институту было предоставлено помещение, уступленное правлением «Закупсбыта» [26]. В 1919 г. город передал в распоряжение учительского института бесплатно квартиру с отоплением и освещением [25]. В 1919 г. был официально решен вопрос о кредитовании на строительство корпуса для учительского института. Треть средств на постройку собственного здания учебному заведению должно было предоставить губернское земство, а $\frac{2}{3}$ — Министерство народного просвещения [24]. Но в условиях Гражданской войны осуществиться этим планам было не суждено.

В конце XIX — начале XX в. возведение нового каменного многоэтажного здания учебного заведения в любом сибирском городе являлось большим событием и ответственным мероприятием. Все учительские институты Западно-Сибирского округа начинали работу в арендованных помещениях, как правило, мало приспособленных для размещения образовательных учреждений. При решении вопроса о строительстве собственного корпуса учебные заведения сталкивались со множеством проблем. В процесс вмешивались различные по характеру неблагоприятные факторы: медлительность принятия решений об открытии учебного заведения, сложности предоставления финансирования на строительство; существенные коррективы в работу и развитие материальной базы институтов

вносила политическая ситуация в стране и мире. Городские думы и местные профессиональные организации, как правило, являлись инициаторами открытия нового учебного заведения. Именно благодаря заинтересованности городских властей и местного населения становилось возможным положительное решение МНП об учреждении института. Обязательным условием положительного решения вопроса об учреждении институтов являлось деятельное участие в судьбе институтов городские власти. Местные власти были ответственны за выделение институту участка земли под застройку с соблюдением всех законодательных норм и юридических процедур, оценивали возможности и масштаб участия в снабжении институтов строительными материалами, принимали решение о другого рода содействии возведению учебных корпусов.

Список литературы:

1. Арендный договор // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 2545. Л. 30, 30 об., 30 а.
2. Арендный договор на дом Нартымовой // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2686. Л. 153, 153 об., 154.
3. Арендный договор // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1989. Л. 65, 65 об., 66.
4. Выписка из протокола очередного заседания комиссии по реквизиции помещений в г. Новониколаевске // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 344. Л. 34.
5. Донесение директора НУИ попечителю Западно-Сибирского учебного округа // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2686. Л. 31—32 об.
6. Журнал заседаний Омской городской думы от 12 февраля 1913 г. // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2915. Л. 2—5.
7. Журнал Строительной комиссии Томского учительского института // ГАТО. Ф. 126. Оп. 3. Д. 448. Л. 79 об., 80, 80 об.
8. Инструкция строительной комиссии Томского учительского института // ГАТО. Ф. 126. Оп. 3. Д. 448. Л. 48—51 об.
9. К открытию учительского института // Голос Сибири. 1917. 7 окт. № 219.
10. О помещениях для учительского института // Омский вестник. 1917. 24 окт. № 233.
11. Отчет директора ОмУИ за 1915 г. // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2915. Л. 2—31.
12. Отчет за 1904 г. директора Томского учительского института М.М. Германова // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1989. Л. 62—69.
13. Отчет за 1915 г. директора ОмУИ Ф.Г. Шубина // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3153. Л. 4.

14. Письмо директора НУИ попечителю Западно-Сибирского учебного округа // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2686. Л. 34.
15. Письмо директора НУИ попечителю Западно-Сибирского учебного округа по вопросу о финансовой поддержке института // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2686. Л. 35—41.
16. Письмо директора ТобУИ в Тобольскую городскую думу // Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске (ГАТюМО в г. Тобольске). Ф. 27. Оп. 1. Д. 32. Л. 64.
17. Письмо Новониколаевского городского головы директору НУИ // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2686. Л. 33, 33 об.
18. Постановление общественной сходки слушателей ОмУИ об объявлении забастовки // Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 94. Оп. 1. Д. 45. Л. 200 об.
19. Правила о контрольной поверки операции по постройке здания для Томского учительского института // ГАТО. Ф. 126. Оп. 3. Д. 448. Л. 52—54 об.
20. Протокол № 26 заседания педагогического совета ТобУИ от 10 сентября 1918 г. // ГАТюМО в г. Тобольске. Ф. 27. Оп. 1. Д. 32. Л. 60.
21. Сибирская жизнь. 1902. 16 марта. № 61.
22. Сибирская жизнь. 1906. 9 августа. № 170.
23. Смета на строительство учебного корпуса Томского учительского института // ГАТО. Ф. 126. Оп. 3. Д. 448. Л. 43.
24. Справка в МНП о кредитах на школьное строительство в г. Новониколаевске // ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 284. Л. 170.
25. Справка Новониколаевской городской управы в Томскую губернскую управу о состоянии народного образования в городе // ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 284. Л. 163.
26. Справка о предоставлении учительскому институту помещения правления «Закупсбыта» // ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 278. Л. 95 об.
27. Учительский институт // Омский вестник. 1917. 28 сент. № 211;
28. Финансовый отчет строительной комиссии по возведению корпуса Томского учительского института // ГАТО. Ф. 126. Оп. 3. Д. 448. Л. 129—131 об.

ОРГАНИЗАЦИЯ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ЗАБАЙКАЛЬЕ В XIX ВЕКЕ

Капустин Роман Евгеньевич

*аспирант, Забайкальский Государственный Гуманитарно-
Педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Чита
E-mail: fish.romaha@mail.ru*

Забайкальское казачье войско было образовано в 1851 году по решению Генерал-Губернатора Восточной Сибири Муравьева. Оно было образовано, как и другие казачьи войска на территории Сибири, с целью усиления вооруженных сил и охраны границы, а также для упорядочивания и регламентации всех сторон жизни казаков, юридически были закреплены их права и обязанности [3, с. 5].

Все расположенные в Забайкалье казаки подчинялись ведению Троицко-Савской пограничной канцелярии, которая распределяла их по постам, выдавала содержание, производила в чины, разбираала, а также и руководила в военных предприятиях.

К 1802 году на китайской границе состояло собственно казаков 958, бурятов, сведенных в 4 конных полка, 2 400 и тунгусов, служивших в пятисотенной конной команде, 501 человек, а всего на казачьей службе находилось 3 859 душ [2, с. 2].

В 1822 году была устроена правильная пограничная линия с Китаем, причем вся охрана ее возложена на казаков и инородцев. Линия разделена на три отделения: Цурухайтуевское, Тункинское и Харацайское, состоявшие под начальством трех сотенных командиров или, как их называли, приставов, подчинявшихся войсковой канцелярии, функции которой исполняла Троицко-Савская канцелярия. В состав казачьих гарнизонов и разъездных отрядов, кроме 8 сотен и одной конной команды Забайкальских казаков, состояли 4 шестисотенных бурятских полка и 1 тунгусский полк, переформированный из бывшей пятисотенной команды.

Казаки эти состояли в ведении генерал-губернатора Восточной Сибири. Казачьими командами и сотнями заведовали сотенные командиры и начальники команд, а тунгусским и бурятскими полками — полковые и сотенные атаманы, которых инородцы выбирали пожизненно и которые утверждались в своих должностях властью Иркутского губернатора.

Тяжелая и суровая служба на границе, своеволие пограничных властей и грубое обращение их с инородцами побудило некоторых бурятов подать прошение на имя высшей власти об освобождении

их от казачьей службы, выражая готовность взамен службы платить подать мехом. Просьба их была поддержана генерал-губернатором Восточной Сибири, который утверждал, что буряты малоспособны к военной службе.

Однако, несмотря на удачное проведение в столице этого проекта, дело на китайской границе обстояло не совсем так, как представляли в Петербург Забайкальские власти.

Была представлена на Высочайшее благовоззрение записка бывшего русского посланника в Китае Любимова, который, долго прожив на пограничных пунктах, имел возможность изучить быт и настроение тамошних войск, а также и особенности китайской границы. Любимов утверждал, что буряты, напротив, очень дорожат своим казачьим званием, весьма способны к конной службе, отличные стрелки и преданные России люди, что доказывается фактом многолетнего охранения исключительно ими границы на огромное протяжение.

В 1851 году было издано Высочайшее утвержденное положение об основанном на китайской границе Забайкальском казачьем Войске.

Войско было образовано по особому, еще не применявшемуся нигде образцу и состояло из двух родов оружия — конницы и пехоты. Конницу составляли большей частью коренные казаки и инородцы, а пехоту — крестьяне и часть городских казаков.

Территория Войска занимает обширные земли к востоку от Байкальского озера, почему и самое Войско названо Забайкальским. В состав войсковых земель вошли:

1. Земли казаков-пограничников.
2. Все свободные казенные земли, расположенные вблизи пограничной линии.
3. Земли, принадлежащие Забайкальскому городскому полку и казакам-станичникам Верхнеудинского округа.
4. Земли, принадлежащие бурятским родам, отбывавшим службу на линии.
5. Земли, принадлежавшие охотничьему племени тунгусов, служивших в тунгусском полку.
6. Казенные оброчные земли в черте войсковых территорий.
7. Земли станичных казаков Нерчинского округа.
8. Земли, занятые воеводскими крестьянами Нерчинского округа.
9. Земли, занятые всеми прочими крестьянами, подлежащими зачислению в Войско.

Новообразованным Войском управлял войсковой наказной атаман, подчинявшийся всецело генерал-губернатору Восточной Сибири. Войсковой наказной атаман пользовался правами начальника дивизии и губернатора в отношении войскового населения и всех проживавших на войсковой территории. Для военного управления было учреждено по образцу Донского Войска войсковое дежурство, а для заведования хозяйственными делами — войсковое правление.

В административном отношении все Войско было разбито на 6 бригадных управлений по числу выставляемых бригад, причем конные бригады состояли из 2 полков, а пешие из 4 батальонов. Собственно, бригадные правления выполняли обязанности окружных управлений, и в них была сосредоточена вся полицейская, военная и гражданская власть в данном округе.

Вместо станичных правлений в Забайкальском Войске были учреждены сотенные и батальонные правления, по своим функциям соответствующие станичным правлениям прочих казачьих Войск. Во главе каждого такого правления стоял сотенный или батальонный командир, подчиненный командиру бригады, а в помощь ему для управления выбирались чинами сотни или батальона двое судей, утверждавшихся в этом звании войсковым атаманом

Войсковое сословие было образовано из следующих элементов, вошедших в состав трех конных и трех пеших бригад:

Таблица 1.

Первая и вторая конные бригады

1	Казак Харацайского отделения пограничной китайской линии	1 805
2	Казак Цурухайтуевского отделения той же линии	5 617
3	Казак Тунгусского конного полка	1 667
4	Станичные казак Верхнеудинского округа	280
5	Станичные казак Нерчинского округа	395
6	Казак Забайкальского городского полка	674
7	Крестьяне Верхнеудинского округа	491
8	Крестьяне Нерчинского округа	332
9	Буряты из числа пограничных конных полков	53
	Итого казаков:	11 314
	Третью конную бригаду составили:	
	Казак бывших бурятских конных полков в количестве	9 811
	Всего казаков:	21 125

Три пешие бригады, всего в количестве 12 батальонов, составлены преимущественно из заводских крестьян, что видно

по следующей таблице, показывающей, что в пешие части Забайкальского Войска были зачислены:

Таблица 2.

Пешие бригады, составленные из заводских крестьян

1	Станичные казаки Нерчинского округа	482
2	Казаки Забайкальского городского полка	741
3	Казаки Цурухайтуевского отделения	121
4	Заводских крестьян Нерчинского округа	28 992
	Итого:	30 336

Всего же в Войске собралось 51 461 казаков, получивших стройное управление и определенные обязанности, представлявших из себя воинские части, могущие противостоять в случае войны вражеским полчищам [2, с. 3].

В обязанности войска входило: охрана китайской границы, содержание караулов и разводов, поимка и задержание беглых каторжников, пресечение незаконной торговли и внутренняя служба [1, с. 5].

Содержание офицеров и казаков полностью лежало на казне, а не на войсковом капитале, как в других казачьих Войсках. Вообще все устройство нового Войска носило официальный и несколько регулярный характер, что, впрочем, не мешало ему процветать и развиваться, служа твердой опорой русскому влиянию на востоке.

К 1855 году в Забайкальском Войске считалось войскового сословия обоего пола 107 685 душ; Войско в случае войны или мобилизации выставяло казаков служилого состава 20 180 человек, из которых на действительной службе в мирное время находилось всего 2 865 казаков — число сравнительно с положением современных ему казачьих Войск довольно незначительное, дававшее возможность казакам Забайкальцам вести с успехом свое домашнее хозяйство.

В следующем году замечается значительное уменьшение списочного состава служилого разряда казаков Забайкальского Войска, а именно числилось в 1856 году уже лишь 17 659 человек. Это произошло благодаря переселению из состава Забайкальцев двух конных полков и четырех пеших батальонов на Амур в состав нового казачьего Войска — Амурского.

В 1872 году была произведена реформа в управлении Забайкальским Войском; должность войскового наказного атамана упразднена, также были упразднены бригадные правления, войсковое правление, войсковое дежурство и канцелярия войскового наказного атамана.

Во главе управления Забайкальской областью стал Забайкальский военный губернатор, соединивший с этим постом звание наказного атамана Забайкальского казачьего Войска.

Для ведения войсковых хозяйственных дел образовано войсковое хозяйственное правление, а для военных — областной штаб и три военных отдела с атаманами отделов во главе. Казачьи поселения были переименованы в станицы и поселки (хутора) с выборным правлением по образцу Донского Войска. Все же в области, что не касалось военных условий казачьего быта, было передано в руки общеимперской полиции и гражданских властей.

Главное управление Забайкальским казачьим Войском было сосредоточено в штабе Восточно-Сибирского военного округа. В 1866 году установлен был сокращенный срок службы, а именно: в полевых частях 15 лет и по внутреннему управлению 7 лет [2, с. 4].

В мирное время Забайкальцы формировали один конный полк в 6 сотен, два пеших батальона по 5 сотен и две конно-артиллерийские батареи по 4 орудия. В военное же время Войско выставляло в поле три конных полка шестисотенного состава, шесть пеших батальонов пятисотенного состава и три батареи, каждая в 6 орудий.

Благодаря таким реформам, жизнь Забайкальского казака вошла в приспособленные к зажиточному существованию и, главное, законные рамки. Прежние порядки, предоставляя слишком большую административную и даже строевую власть над казачьим населением, в повседневной жизни не только военному, но и гражданскому начальству, сильно тормозили естественное развитие казачества и его экономическое процветание, хотя, с другой стороны, нельзя не согласиться, что суровая воинская дисциплина и настойчиво проводимый в жизнь казака принцип «все для родины», сыграл в духовном отношении громадную роль, выковав, во-первых, из казачества сплоченную общими радостями, обидами и подвигами военную семью, а, с другой стороны, создал известную замкнутость казачьего сословия, что также много способствовало сплоченности и единодушию казаков.

К царствованию Государя Императора Николая Александровича Забайкальское Войско состояло из 187 102 человек обоего пола, выставляло в случае мобилизации 176 офицеров и 22 711 казаков, а на постоянной мирной службе находилось из этого числа 111 офицеров и 2 668 казаков.

В 1901 году было преступлено к ограничению земель Забайкальского Войска, причем для усиления его территории в состав

войсковых площадей пожалованы некоторые земли Кабинета Его Императорского Величества.

Суммируя все приведенное, видно, что Забайкальское Войско сыграло громадную роль в деле укрепления и удержания русской власти на далеких окраинах Сибири, да и теперь служит самым важнейшим щитом русского господства на китайской границе.

В войну с Японией Забайкальские казаки с честью поддержали свое казачье имя и оказали неисчислимые услуги русскому оружию в различных операциях как своею удалой разведкой и храбростью, так и в особенности, отличительной чертой Забайкальца — стойкостью и упорством в бою.

По окончании войны Забайкальские казаки ревностно подавляли преступную смуту, зажженную иностранцами и своими доморощенными безумцами, и тем способствовали восстановлению в Восточной Сибири законного порядка и власти.

Могуч и жизнен геройский дух казачества, этого последнего носителя и хранителя старой славянской души и великую заслугу окажут отечеству те правители, которые сумеют сохранить и оберечь от лукавых покушений и бесцельной общей нивелировки казачьи Войска, эту национальную, возбуждающую зависть у иностранцев силу и гордость великой России [2, с. 4].

Список литературы:

1. Государственный Архив Забайкальского края, Ф-30, оп. 3, д. 1, 126 л.
2. Савельев Е.П. «Племенной и общественный состав казачества. Исторические наброски»// Донские областные ведомости. — 1913. — № 203
3. Эпов Н.И. Забайкальское казачье войско. Нерчинск, 1889 г. — 78 с.

СТАНОВЛЕНИЕ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Корзун Василий Иванович
аспирант АНХ и ГС, г. Орел
E-mail: 473617@mail.ru

Существует концепция особого типа капиталистической революции в России, по которой наша страна принадлежала к так называемому «второму эшелону» мирового капитализма, являющимся

«догоняющимся», развивающаяся в более сжатые сроки. Из вышесказанного следует, что формирование политических партий в России происходит с огромным опозданием.

Формированием первых рабочих политических партий социалистической направленности происходило интеллигенцией, которая в свою очередь стремилась как можно больше рабочих масс привлечь на свою сторону.

1 марта 1898 г. в Минске состоялся первый учредительный съезд РСДРП, Съезд провозгласил создание партии. В июле 1903 г. в Брюсселе должен был состояться второй съезд, но полиция не допустила его открытие. Съезд перенесли в Лондон, на котором был принят устав и программа партии. Также на съезде произошел раскол на группы большевиков и меньшевиков. Меньшевики под руководством Л. Мартовым стремились к созданию партии по европейскому образцу. Большевики же во главе с В. Лениным рассматривали партию как профессиональных революционеров.

Рисунок 1. Съезд Российской социал-демократической партии рабочих в Лондоне

Партия социалистов-революционеров объявила о себе еще в 1902 г, но первый съезд партии прошел только в декабре 1905 —

январе 1906 г. На котором была принята программа партии. Партия эсеров видела особый путь России к социализму.

«Первым официальным документом, фактически положившим начало политическим реформам в России, стал Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г.» [5, с. 5].

«4 марта 1906 г. царь подписывает Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату «О временных правилах обществах и союзах»» [2, с. 589].

В результате усилились политическая активность Российского общества, одни считали о необходимости свержения самодержавия, другие в установлении института парламентаризма.

Влиятельной либеральной партий в то время была Конституционно-демократическая партия. Которая была образована 12 октября 1905 г. в Москве по инициативе «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». Большинство присутствующих были деятелями земского и городского самоуправления, профессора высших учебных заведений, адвокаты, врачи. «В первый комитет партии вошли В.И. Вернадский, князя Петр Дмитриевич и Павел Дмитриевич Долгоруковы, Н.А. Каблуков, Ф.Ф. Кокошкин, А.А. Корнилов, П.Н. Милоков, С.А. Муромцев, В.Д. Набоков, И.И. Петрункевич, князь Д.И. Шаховской» [4, с. 178].

Лидером партии был избран, историк и публицист, Павел Николаевич Милоков. На съезде была выработана программа и устав партии. Главной идеей кадетской программой было развитие России по пути либеральных парламентских реформ.

Кадеты выступали за демократические ценности и требовали обеспечение свободы собраний и организаций, свободу передвижения и выезд за границу, за равенство граждан перед законом, свободу печати и отмены цензуры, неприкосновенность личности и жилища, свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни и много других.

В 1906 г., на очередном съезде партии, было решено добавить в программу партии следующий тезис: «Россия должна стать конституционной и парламентской монархией».

Численность Конституционно-демократической партии в 1906 году насчитывалось примерно около 50 тысяч человек. После первой русской революции численность членов партии значительно уменьшилось.

«Союз 17 октября», оформился в начале 1905 г. Он включал три составляющие: дворянскую, торгово-промышленную и бюрократическую. К 1906 году «Союз 17 октября» пополнился представителями:

Партии правового порядка, Торгово-промышленной партии, Конституционно-монархического правового союза и многими другими. «Союз 17 октября» провозглашал следующие основные положения: сохранения единства и нераздельности государства, развитие конституционной монархии с народным представительством основанном на обще-избирательном праве, обеспечении гражданских прав, развитие и укрупнение местного самоуправления.

Партии правого фланга высказывались в защиту существовавшего строя, и действовали под девизом «православие, самодержавие, народность». «Русское собрание» было создано в Санкт-Петербурге в ноябре 1900 года и являлось на то время первой правой организацией. Уже осенью 1904 года «Русское собрание» начало активную политическую деятельность и перешло к таким акциям как организация депутатий, пропаганда в печати и подача «челобитных».

«Правый фланг консервативного движения занимала Русская монархическая партия (В. Грингмут, И. Восторгов, Д. Долгоруков)» [5, с. 576]. Идеология партии базировалась на монархических и патриотических основах. Русская монархическая партия ставила перед собой следующие цели: создание великого Российского государства, религиозное и культурное просвещение русского народа, сохранение и отстаивание достоверности Русской истории.

Самой крупною правой партией был «Союз русского народа», который тайно финансировался правительством. «Союз русского народа» с 1907 года стал основой для общей политической платформой для правых партий.

В уставе партии отмечалось важная роль в государстве русского народа, к которым относились великороссы, малороссы и белоруссы. Другим предписывались строгие начало законности, позволяющие им считать за честь принадлежность к России. Уставом отмечалось первенствующая роль в государстве русского народа.

В разделе о деятельности союза были прописаны основные его задачи, которыми являлись: активное участие членов союза в работе Государственной Думы, просвещение русского народа в разных сферах деятельности человека, путем открытия больниц, школ и других учреждений. В отношении земельного и рабочего вопроса у союза не было четкого поставленного дальнейшего вектора развития и все только сходилась к размытым выражениям.

Итак, в начале XX века в России сформировалось ряд политических партий: российская социал-демократическая рабочая партия, партия социалистов-революционеров, радикальная партия, конституционно-демократическая партия, партия свободомыслящих,

демократический союз конституционалистов, союз 17 октября, умеренно прогрессивная партия, прогрессивно-экономическая партия, партия правопорядка, партия монархистов-конституционалистов, русского народнического всеобщего союза, отечественного союза русского собрания и другие. В зависимости от политических целей, методов и средств их достижения их можно разделить на монархические, буржуазные и социалистические.

Февральская революция коренным образом изменила условия деятельности и общественный статус политических партий.

«12 апреля 1917 г. Временное правительство принимает постановление «О собраниях и союзах», в котором провозглашается, что все без исключения российские граждане имеют право без особого на то разрешения образовывать общества и союзы в целях, не противоречащих уголовным законам» [1, с. 171].

Победа в февральской революции поставила политические партии России в центр общественно-политической жизни страны. Революция открыла более широкие не только правовые, но и политические возможности для развития многопартийности.

Список литературы:

1. Гессен И.В. Архив русской революции. М., 1991. — 724 с.
2. Политическая история России. Хрестоматия. М.: Аспект-Пресс, 1996. — 624 с.
3. Полный сборник платформ всех русских политических: с приложением высочайшего Манифеста 17 октября 1902 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001. — 131 с.
4. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. / Т.1 1905—1907 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. — 198 с.
5. Шелохаев В.В. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. — 872 с.

ПЕРЕМЕНА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В МАТРИМОНИАЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ В СРЕДЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В 1-Й ПОЛ. XIX В.

Филяревич Татьяна Сергеевна

магистр ист. наук, соискатель 2 года обучения ЮФУ,

г. Ростов-на-Дону

E-mail: kachurka@bk.ru

В среде донского казачества, большая часть которого придерживалось православия, было довольно значительное число старообрядцев; причем последние в повседневной жизни мало отделяли себя от казаков-православных. Проживание в одной станице, совместное участие в станичном управлении и военная служба создавали предпосылки для тесного общения и довольно терпимого отношения представителей разных вероисповеданий друг к другу, нередки были и случаи браков между старообрядцами и православными. Православная церковь, имея преимущество государственной поддержки, использовала все меры для обращения раскольников к государственной религии, и, вероятно, одним из наиболее эффективных средств было брачное законодательство.

Согласно указам Синода от 15 мая 1722 г. и от 16 июля того же года, при заключении брака православных и старообрядцев последние должны были давать присягу «что им впредь расколу не содержать» [10, с. 741]. Эта норма содействовала значительному увеличению числа православных среди казаков, о чем свидетельствуют дела Донской духовной консистории. В фонде консистории множество однотипных дел — прошений на имя архиепископа с просьбой приказать местным священникам присоединить к «греко-российской» церкви и затем повенчать. Т. е. в самом прошении вначале говорится о желании заключить брак, а затем уже о готовности принять православие. Другой вид документа — рапорты священников приходских церквей (тексты прошений не сохранились), в этих рапортах также часто упоминается о принятии православия и о последующем венчании, при этом временной промежуток между этими событиями бывает так мал, что не оставляет сомнения в мотивах, побудивших к смене вероисповедания. Так, казак Иван Бородачев из ст. Николаевской перешел в православие 13 января 1850 г., венчался 20 января того же года, казак Дмитрий Байдалин той же станицы, присоединен 13 января 1850 г., вступил в брак 27 января того же года [4, с. 18—20]. Иногда

конкретные даты в документах не указываются: так, священник Николаевской станицы рапортует, что двое старообрядцев «по присоединении в настоящем году вступили в законный брак с православными лицами» [4, с. 22], при этом формулировка «по присоединении» означает ни что иное как «сразу после присоединения» и не оставляет сомнения о причинах, побудивших к этому поступку.

Обращение к православию часто являлось способом преодоления жестких ограничений, господствовавших в среде староверов, по отношению к супружеству, что ярко просматривается на примере разводов и повторных браков. Хотя каждое из вероисповеданий негативно относится к третьему браку и допускает его лишь в крайних случаях, опираясь на 50-е правило Василия Великого «на троебрачие нет закона» [12], однако факты свидетельствуют о том, что третий брак проще заключить в православной церкви. К примеру, в прошении казака Памфила Чикункова, старообрядца, указано, что он был уже женат дважды, имеет двух сыновей, и вторая жена его умерла. При этом Чикунков сетует, что дети находятся на «только одном моем призрении, каковыя обстоятельства вынуждают меня жениться еще по обряду уже нераскольническому, а православной веры» [1, с. 1].

Аналогична ситуация и с разводами, которые также не допускались в среде старообрядцев. При этом согласно указу Синода от 14 августа 1808 г. браки старообрядцев, венчанные «вне церкви, в домах и часовнях и неизвестными бродягами» [11, с. 625] считались незаконными, и такая норма открывала, при обращении за помощью к официальной церкви, путь к заключению второго брака при жизни первого из супругов. Как отмечает Н.Н. Великая, в среде гребенских казаков, переход из старообрядчества в православие был для некоторых способом решить свои семейные проблемы [8]; аналогична была ситуация и в среде донского качества. Так, казак Камышановской станицы, старообрядец Иван Агеев просит расторгнуть его брак со старообрядкой, и, присоединив его к господствующей церкви, обвенчать с православной. При этом Агеев (или же те, кто помогали ему составлять прошение) прекрасно осведомлены об условиях признания браков недействительными: в прошении указано, что Агеев повенчан «каким-то раскольническим попом в простой избе» [2, с. 1].

Некоторые дела под прикрытием канцеляризов повествуют о настоящей борьбе, которая разворачивается в среде старообрядцев между поколениями отцов и детей. В прошении на имя епископа

Воронежского и Черкасского Епифания жена урядника Верхнечирской станицы Ирина Понкратова описывает фактический раскол в семье: ее родители и родители ее мужа старообрядцы, сама же Ирина и урядник Кирей Киреев венчались в православной церкви, и теперь родители желают удержать детей в «своей секте всеми мерами недопускает быть в числе правоверных чад Греко-российской церкви» [9, с. 1]. По словам Ирины, чтобы опорочить их брак родители утверждают, что ее муж уже женат на старообрядке Татьяне Кирсановой.

Причины этого конфликта кроются все в том же отрицательном отношении старообрядцев к разводам. Как показало следствие, урядник Киреев к моменту заключения православного брака действительно был женат, имел дочь 8-ми лет. Отношения с женой не сложились: по показаниям и Кирея, и первой жены Татьяны, они уже несколько лет живут раздельно, Татьяна, ссылаясь на слабое здоровье, дала Кирею письмо, где указывает, что Кирей может жениться на другой с условием «должной для ее содержания наградою» [9, с. 66]. По сути, ясно видно обоюдное желание супругов развестись, причем, выражаясь современным языком, при условии выплаты алиментов. Но, вероятно, родители удерживают их от этого шага и не позволяют Кирею жить со своей новой женой Ириной. Зная настроение общества и родителей, не согласных на развод, Киреев вынужден обратиться за помощью к православной церкви. В своих показаниях он утверждает, что узнал от людей о незаконности сожительства с первой женой и поэтому женился вторично уже в православной церкви. Здесь урядник явно лукавит: он женился во второй раз не потому, что узнал о незаконности первого брака, а потому что хотел жениться на другой. В любом случае, он очень хорошо подготовился к ведению дела, и в своих показаниях утверждает, что брак был заключен попом старообрядцем, имени которого не знает, в простом доме. В итоге, конечно, брак со старообрядкою был признан недействительным, а родителей обязали их дать подписку, чтобы они не препятствовали совместному жительству Кирея и его второй жены. Правда, пострадал и сам истец: его дочь признали незаконнорожденной, а самого Киреева предали светскому суду за незаконное сожительство.

Итак, брачное законодательство эффективно способствовало увеличению православных прихожан, правда, для некоторых обещание «впредь расколу не содержать» являлось не более чем формальностью. Эту проблему поднял в своем рапорте благочинный г. Новочеркаска: «Из раскола присоединяются к православию по большей части

для того, чтобы вступить в брак... а по вступлении в брак, давши наперед подписку до конца жизни содержать православную веру, опять делаются раскольниками» [6, с. 1] и даже привлекают к старообрядчеству своих детей. Консистория пыталась бороться с этим явлением путем увещаний через местных священников и в самом присутствии консистории, обращались за помощью также к наказному атаману Войска донского, однако все попытки вернуть старообрядцев в лоно православия не увенчались успехом.

Однако есть и исключения из общей тенденции, когда при заключении брака православные переходили в старообрядчество. Во Втором Донском окружном судном начальстве было заведено дело на казака Ивана Инькова, который женился вторым браком на Анисье Васильевой «и с того времени и по примеру жены своей принял и он и исполняет доньне старообрядческую Веру». [3, с. 1] Нельзя однозначно сказать, что именно руководило выбором этого человека, когда он по примеру своей жены переменил вероисповедание. К моменту вступления в брак он уже не был юношей (ему было не менее 30 лет), был женат и в 1832 г. пережил смерть жены. Его избранница, Анисья Васильева, была вдовой с четырьмя детьми на руках. Возможно, одинаковая тяжелая ситуация сблизила этих людей, а будущая супруга-старообрядка оказалась сильнее характером своего избранника, или же казак Иньков еще до брака был подготовлен к принятию старообрядчества (во Втором Донском округе было множество старообрядцев). Впрочем, вероятнее всего, религиозные соображения имели в этом союзе не первостепенное значение: после того, как в судном начальстве было заведено дело, супруги выразили желание «подкрепить брак свой в православной церкви» [3, с. 6]. Скорее всего, это решение было спровоцировано тем, что их брак мог быть признан незаконным, т. к. венчался вне церкви, и в интересах семьи было совершить обряд еще раз, но уже у православного священника.

Еще один пример перехода в старообрядчества — брак казака Семена Касова, православного, принявшего раскол в 1834 г. после женитьбы на Авдотье Фалькиной [8, с. 294]. В этом случае известен источник религиозного влияния: будущая семья жены и, прежде всего, ее отец, казак Иван Фалькин. Среди казаков нередки были случаи, когда муж жил в семье жены, в этом случае, естественно, ее глава мог диктовать условия новому члену домохозяйства. Вместе с тем, в 1847 г. во время прохождения военной службы на Кавказе, когда влияние семьи ослабевает и заменяется влиянием однополчан

и офицеров, большую часть православных, Касов вновь возвращается к православию [5, с. 143].

Итак, перемена вероисповедания в связи с заключением брака было довольно частым явлением в среде донских казаков, причем в браках между старообрядцами и православными чаще всего выбор делался в пользу православия, что обуславливалось политикой государства. Однако встречались и случаи перехода в старообрядчество, которые были связаны с причинами личного характера. В целом обстоятельства этих дел показывают, что вопросы религии по сравнению с вопросами семейных отношений могли отодвигаться на второй план.

Список литературы:

1. ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1039.
2. ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1916.
3. ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2849.
4. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 2348.
5. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 2847.
6. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 2869.
7. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 2957.
8. ГАРО. Ф. 272. Оп. 2. Д. 189.
9. Великая Н.Н. Официальное православие и гребенские казаки в XVIII — начале XX в. // Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. — 2003. — Вып. 16. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kavkazoved.info/images/myfls/files/uro16.pdf> (дата обращения: 07.09.2012).
10. О показании священникам в книгах о исповедавшихся и не явившихся на исповедь прихожан, о штрафах за небытие на исповеди, о наблюдении священникам, чтобы прихожане их ходили в церковь по праздничным дням, о несовершении таинств раскольническим учителям и о нераспространении раскольникам их лжеучения: закон Сенатский обще с Синодом от 16 июля 1722 г. п. 6. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. — Т. 6. — 816 с.
11. О распубликовании указа Святейшего Синода 14 августа 1808 года, чтобы дела о людях, вступивших в брак по раскольническому обряду, рассматривать и судить гражданским, а не духовным правительством: закон Сенатский от 19 июля 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 2. СПб., 1830. — 1138 с. С. 626.
12. Правила Святого Василия Великого. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://krotov.info/acts/canons/0370vasi.html> (дата обращения: 02.09.2012).

4.2. ЭТНОЛОГИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В МОЛДОВЕ И ПРИДНЕСТРОВЬЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вергузь Александр Сергеевич

помощник президента МГУУ Правительства Москвы, г. Москва

E-mail: verguz-as@mail.ru

К сожалению, несмотря на прошедшие 20 лет, не только общественное мнение, но и экспертные институты как европейских, так и всех стран мира крайне мало знают об истинных причинах вооруженного конфликта 1992 года и дальнейшем развитии отношений между, образовавшейся после распада СССР Республикой Молдова и спонтанно возникшим Приднестровьем — непризнанной территорией на левом берегу Днестра. В этой связи для правильного понимания процессов, происходящих сегодня в этом регионе Европы, крайне важно рассмотреть как складывалась современная этнополитическая ситуация в Молдове и Приднестровье.

Её формирование в регионе началось в середине XIV века. В 1362 году правитель Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского Ольгерд разбил войска Золотой Орды на берегах реки Синюхи, притока Южного Буга. В дальнейшем к боевым действиям против Орды присоединилось возникшее тремя годами раньше княжество Молдова, и ордынцам пришлось оставить земли между Прутом и Днепром. Согласно договору 1387 года границей Русско-Литовского княжества и Молдовы был признан Днестр.

Таким образом, сразу же после прихода на Днестр прямых предков современных молдаван территории нынешних Республики Молдовы и Приднестровской Молдавской Республики оказались в различных государствах. Первая до 1812 года вместе с теперешней Восточной Румынией и черноморским побережьем Украины от Днестра до Дуная образовала княжество Молдова, ставшее с 1518 года сателлитом Османской империи.

По-другому развивалась в XIV—XVIII веках история левобережья Днестра. Объединение Русско-Литовского княжества

и Польского королевства привело к постепенному переходу Приднестровья под власть Польши. С 1502 года юг края до реки Сухой Ягорлык захватывает Крымское Ханство, включившее его в территорию Эдисанской орды. Как и господа Молдовы, крымские ханы зависели от Османской империи, но проводили в Приднестровье принципиально иную политику, чем молдавские правители в Бессарабии. Приднестровских славян и молдаван ханы рассматривали в лучшем случае как объект ничем не ограниченного грабежа, а еще чаще в качестве угоняемых на невольничьи рынки Стамбула рабов.

Оставшееся под властью Польши население северного Приднестровья находилось в несколько лучшей ситуации. Однако национальные и религиозные отличия способствовали многочисленным конфликтам местного, главным образом крестьянского, населения с колонизирующим край польским дворянством. Неравноправное положение приднестровцев приводило их к неоднократному участию в вооружённых выступлениях недовольных засильем поляков русско-литовских князей.

К концу XVIII века внешнеполитическая ориентация населения правого и левого берегов Днестра окончательно определилась. Жители Бессарабии при всех издержках воспринимали власть за Прутом как свою, которая сама от султана терпит, но при удобном случае и против него выступает, как это было при государях Штефане Великом и Дмитрие Кантемире. Приднестровцы же, никогда не подчинявшиеся Молдове, не воспринимали ее как серьезную силу, а защиту от польского угнетения и крымского геноцида искали на востоке — у русских гренадер и запорожских казаков.

Даже российское завоевание территории между Южным Бугом и Прутом не привело к административному объединению Приднестровья и Бессарабии. Крымско-татарская часть Левобережья, отошедшая к России по Ясскому договору 1791 года, вошла в состав Херсонской губернии, а северное Приднестровье, присоединенное двумя годами позже, — в состав Подольской. Земли между Днестром и Прутом отошли к России в 1812 году как отдельная Бессарабская губерния.

Административные границы губерний в основном соответствовали этническим. Если в Бессарабии молдаване преобладали абсолютно, то в Тираспольском уезде Херсонской губернии в 1859 году их доля, несмотря на переселение части бессарабских молдаван, достигала лишь 32,4 %. К концу XIX века молдаване составляли около 12 % жителей Тирасполя,

до 20 % бендерчан, 28 % дубоссарцев, 44 % григориопольцев и порядка половины сельского населения Левобережья.

Присоединение левобережных районов к губерниям Новороссии показывало, что имперские власти не отделяли местных жителей от прочих обитателей северного Причерноморья, тогда как Бессарабия ими выделялась в отдельную административно-территориальную единицу.

История показала, что контроль Петербурга над междуречьем Днестра и Прута оказался куда менее прочным, чем над соседними территориями. Уже в 1856 году, после Крымской войны, Россия вынуждена была уступить Молдове юг Бессарабии с устьем Дуная, и лишь после русско-турецкой войны 1877—1878 годов прежнее положение было восстановлено. На ситуацию в крае начинает влиять и процесс интеграции романоязычных народов региона, вылившийся в 1859 году в объединение Молдовы и Валахии в единую Румынию.

После распада Российской империи жители левого и правого берегов сделали противоположный выбор. На территории нынешней Молдовы возникла Молдавская Народная Республика, часть населения которой впоследствии поддержала вторгшуюся туда румынскую армию, и до 1940 года Бессарабия оставалась в составе Румынии.

На левом берегу сторонников присоединения к Румынии практически не оказалось, и все попытки румынских войск закрепиться там провалились.

1 мая 1919 года в Приднестровье была провозглашена Бессарабская Советская Социалистическая республика в составе России со столицей в Тирасполе, а после падения советской власти край находился под контролем возглавляемого белогвардейским генералом Деникиным Временного правительства юга России. После отступления белых приднестровская государственность была восстановлена в виде созданной 12 октября 1924 года Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в составе советской Украины. Первоначально столицей автономии стал город Балта, а в 1929 году ее перенесли в Тирасполь.

Объединение Приднестровья и Бессарабии состоялось лишь после присоединения последней к Советскому Союзу. 30 июня 1940 года около половины территории МАССР было объединено с частью земель между Днестром и Прутом, а северо-восточные районы МАССР остались в составе Украины. Новый субъект советской федерации — Молдавская Советская Социалистическая Республика — был создан без референдума или какого-либо другого учета мнения населения. А всего через год едва возникшая МССР прекратила свое существование вследствие оккупации немецко-румынскими войсками.

Понимая коренную разницу между этнокультурно близкой Бессарабией и чуждым Приднестровьем, диктатор Румынии Ион Антонеску 19 августа 1941 года включил левобережье Днестра в особую административную структуру — Транснистрию, объединяющую земли нынешней ПМР и соседние районы Украины вплоть до Южного Буга.

Важнейшей задачей оккупационной администрации стало принудительное изменение этнического состава Приднестровья. С учетом беженцев население территории нынешней ПМР сократилось более чем на 100 тысяч человек, в основном славян и евреев. Одновременно с территории Румынии и Украины на Левобережье Днестра было переселено около 20 тысяч молдаван и румын. Однако даже с учетом этих мер добиться устойчивого преобладания романоязычного населения в Приднестровье не удалось. К середине 1943 года из 264 тысяч проживающих там числилось лишь 145,8 тысячи молдаван и румын.

После окончания Второй мировой войны МССР продолжала оставаться искусственным образованием. Этнический состав населения по разные стороны Днестра почти не менялся. Если на левом берегу и в Бендерах проживало 39 % молдаван и около 60% славян, то на правом — 68 % молдаван и до 25 % славян.

Достаточно своеобразно развивалась и экономика республики. Продукция предприятий как Бессарабии, так и Приднестровья шла в основном на рынки других советских республик и на экспорт, а внутриэкономические связи развивались слабо, отчего обособление экономик Молдовы и ПМР после распада СССР прошло достаточно быстро.

Полвека существования Молдавской ССР оказалось слишком коротким сроком, чтобы создать единый народ из обитателей разных берегов Днестра. Влияние веков проживания в различных государственных и административных образованиях оказалось многократно сильнее. Поэтому совсем неудивительно, что после ослабления коммунистического режима МССР распалась еще быстрее, чем Советский Союз.

Список литературы:

1. Атлас Приднестровской Молдавской Республики. История. 2-е изд. дополненное. Тирасполь, 2007.
2. Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г. Курс лекций по истории Молдавии. Тирасполь, 1990—1997.

3. Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г., Шорников П.М. Государственность Приднестровья: история и современность. Тирасполь, 2011.
4. История Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь: — РИО ПГУ, 2001.
5. Россия в исторических судьбах молдавского народа: сборник статей. — Бендеры, 2009.
6. Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007.

РОЛЬ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В МИФАХ НАРОДА МАНСИ

Кумаева Мария Владимировна

научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

E-mail: kumaeva4@yandex.ru

В мифах отразились представления народа о происхождении мира и человека в далекие времена, о явлениях природы. Героями мифов являются и люди и духи-покровители, лесные духи и др. Духи-покровители изображаются похожими на людей и в образах некоторых животных, насекомых. В мифологических рассказах говорится о добре, о зле, об окружающем мире, о происхождении человека и т. д. Духи-предки народа манси имеют как мужские, так и женские образы. В данной статье мы рассмотрим некоторые женские образы в мифах.

Манси представляли многие объекты природы в женских образах. В обращении к солнцу (Хотал), к воде (Вит-Хон) всегда добавляли «Эква» — «Женщина», а рассказывая об огне, употребляли термин «Тяк-Аква» — «Тётя» («Тётушка-Огонь»). Многих животных и насекомых манси считают священными, таких как медведь, лось, бобр, речная чайка, лягушка, стрекоза и др. По поверьям манси, медведь имеет небесное происхождение. И главный охотничий обряд у манси посвящен медведю — «Медвежий праздник». Этот обряд существует и в наше время. Исследователь мансийского языка и фольклора Евдокия Ивановна Ромбандеева о медведе отмечает, что «в сказаниях говорится, что дочь Нуми-Торума спустилась с неба на болотистую, покрытую шиповником и чермухой землю, на такую, где живут манси... Она, не выдержав трудностей на земле, стала медведицей, и пять звезд на небе, созвездие Малой Медведицы, над территорией проживания манси поименованы медведю» [3, с. 124].

В мифе «Ма тэлум ялпынг мойт» («О сотворении Земли») читаем: «Тунра-Сяхыл-Экваг-Ойкаг олэг. Живут Жена-и-Муж-Торфяного-Клочка. <...> С Женой спать легли, [Муж] встал: его Жены нет. <...> Прошло четыре-пять недель... Подошел к порогу: его Жену снаружи слышно, говорит: «Не выходи! Я мальчика родила, мой сыночек уже белку добывать может — так вырос, я через неделю домой вернусь, ты не выходи наружу!» [1, с. 35]. В этом мифе присутствует женский образ — Эква (женщина), она и Жена и мать мальчика (Тарыг-Песь-Нималя-Сова). Когда Тарыг-Песь-Нималя-Сов вырос, отец ему сказал: «...Мужчина, объезжающий землю, Мужчина, объезжающий воды, край многих женщин сам ищи...» [1, с. 35].

Так, путешествуя по Земле, Тарыг-Песь-Нималя-Сов нашел себе несколько жён — героиню-богатырку, дочь Кирп-Нёлл-Эквы, дочь Вит-Хона, дочь Хотал-Эквы, дочь Этпос-Ойки, дочь Мортым-Эквы и Мортым-Ойки. Он взял всех жен и направился с ними в дом родителей. Так прослеживается предназначение Тарыг-Песь-Нималя-Сова в том, что его дети, его потомки станут наследниками всех этих владений природных Стихий на Земле.

«Долго ехали, коротко ехали, в его собственный город и прибыли... Во время еды, питья мать говорит: «Когда-то долгая человеческая жизнь настанет, вечная человеческая жизнь настанет. В бедных шубах бедняжки-мужчины, которые обоснуются в краях с живущими героями, с живущими богатырями, рогатого самца будут в жертву (тебе) приносить, копытного самца будут в жертву (тебе) приносить!... Когда-то долгая человеческая жизнь настанет, вечная человеческая жизнь настанет, на земле ты Мир-Суснэ-Хумом будь, твой отец Нуми-Торумом на небе пусть будет, я же буду Калтась... Вот в благе-изобилии теперь и живут, теперь и благоденствуют» [1, с. 35]. В три разные места и ушли (отец, мать, сын).

В этом мифе мы можем выделить такие священные женские образы как героиню-богатырку, дочь Кирп-Нёлл-Эквы, дочь Вит-Хона, дочь Хотал-Эквы, дочь Этпос-Ойки, дочь -Мортым-Эквы и Мортым-Ойки, которые стали жёнами Мир-Суснэ-Хума. Этим женским образам — духам-покровителям, люди тоже обращаются в своих молитвах о благополучии, здравии. О них говорится и в легендах и в сказках. Также в этом мифе присутствует священный женских образ — Калтась.

В другом мифе «Порнэ ракт няврам вари» («Порнэ лепит глиняного ребенка»), говорится так: «Мосьнэг Порнэг акв павылт олэг. Ойкаген алысьлангкве ворн минасыг... Мосьнэ и Порнэ в одной

деревне живут. Их мужья лесовать пошли. Они дома остались, одни в деревне. У них обеих есть по мальчику.

Вот однажды Порнэ забежала (к соседке), говорит:

— Милая-Мосьнэ, давай съедем своих детей.

Эта Мосьнэ говорит:

— Зачем же ты так говоришь?! Пусть они растут, бегают.

Эта Порнэ так и выскочила, просто выметнулась.

Немного погода снова явилась, опять говорит:

— Милая_Мосьнэ, съедем своих детей.

Мосьнэ опять те же слова говорит:

— Зачем ты такое зря говоришь, живи себе.

Эта Порнэ — ни слова, ни ответа, на улицу метнулась, только дверь хлопнула». <...> «Порнэ, оказывается, к приходу своего мужа глиняного ребенка сделал» <...> «Если бы глиняный ребенок Порнэ побегал, то с наступлением долгой человеческой жизни пришлось бы человеку лепить детей из глины, так бы и делали. И никакая женщина не мучилась бы» [1, с. 65]. В этом мифе женские персонажи — Мосьнэ и Порнэ.

Одним из мифологических персонажей является Менкв. «Менквы во всех фольклорных источниках представляются как *ворут* — некие лесные существа, ворт олнэ капаит «в лесу живущие великаны». Согласно фольклору, Менквы имеют несколько голов (от одной до семи)... Менквы имеют семьи, у них, как и у людей, есть жёны, дети» [2, с. 30]. По одной из легенд, услышанной от моей мамы Варвары Васильевны Алгадьевой, говорится о том, что «В давние времена в деревне Менгквья жила семья. Муж, жена и маленький грудной ребенок — их сын, *апат хуйнэ няврам* (букв. возрастом — ребенка спящего в берестяной люльке). Женщина в лес собралась за сбором ягод и взяла своего ребенка спящего в берестяной люльке с собой. Поставила она люльку на бревно и отошла от него, собирать ягоды. По поверьям манси, в люльку ребенка нужно обязательно положить или спички, или ножницы, как оберег от нечистой силы, от злых духов. Но она не положила ни спички, ни ножницы. Через некоторое время женщина пришла к ребенку, но вместо своего ребенка увидела ребенка необычной внешности. У ребенка голова, глаза, уши были больше, чем у своего ребенка. Муж и жена вырастили этого ребенка. Мальчик вырос Менквом и ушел в лес. Прошло время, у мужа и жены родилась дочь. Однажды, играя на берегу реки, девочка вдруг увидела на другом берегу высотой с дерево молодого человека — Менква, своего брата. Так, затем речка была названа Менгквья (река Менква).

Следует отметить, что в мансийском фольклоре не говорится о том, сколько персонажу, герою произведения лет. Возраст называется такими выражениями, как *апат хуйнэ няврам* (букв. возрастом — ребенка спящего в берестяной люльке), хайтыгтан янытыг олы (букв. на ножках бегающий ребенок) и др. Имена людей, персонажей фольклора также не называются, их называют — эква-ойкаг (жена и муж), пыг (сын, мальчик), аги (дочь, девушка), аква (тётя), аки (дядя) и т. п., употребляется родственная терминология.

В другом фольклорном тексте «Эква-пыгрись мойт» («Сказка об Эква-пыгрисе»), записанном от информанта Варвары Васильевны Алгадьевой, присутствуют такие персонажи как Менкв, Менкв-эква (букв. жена Менква):

«Эква-ойкаг олэг... Жена с мужем живут. Трех сыновей растят (имеют). И вот разговоры стали ходить: «Люди стали гибнуть... Съедают людей многоголовые Менквы». И вот жены и мужа два старших сына стали собираться в дорогу с Менквами сражаться... А младший брат зачем оставаться будет?! Говорит: «Я тоже пойду». А родители что станут делать. Собрали трем сыновьям еду, дорожный мешочек. <...>

И вот младший брат показался из укрытия и стал с женщиной Менкв сражаться. Эква-пыгрись саблей разрубил ее. Многоголовых Менквов и их мать Эква-пыгрись уничтожил, победил...».

Таким образом, из выше проведенного анализа мансийского фольклора, мы можем сделать вывод, что в мифах женские образы выступают духами-предками (духами-покровителями). Люди им поклоняются и совершают обряды. Приносят им жертвоприношения, делают молебные места. К ним обращаются во время нужды, болезней. Произносятся призывные песни, заклинания. Строго соблюдаются запреты, правила почитания духов-предков. Женские образы, представленные в мифах, предназначены свыше стать хранителями, помощниками людей какой-либо местности. Они священны, почитаемы на обрядах, например «Медвежьего праздника» им тоже приносятся молитвы, поклонения. «Из этого следует, что образ... духов-предков складывается из наложения двух традиций — фольклорной и ритуальной» [2, с. 29]. Всё, что находится на территории духа-хранителя, принадлежит ему, и промысловая удача, благополучие семьи, зависит от того, насколько человек старается соблюдать правила, традиции, обряды. В мифах духи-предки имеют имена как например Калтась эква (прародительница), Касум най аги, Нёр эква и др. Они имеют конкретную территорию, местность, за которую ответственны перед высшим Нуми Торумом, своим отцом.

Список литературы:

1. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е.И. Ромбандеева. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26) Новосибирск: Наука, 2005. — 475 с.
2. Попова А.С. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Том ун-та, 2003. — 180 с.
3. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура / Е.И. Ромбандеева. Сургут: АИИК «Северный Дом», 1993. — 208 с.

4.3. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ВЫБОР МЕСТА СТРОИТЕЛЬСТВА ПРОМЫШЛЕННЫХ УСТАНОВОК ТЕРМИЧЕСКОГО КРЕКИНГА В СССР В 1920—1930-Е ГОДЫ

Ахмадова Хава Хамидовна

*профессор, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: hava9550@mail.ru*

Сыркин Алик Михайлович

*профессор, Уфимский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Уфа
E-mail: syrkinam@mail.ru*

Абдулмежидова Зулай Абдуловна

*доцент, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: zuly@mail.ru*

При ожидавшемся в 1930-е годы значительном развитии крекинга в СССР чрезвычайно важное значение имел вопрос не только выбора системы крекинга, их мощности, но и места строительства крекинг-установок.

Где строить концентрированные крекинг-заводы — то ли в местах добычи, т. е. прежде всего в Баку и Грозном, или же в местах потребления автотракторного горючего — этот вопрос был предметом многочисленных обсуждений и требовал основательной проработки [6].

Основными нефтедобывающими и нефтеперерабатывающими районами в СССР в 1920—1930-е годы являлись районы Баку и Грозного, где добывалась основная часть нефти, и было сосредоточено порядка 94—95 % основных нефтеперерабатывающих заводов страны. В условиях того времени размещение нефтеперерабатывающих предприятий в местах добычи являлось целесообразным и выгодным. Советская нефтепромышленность до 1930 года развивалась именно по этому пути [1].

И только начиная с 1929 г. наметились первые сдвиги в развитии заводского строительства в других районах.

Весной 1929 г. в строй действующих вступил трубопровод Грозный — Туапсе, в феврале 1930 г. Баку — Батум. В этот период начали строить нефтеперерабатывающие заводы в Туапсе и Батуми, причем Туапсинский НПЗ уже в конце 1929 года вступил в эксплуатацию. На этих заводах в 1931 г. планировалось переработать около 4 млн. тонн нефти, т. е. 17 % от всего объема перерабатываемой нефти [2].

В силу целого ряда экономических и политических причин, дальнейшее развитие нефтеперерабатывающей промышленности в Союзе предусматривало сосредоточение ее в местах потребления. Было запланировано строительство новых заводов в Армавире, Москве, Самаре, Сталинграде, Нижнем Новгороде, Хабаровске, Владивостоке и на Урале, причем часть этих заводов должна была быть введена в эксплуатацию еще в 1932 и 1933 гг.

В связи с этим доля участия Грозного и Баку в общей переработке нефти снижалась с 94 % в 1928—1929 гг. до 66 % в 1933 г., причем заводы в местах потребления (без Туапсе и Батуми) уже перерабатывали в 1933 г. 20,0 % всей нефти, вместо 3,36 % в 1928—1929 гг. (таблица 1) [1].

Таблица 1.

Размещение нефтеперерабатывающих заводов в СССР в годы первой пятилетки по сравнению с 1913 годом

Годы	Доля в общей переработке нефти в СССР, (% мас.)				
	Баку	Грозный	Туапсе	Батуми	Другие районы
1913	79,88	16,60	0,95	1,72	3,52
1927—1928	59,57	36,80	7,37	9,51	3,63
1928—1929	58,16	35,80	7,12	9,46	3,36
1931 г.	43,95	34,84	6,12	8,13	4,33
1932 г.	38,72	35,17			9,53
1933 г.	34,54	31,34			19,87

В США в 20-е годы XX в. также широко применяли переработку и крекинг в местах потребления (районы Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора, Чикаго и др.) [1].

Но наблюдающаяся в 1929—1930 гг. тенденция к строительству продуктопроводов способствовала созданию переработки нефти в местах добычи. Так, в США в 30-е годы XX в. стали усиленно развиваться заводы на Голфе, в Мид-Континенте и в Калифорнии, в то время как огромные заводы около Нью-Йорка работали приблизительно на 50 % своей мощности.

В СССР наиболее целесообразным с экономической и технической стороны было концентрирование крекингов в Баку и Грозном при условии строительства продуктопроводов к местам наиболее широкого потребления автотракторного топлива [2, 3, 5, 7].

Вместе с тем в СССР рассматривался вопрос развития процесса крекинга и на Волге. В пользу Волжского района говорил и тот факт, что здесь было возможно концентрирование переработки и крекинга Эмбенских нефтей [6].

По числу крекинговых установок в первом пятилетнем плане на 1932/33 г. было запланировано производство 8,0 млн. т крекинг-бензина, для получения которого необходимо было 180 установок типа Винклер-Коха производительностью в 2 600 баррелей в сутки или 120 установок типа Кросса производительностью в 3 500 баррелей в сутки [6].

При строительстве 180 единиц крекинг-установок системы Винклер-Коха, их распределение планировалось следующим образом:

- строительство в Грозном не менее 45 единиц крекинга, в Баку или в одном из городов Волги на базе бакинских нефтей приблизительно такого же количества крекингов и организация крекинга эмбенских нефтей.

Таким образом, получалось три основных центра крекинга: два на Северном Кавказе и один в Баку или на Волге, включающих строительство свыше трех четвертей всех предполагаемых крекинговых установок в конце пятилетия.

Такое интенсивное строительство в течение 2—3 лет крекинговых установок и другого оборудования, связанного с ними, в 1928—1930 гг. было практически невозможно без развития машиностроительных отраслей и предполагало интенсивную подготовку металлообрабатывающих и машиностроительных заводов к развертыванию новых форм машиностроения.

Индустриализация страны и необходимость форсировать экспорт, который приобретал в это время все большее значение, предопределяют дальнейшие этапы развития заводского строительства в СССР вообще, и в Грозном, в частности, как крупнейшем центре нефтяной промышленности СССР. Ведущая роль в ассортименте реализуемой

продукции, вместо мазута, должна была быть обеспечена за бензином, пользовавшегося тогда большим спросом на мировом рынке.

К 1928 г. структура мирового нефтеэкспорта (таблица 2) [3] существенно изменилась по сравнению с довоенным временем и существенно отличалась от структуры нефтеэкспорта СССР (таблица 3) [5].

Таблица 2.

Доля отдельных нефтепродуктов в мировом нефтеэкспорте (в % ко всему товарному вывозу)

Годы	Бензин	Керосин	Смазочные масла	Мазут и сырая нефть
1913	10,6	39,8	8,8	40,8
1928	20,0	9,3	4,0	66,7

Таблица 3.

Структура советского нефтеэкспорта в 1927—1928 гг.

Статья нефтеэкспорта	Нефтеэкспорт	
	тыс. т	%
Керосин	663,3	24,3
Бензин	760,3	27,9
Смазочные масла и спец. продукты	245,1	9
Нефтетопливо и сырая нефть	1059	38,8
Итого	2727,7	100

Мировой экспорт бензина увеличился вдвое с 10,6 до 20,0 % и практически весь бензин (27,9 %), произведенный в Советском Союзе отправлялся за границу [5].

Поэтому, форсирование работ по крекинго-строению в Союзе являлось первоочередным. Только полное крекирование всего остаточного сырья могло удовлетворить растущую потребность страны в горючем и увеличить до необходимых пределов экспорт бензина.

В отношении развития крекинг-производства перед Грозным стояли большие задачи — был взят курс на полное крекирование мазута и соляра.

Грозненская нефть, дающая отбор бензино-лигроиновых фракций до 22 %, парафина — 2,5 %, масел индустриальных — 8 % и брайтстоков — 7 %, уже известным образом предопределяла характер и направление переработки в Грозном. Соединение же

Грозного мощными товаропроводами с Украиной и Каспием и нефтепроводом с Туапсе определенно указывало на необходимость именно в Грозном строить крекинг-комбинат, с глубокой переработкой всего мазута и соляра [4, 7].

В этих условиях развертывание крекинг-строительства в Грозном намечалось такими темпами, чтобы уже в 1933 году все остаточные продукты были использованы как сырье для крекирования, что требовало строительства 28—30 крекингов, не считая восьми, находящихся в работе, и двух отечественных, устанавливаемых в 1931 году на территории крекинг-завода.

Для такого огромного строительства территория 7-го Грозненского крекинг-завода, насыщенная заводскими установками, была недостаточна.

Поэтому строительство этого грандиозного крекинг-завода планировалось произвести на территории Андреевской (Ермоловской) долины [4, 6, 7].

Планом строительства был предусмотрен ввод в эксплуатацию части установок в 1932 г. (8 крекингов), а в конце 1933 г. крекинг-комбинат планировалось полностью ввести в эксплуатацию.

Помимо крекинг-установок на этом комбинате намечалась организация производства асфальта, кокса и газового бензина. Для этого планировалось строительство соответствующих установок: 51—57 коксовых кубов мощностью 20 000 т каждый, 2—3 трубчаток для получения асфальта из крекинг-остатков соляра, а также 2—3 газоулавливающих установок для полной утилизации газа, получаемого от всех производственных процессов, в том числе от крекинг-установок.

Однако эти планы в отношении такого грандиозного крекинг-строительства в Грозном не были полностью осуществлены из-за отсутствия в соответствующем объеме развитой машиностроительной отрасли. В Грозном построили всего 18 крекинг-установок из 38 запланированных. Первоначально было запланировано строительство в Грозном в первую пятилетку не менее 45 единиц крекингов.

Список литературы:

1. Гурвич С. Пути развития заводского строительства в Грозном // Грозненский нефтяник. — 1931. — № 8—10. — С. 56—59.
2. Иголкин А.А. Советский нефтяной экспорт в годы предвоенных пятилеток // Нефтяное хозяйство. — 2006. — № 9. — С. 139—141.

3. Кострин К.В. Крекинг-установки Винклер-Коха для переработки мазута // Нефтяное хозяйство. — 1929. — № 10. — С. 520—521.
4. Левшин В.П., Дембо Е. Эффективность строительства крекинг-комбината // Грозненский нефтяник. — 1931. — № 8—10. — С. 60—63.
5. РГАСПИ. — Ф. 670. Оп. 1. Д. 38. Л. 70.
6. Саханов А.Н. Перспектива крекинга и гидрогенизации //Труды конференции по крекингу и гидрогенизации. Грозный.: Гос. научно-технич. изд-во, 1931. — С. 117.
7. Саханов А.Н. Проблема Андреевской долины // Грозненский нефтяник. — 1931. — № 8—10. С. 64—72.

**«СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

17 сентября 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 24.09.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,375. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3